

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**Гуманитарные и общественные
науки**

Том 10, №4 2019

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2019

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор — **Чернявская В.Е.**, д-р филол. наук, профессор,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия.

Алмазова Н.И., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Бернер Э., д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Германия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Турция;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Россия;

Кулик С.В., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Куссе Х., д-р филол. наук, профессор, Технический университет Дрездена, Германия;

Марков Б.В., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Миронов В.В., д-р филос. наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия;

Погодин С.Н., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Попова Н.В., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Свердлов М.Б., д-р ист. наук, профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Россия;

Халяпина Л.П., д-р пед. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Шипунова О.Д., д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Россия;

Шпицмюллер Ю., д-р филол. наук, профессор, Венский университет, Австрия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

С 2010 года журнал выпускался в составе сериального периодического издания «Научно-технические ведомости СПбГПУ» (ISSN 1994-2354), в 2012 году он был зарегистрирован как самостоятельное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Тематические разделы издания соответствуют отраслям науки согласно Номенклатуре специальностей научных работников, по которым присуждаются ученые степени: 07.00.00 — Исторические науки и археология, 09.00.00 — Философские науки, 13.00.00 — Педагогические науки.

Журнал включен в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенную на платформе Научной электронной библиотеки на сайте <http://www.elibrary.ru>.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

Адрес редакции и издательства: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29.

Тел. редакции: (812) 552-62-16.

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL

**Humanities and Social
Sciences**

Vol. 10, no. 4, 2019

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2019

HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES

EDITORIAL BOARD

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation – editor-in-chief.

Nadezhda I. Almazova, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Sergey V. Kulik, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Kuße Holger, Dr.Sc. (philol.), prof., Technical University of Dresden, Germany;

Boris V. Markov, Dr.Sc. (philos.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Vladimir V. Mironov, Dr.Sc. (philos.), prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation;

Sergey N. Pogodin, Dr.Sc. (history), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Nina V. Popova, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Mikhail B. Sverdlov, Dr.Sc. (history), prof., St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Lyudmila P. Khalyapina, Dr.Sc. (ped.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Olga D. Shipunova, Dr.Sc. (philos.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation;

Jürgen Spitzmüller, Dr.Sc. (philol.), prof., University of Vienna, Austria;

Aleksandra F. Yakovleva, Ph.D. (political), assoc. prof., Lomonosov Moscow State University, Russian Federation.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of Ph.D theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

This journal has been published as a part of the St. Petersburg State Polytechnic University Journal serial publication since 2010. It is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR) in 2012. Certificate ПИ № ФС77-52145 issued December 11, 2012.

The journal is divided into thematic sections that correspond to the fields of study in which postgraduates gain science degrees. The nomenclature of scientific specialties: 07.00.00 — historical sciences and archeology, 09.00.00 — Philosophical sciences, 13.00.00 — Pedagogical sciences.

The journal is on the Russian Science Citation Index (RSCI) data base

© Scientific Electronic Library (<http://elibrary.ru/>). No part of this publication may be reproduced without clear reference to the source.

The views of the authors can contradict the views of the Editorial Board.

The address: Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia.

Содержание

Исторические науки и археология

Шайдунов В.Н., Гончаров Ю.М. <i>История немецкой колонизации в России второй половины XVIII в. В отечественных публикациях (1860 – 1917 гг.)</i>	7
---	---

Философия

Аникин Д.А. <i>Историческая ответственность как предмет социально-философской рефлексии</i>	17
Шачин С.В. <i>К вопросу о предмете социальной философии: опыт синтеза феноменологической и системной теории общества на базе коммуникативной теории разума Ю. Хабермаса</i>	26

Прикладная лингвистика

Кушникова Л.В. <i>Когнитивно-семиотическое пространство перевода</i>	39
Яковлева А.Ф., Шестакова Л.Л. <i>Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре: основные методологические подходы (обзор круглого стола)</i>	47

Теория и методика обучения и воспитания

Мезенцева М.Е., Попова Н.В. <i>Современные тенденции развития метода проектных технологий в школе и вузе</i>	56
Дмитриев А.В., Коган М.С. <i>Потенциал корпусной лингвистики в подготовке специалистов в области компьютерной лингводидактики</i>	69

Образование. Культура

Арканникова М.С. <i>Стратегические коммуникации в контексте культуры социальных инноваций «Университета 4.0»</i>	86
Бронников И.А. <i>Сетевые гражданские инициативы как фактор трансформации публичных ценностей</i>	94

Рецензии

Погодин С.Н., Ли Ц. <i>Китайско-российские культурные связи: традиции академического диалога. Рецензия на коллективную монографию «A history of the cultural exchanges between China and Russia»</i>	103
---	-----

Applied Linguistics

Kosta P. <i>Grammatical and prosodic means of human- and animal-oriented (pre-) directives of talk- in-interaction</i>	111
---	-----

Contents

Historical Sciences and Archeology

Shaidurov V.N., Goncharov Yu.M. <i>History of German colonization in Russia during the second half of the 18th century presented in domestic publications (1860 – 1917).....</i>	7
---	---

Philosophy

Anikin D.A. <i>Historical responsibility as a subject of social and philosophical reflection.....</i>	17
Shachin S.V. <i>On the subject of social philosophy: the experience of synthesis of phenomenological and system theories of society on the basis of the communicative theory of mind by J. Habermas....</i>	26

Applied Linguistics

Kushnina L.K. <i>Cognitive-semiotic translation space.....</i>	39
Yakovleva A.F., Shestakova L.L. <i>Stratification of the lexicon of the modern Russian language and its reflection in the explanatory dictionary: ways of the discussion (round table review).....</i>	47

Theory and Methods of Training and Education

Mezentseva M.E., Popova N.V. <i>Modern tendencies of project method technologies development in school and university education.....</i>	56
Dmitrijev A.V., Kogan M.S. <i>The Potential of Corpus Linguistics in Training Foreign Language Teachers Majoring in Computer Assisted Language Teaching.....</i>	69

Cultural Studies

Arkannikova M.S. <i>Strategic communication in the context of “University 4.0” social innovation culture.....</i>	86
Bronnikov I.A. <i>Network civil initiatives as a factor of public value transformation.....</i>	94

Reviews

Pogodin S.N., Lee J. <i>Chinese-Russian cultural relations: traditions of the academic dialogue. Review on the collective monograph “A history of the cultural exchanges between China and Russia”.....</i>	103
--	-----

Applied Linguistics

Kosta P. <i>Grammatical and prosodic means of human- and animal-oriented (pre-) directives of talk-in-interaction.....</i>	111
---	-----

DOI: 10.18721/JHSS.10401

УДК: 930.2 07.00.09

**ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ПУБЛИКАЦИЯХ (1860 – 1917 гг.)**

В.Н. Шайдуров¹, Ю.М. Гончаров²

¹ Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

В середине 1760-х гг. в Поволжье, а в 1780-е гг. в Новороссии в ходе реализации политики заселения и хозяйственного освоения окраин и недавно присоединенных территорий появились многочисленные немецкие колонии. Процесс переселения в Россию происходил в различных исторических условиях, что привело к формированию особенных нормативно-правовых норм для разных групп немецкого населения. Это, в свою очередь, оказало существенное влияние на экономическое развитие поволжских и причерноморских немцев. Высокий уровень благосостояния немецких колонистов в разных регионах Российской империи породил уже к концу XIX в. пресловутый «немецкий вопрос», а его решение связывали с реализацией запретительного законодательства и ликвидацией немецкого землевладения. Все это породило активную дискуссию в России и заставило обратиться к истории появления немцев колоний. Статья посвящена историографическому анализу публикаций отечественных авторов, обращавшихся в 1860-х – 1917 гг. к изучению истории немецкой колонизации в Российской империи во второй половине XVIII в. Научный интерес к данной проблеме возник как ответная реакция на публицистические работы антинемецкой направленности. Для убедительной аргументации собственных позиций авторы исследований стали обращаться не только к законодательным актам времен Екатерины II и Павла I, но и к сохранившимся в архивохранилищах делопроизводственным документам, материалам статистики, воспоминаниям первопоселенцев. Они внесли большой вклад в реконструкцию начального периода истории немцев России и способствовали снижению градуса антинемецких настроений.

Ключевые слова: Российская империя, колонизация, немцы России, историография, немецкий вопрос, иностранные колонии

Ссылка при цитировании: Шайдуров В.Н., Гончаров Ю.М. История немецкой колонизации в России второй половины XVIII в. В отечественных публикациях (1860 – 1917 гг.) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 7–16. DOI: 10.18721/JHSS.10401

Эта статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

**HISTORY OF GERMAN COLONIZATION IN RUSSIA
DURING THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY
PRESENTED IN DOMESTIC PUBLICATIONS (1860 - 1917)**

V.N. Shaidurov¹, Yu.M. Goncharov²

¹ Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation

² Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Numerous German colonies appeared in the Volga region in the mid-1760s, and in Novorossiia in the 1780s in the course of implementation of colonization policy and economic development of the suburbs and recently incorporated territories. The process of migration to Russia took place in different

historical conditions, which resulted in formation of special legal norms for various groups of German population. Further, it had a significant impact on the economic development of the Volga and the Black Sea Germans. By the end of the 19th century the high standard of living of the German colonists in different regions of the Russian Empire gave rise to the notorious “German issue”, and its solution was associated with implementation of prohibitive legislation and elimination of German land ownership. All of that induced a dynamic discussion in Russia and forced addressing the history of emergence of the German colonies. The paper considers the historiographical analysis of publications of the Russian authors, resorting in the 1860s – 1917 to studying of the German colonization history in the Russian Empire of the second half of the 18th century. Academic interest in this problem arose as a response to the publicistic papers of anti-Kraut focus. For convincing argumentation of their own positions, the authors of the research started to address not only the regulatory acts of the times of Catherine the Great and Paul I, but also the current records remained in the archives, as well as statistical materials and memories of the first settlers. They have contributed heavily to reconstruction of the initial period of the Russian Germans and had a beneficial effect on reduction of anti-Knaut sentiments.

Keywords: Russian Empire, colonization, Russian Germans, historiography, German issue, foreign colonies

Citation: V.N. Shaidurov, Yu.M. Goncharov, History of German colonization in Russia during the second half of the 18th century presented in domestic publications (1860 – 1917), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 7–16. DOI: 10.18721/JHSS.10401

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

История немецкой диаспоры в России насчитывает не одну сотню лет. В допетровский период «немцами» зачастую именовали иностранцев, не владевших русским языком. В «Немецкой слободе» в Москве со времен Ивана IV Грозного до начала XVIII в. проживали не только немцы, но и голландцы, англичане, датчане и прочие иностранцы, которые вели свои дела в России.

В первой трети XVIII в. на русской службе оказались многочисленные немецкие выходцы как из германских государств, так и из Курляндии. Впоследствии они составили аристократическую часть немцев России. Но поистине массовый приток немцев произошел в царствование Екатерины II в середине 1760-х и 1780-е гг., когда в Россию прибыло несколько десятков тысяч немцев из Пруссии, Вестфалии, Саксонии, вольного города Гданьска (Данцига) и других государств. Их появление было связано с воплощением на практике идей физиократов и хозяйственным освоением незаселенных окраинных и недавно приобретенных территорий. Поэтому именно в Поволжье и Новороссии появились десятки немецких колоний, которые должны были стать очагами развитого ремесленного и сельскохозяйственного производства.

Со второй половины XIX в. началось научное изучение истории немцев России, в результате чего была накоплена обширная историография. Однако современные авторы

обращаются к ней редко, а ее изученность носит фрагментарный характер [1].

Постановка проблемы и цели исследования

В условиях социально-экономической модернизации во второй половине XIX в. немецкие колонии в Поволжье и новороссийских губерниях превратились в основных производителей сельскохозяйственной продукции, составив серьезную конкуренцию как местным помещикам, так и русским и украинским крестьянам. Именно экономическое противостояние спровоцировало появление в общественно-политической повестке дня России пресловутого «немецкого вопроса», который зачастую позиционировался с «немецким засильем» в экономике. В качестве ответной реакции в научной среде и в среде российских немцев стали появляться публикации, посвященные разным историческим периодам диаспоры, общая цель которых – опровергнуть огульный тезис о «немецкой угрозе» в России, представив немецкое население неотъемлемой частью российского общества.

Целью данной работы является историографический анализ публикаций отечественных авторов по истории немецкой колонизации в России во второй половине XVIII в., обращавшихся к данной теме во второй половине XIX – начале XX в. Следует не только выявить тот круг исследовательских проблем, который их интересовал, но и определить источниковую базу для их решения. Комплексный анализ

работ позволит объективно их оценить, определить научную значимость для конкретного периода изучения истории российских немцев и возможность их использования в современных условиях.

Методология

Данное историографическое исследование базируется на принципах историзма и системного подхода. Во время работы были использованы как общенаучные, так и специальные исследовательские методы исторической науки.

Результаты исследования

Впервые о немецких колониях в России говорили путешественники, посетившие их уже в 70-80-е гг. XVIII в. [2]. Целая череда публикаций, посвященных истории и современному состоянию немецких поселений в Поволжье и на юге России появляется в 30-50-е гг. XIX в. на страницах «Журнала Министерства государственных имуществ», «Журнала министерства внутренних дел» и ряда других ведомственных изданий [3-5]. При этом до конца 1860-х гг. можно говорить только об отдельных публикациях, которые носили в большинстве случаев для авторов случайный характер. Как правило, они состояли чиновниками различных министерств либо офицерами Генерального Штаба. Кроме того, в публикациях этих лет колонии были представлены либо с позиций из физико-географических параметров, либо с точки зрения статистики.

В рассматриваемый период в свет выходили работы по истории немецких колоний на русском и немецком языках. В данной статье приоритет отдается русскоязычным исследованиям.

Первой серьезной работой, посвященной различным аспектам истории немецкой колонизации, стал труд А.А. Клауса «Наши колонии» (СПб., 1869). Предполагалось, что он будет издан двумя выпусками, однако очерки вышли только одним выпуском. В нем были собраны материалы, опубликованные ранее в «Вестнике Европы» в 1868 г., а также включены новые статьи.

Интерес к колониям объясняется происхождением автора - Александр Августович Клаус (1829 - 1887) был сыном колонистов колонии Норка Саратовской губернии. Будучи чиновником Министерства государственных имуществ в 1850-х - 1860-х гг., он имел возможность работать с первичными документами, связанными с экономическим положением немецких колоний в Новороссии и Поволжье. Приведенный

статистический материал был заимствован из многочисленных отчетов, справок, записок, многие из которых не сохранились. Секулярность взглядов Клауса, представленная в «Наших колониях», стала причиной его конфликта с лютеранским духовенством и поводом к увольнению со службы.

В своей работе А. Клаус затрагивает различные вопросы. Один из наиболее дискуссионных вопросов заключается в целях русского правительства, пригласившего немцев, как, впрочем, и других иностранцев, и последствиях колонизационных мероприятий второй половины XVIII в. Придерживаясь официальной позиции, Клаус указывает на то, что колонизационная политика русских властей в указанный период преследовала несколько целей. При этом делается акцент на том, что «поселения у нас иностранцев-земледельцев, в массе, предпринимались не с односторонней целью — занять оседло «пустующие» земли и окраины империи» [6, с. VI]. Перед этими мероприятиями стояла еще культурно-образовательная задача. Причем правительство об этом впервые открыто высказалось только в 1804 г. Насколько удачно были решены определенные задачи? А. Клаус без тени сомнения говорит о том, что первая цель была достигнута и наглядной картиной тому «служат сами колонии и более или менее цветущее положение в них» [6, с. VI]. Однако этот процесс протекал достаточно тяжело и болезненно как для немцев, так и для окружающих их населения. А. Клаус встает на сторону колонистов, пытаясь объяснить их изолированность целым набором причин. Среди таковых указывается не только незнание ими русского языка. Отмечается, что «русское общество и представители его экономических интересов» не предпринимали попыток «к толковому, всестороннему ознакомлению себя с бытом наших колонистов; с условиями, или вернее, системою первоначального водворения и дальнейшего развития колоний» [6, с. VIII].

В своей работе А. Клаус приходит к выводу, к которому он подводит читателя всем содержанием: в русских деревнях могут быть достигнуты большие успехи по экономическому и социальному развитию, как это произошло в немецких колониях. При этом указывается на то, что для этого не требуются какие-то «вечные привилегии», достаточно предоставить временные льготы, разработать разумную фискальную политику, сельско-судебный устав, предоставить земельный надел, а главное, организовать общины в «самом начале поселения». Все это должно стать предпосылками для

«всякого нормально развивающегося государства» [6, с. XII].

Тем не менее, значение этой публикации трудно переоценить. Благодаря собирательной работе А. Клауса были сохранены обширные первичные статистические данные о немецких колониях. Она стала основой для освещения истории немецкой колонизации в Российской империи. Например, в «Сборнике статистических сведений по Саратовской губернии» (Саратов, 1891) рассматривается вопрос о колонизации Камышинского уезда. Автор исторического экскурса признает, что немцы сыграли в этом процессе «весьма важную роль» [7, с. 44]. В то же время отсутствует авторская позиция, подмененная обширными цитатами из упомянутой монографии А. Клауса.

В 1890-е гг. появляется целый ряд публикаций, в которых рассматриваются вопросы колонизации юга России и его хозяйственного развития на рубеже XVIII – XIX вв. В качестве примера можно указать на брошюры Л. Падальки «Главные моменты в хозяйственном развитии Херсонского края» [8], «Землевладение немцев – бывших колонистов в Херсонской губернии» [9]. В своих работах Л. Падалька указывает на то, что процесс колонизации в Поволжье и на юге России протекал по-разному. По его мнению, колонизационные планы правительственных кругов по призыву сербов, валлахов и немцев в 50–60-е гг. XVIII в. по сути провалились. Например, манифест 1763 г. привел к появлению в Поволжье «праздношатающихся элементов ... из немецких земель» [8, с. 8]. Колонии, основанные на рубеже XVIII – XIX вв. в Новороссии, особенно меннонитские, были самыми богатыми и процветающими в России. Причина этого заключается в том, что «сомнительные результаты иностранной колонизации побудили правительство с разбором привлекать иностранцев на пустопорожние земли в России» [8, с. 8]. Это выразилось, в первую очередь, в привлечении сюда людей с профессиональными земледельческими и скотоводческими навыками, тогда как среди переселенцев на Волгу преобладали люмпены, вынужденные покидать родные места в поисках лучшей жизни. Переселение за свой счет, меньшие льготы, больший надел земли и прочие условия предопределили высокую эффективность южных колониальных хозяйств. Это объясняет повышенный интерес к колониям Херсонской, Таврической, Екатеринославской губерний специалистов-агров, с одной стороны, а с другой стороны, это способствовало их превращению в объект нападок со стороны

русских националистов в конце XIX – начале XX вв.

В начале XX в. появляется целая серия работ посвященная истории иностранной колонизации и немецких колоний в России во второй половине XVIII в. [10–13]. С них началось научное изучение этой темы. Причиной возникновения интереса к ней в научных университетских кругах стала развернувшаяся в периодической печати и публицистике конца XIX в. кампания по борьбе с «немецким засильем». Либерально настроенные историки должны были доказать общественному мнению ее безосновательность и представить объективную историю немецкой колонизации. Одним из них стал Григорий Григорьевич Писаревский (1868 – 1952?).

В первых статьях Г. Писаревский, будучи преподавателем Варшавского университета (в дальнейшем он будет профессором Варшавского (Донского), Смоленского, Азербайджанского университетов), обратился к отдельным эпизодам, связанным с переселением в южные районы России лютеран – выходцев из района Данцига (Гданьска) и меннонитов. Несомненная заслуга автора заключается в привлечении широкого круга исторических источников по вопросам иностранной колонизации в России во второй половине XVIII в. Значительная часть источников была впервые введена в научный оборот. Детальное изучение государственных архивов, в первую очередь, Московского главного архива Министерства иностранных дел, позволило Писаревскому достаточно подробно осветить отдельные эпизоды иностранной колонизации, например, миссию Г. Траппе в Данциге в течение 1786 г. и др.

В первой своей работе Г. Писаревский подробно рассматривает экономическую и социальную ситуацию, сложившуюся в Данциге после первого раздела Речи Посполитой. Это событие, прусская политика в отношении Данцига, природные катаклизмы подготовили почву для достаточно продуктивной деятельности русских агентов.

Одним из наиболее активных вызывателей в 1786 г. был Г. Траппе, рекомендованный князю Г. Потемкина великой княгиней Марией Федоровной. Миссия Г. Траппе стала объектом пристального изучения Г. Писаревским.

В своей работе Г. Писаревский постоянно ссылается на письма Г. Траппе князю Г. Потемкину либо приводит выдержки из писем русского дипломатического агента в Данциге С. Соколовского. При этом автор намеренно уклоняется от источниковедческого анализа данных источников, которые представляют их

читателям весьма субъективную информацию. С одной стороны, Г. Траппе, как лицо заинтересованное в успехе своего предприятия, представляет Г. Потемкину свою деятельность исключительно с позитивных сторон. Возникающие на его пути сложности объясняются либо противодействием со стороны властей Данцига или Пруссии, либо позицией, которая была занята С. Соколовским. То есть Г. Траппе в течение длительного времени полностью снимал с себя ответственность за возникавшие проблемы. Только в конце своей миссии, когда стало понятно, что предприятие все-таки заканчивается более или менее удачно, он признается, что изначально занял неправильную позицию в отношении представителя России в Данциге и коллегии иностранных дел в Петербурге, настаивая на ее исключительной секретности. «Я сожалею бесконечно, — писал он Потемкину от 8 (19) октября 1786 г., — что я прибыл сюда без письма со стороны г-на гр. Остермана. Огражденный таким письмом, я имел бы удивительный успех в моей комиссии» [10, с. 89]. С другой стороны, С. Соколовский, находившийся в неведении планов Г. Потемкина, пытался в своих письмах в Петербург вице-канцлеру Остерману всячески заранее оправдать свои действия в отношении Г. Траппе. То есть в обоих случаях мы сталкиваемся с субъективизмом авторов источников, на которых базируется рассмотренная работа Г. Писаревского. Тем не менее, анализ документов позволил автору выявить разночтения в подходах к колонизации со стороны инициаторов и непосредственных исполнителей вызывательских мероприятий. В данной работе это наглядно продемонстрировано в различном трактовании Г. Потемкиным и Г. Траппе задач «комиссии» последнего. Если Г. Потемкин определенно говорил о наборе крестьян из района Данцига, то Г. Траппе, со своей стороны, де-факто оставлял за собой право «вербовать» в ряды колонистов представителей различных сословий в разных местностях бывшей Речи Посполитой. То есть власти уже к этому времени попытались извлечь уроки из колонизационных мероприятий в Поволжье и более осторожно подходили к вызову иностранцев в Россию. О том, что были вывезены в Россию для расселения в Новороссии не только крестьяне, но также представители городских низов, свидетельствует приводимый Г. Писаревским факт, по которому часть колонистов (13 семей) была расселена в Севастополе [10, с. 94]. Таким образом, власти пытались осуществлять крестьянскую колонизацию окраинных земель, тогда как вызыватели, преследуя соб-

ственные корыстные интересы, стремились ввозить в пределы Империи всех желающих.

В своей статье «Вызов меннонитов в Россию» Г. Писаревский продолжает развивать тему иностранной колонизации в последней четверти XVIII в. В своей предшествующей работе Г. Писаревский только упоминает о переговорах, которые проводил Г. Траппе в Данциге с представителями меннонитской общины [10, с. 81–82]. Теперь же переселение меннонитов в Россию становятся объектом его специального исследования.

Г. Писаревский, опираясь на архивные документы, отмечает тот факт, что переселение из Данцига «пролетариев, лютеран по вероисповеданию, не объединенных в одну сплоченную религиозную общину» происходило иначе, чем меннонитов. Меннониты первыми обратились к русским властям в лице Г. Траппе с предложением заключить коллективный договор, в котором были бы отражены исключительные права и преимущества меннонитов, точные сведения о выделяемых для поселения землях [11, с. 52–53]. То есть идея его заключения исходила от представителей меннонитской общины, которая вела переговоры с Г. Траппе.

В просительных статьях меннониты, обращаясь к князю Г. Потемкину, определяли условия своего переселения, которые были установлены депутатами, посетившими места будущего поселения. Эти статьи устанавливали размер земельного надела, выделяемого семьям меннонитов, налоговые послабления, условия эксплуатации лесных и водных ресурсов и т.д. Достаточно важной, по мнению Г. Писаревского, являлась 17-я статья, в которой меннониты просили русские власти поручить Г. Траппе организовать их переселение в Россию.

В своей работе Г. Писаревский не без основания указывает на то, что набор колонистов в польских и иных землях проходил не совсем гладко. При этом следую многочисленные ссылки на противодействие прусских и данцигских властей. Особо автором акцентируется внимание читателей на появившихся в 1784 г. в Амстердаме мемуарах барона Тотта, в которых описывается встреча их автора с беглыми из России колонистами [10, с. 67]. Выдержки из мемуаров пытались использовать в своих интересах представители данцигской буржуазии, которая, по мнению Г. Писаревского, стремилась «подорвать в народе доверие к колонизационной политике русского правительства» [11, с. 67].

Г. Писаревский детально анализирует этот сюжет. При этом им используются выдерж-

ки из письменных заявлений Г. Траппе и собственные умозаключения. В результате автор приходит к выводу о том, что «во всех местностях, в которых заводятся колонии, появляются ... тунеядцы, негодяи, пьяницы, которые не хотят работать, напоследок же принимаются за воровство и, наконец, когда им не хотят позволить этого безнаказанно, убегают оттуда» [11, с. 68].

Достаточно подробно рассматривается в этой работе Г. Писаревским деятельность Г. Траппе в качестве вызывателя в течение 1787–1792 гг. Анализ русской дипломатической переписки, писем самого Г. Траппе приводит к выводу о том, что переселенческие проекты последнего представляли собой, своего рода, «панаму». Деятельность от имени Г. Потемкина до определенного времени позволяла ему осуществлять намерения, не согласовывая свои планы с Петербургом, а ставя его, как правило, перед фактом. Однако смерть Г. Потемкина изменила ситуацию. Вице-канцлер Остерман потребовал от Г. Траппе прекратить поездки по странам Европы и представить отчет, в том числе и финансовый, о проделанной работе. Однако, чем закончилась эта история «из архивных документов не видно» [11, с. 97].

В общих чертах Г. Писаревский описывает первые годы жизни меннонитов в Новороссии. Экономические сложности этого периода связываются им со смертью Г. Потемкина, который являлся «главным организатором в деле заселения Новороссийского края и покровителем иностранных колонистов» и финансовыми трудностями, которые испытывала русская казна после второй русско-турецкой войны. Меннониты первой волны водворения получали обещанные им суммы частями, которые тут же тратились на текущие нужды. Так как собственных средств у них практически не было, это не позволяло им вкладывать капиталы в становление и развитие хозяйства. Меннониты второго водворения, прибывшие в течение 1793–1796 гг., привезли с собой значительные денежные средства, достаточное количество рабочего скота. Выплаченные правительством суммы были вложены в хозяйство, что позволило значительно его укрепить. Именно меннониты положили начало успешной иностранной колонизации юга России, «давшей впоследствии обильные всходы» [11, с. 102].

Накопленный эмпирический материал был обобщен Г. Писаревским в его работе «Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в.» [12], которая стала, по сути, первым научным исследованием по истории иностран-

ной, в том числе, немецкой колонизации в России.

В предисловии автор представляет обзор публикаций, в которых затрагивается тема колонизации. По мнению Г. Писаревского, недостаток предшествующих работ заключается в том, что «или дают физико-географическое описание колоний, или сообщают о них статистические данные» [12, с. V–VI]. Первое относилось преимущественно к упоминавшимся выше описаниям русских и иностранных путешественников второй половины XVIII, второе – к публикациям в ведомственных журналах. Особо выделяется работа А. Клауса, который находился, по мнению Г. Писаревского, в лучшем, чем предшественники, положении, т.к. им использовался широкий круг источников, но все же с ненадлежащей полнотой.

Рассматривая историю немецкой колонизации, Г. Писаревский делит ее на два последовательных этапа: колонизация Поволжья и юга России. При этом активно используются различные исторические источники: законодательные акты, делопроизводственная документация, эпистолярные источники и т.д., подавляющее большинство которых вводилось в научный оборот впервые. Несомненная заслуга Г. Писаревского заключается в изучении большого корпуса архивных материалов. Достаточно подробно анализируется законодательная база для иностранной колонизации во второй половине XVIII в. Для этого используются не только тексты законов, но также привлекается набор параллельных источников, например, ведомственная переписка и др. Отдельные документы приводятся в работе в полном объеме с определенными комментариями. В первую очередь, это относится к тем актам, которые не вошли в Полное собрание законов.

Рассматривая немецкую колонизацию Поволжья, отмечается факт того, что она имела на начальном этапе в большей степени негативные последствия. Диссонансом звучат высказывания о немецкой колонизации юга России. При этом особо выделяется колонизация этого региона меннонитами и немцами иных конфессий, преимущественно лютеранами. В основном же повторяются мысли, высказанные в публикациях 1902–1903 гг., анализ которых был представлен выше.

Вопросы немецкой колонизации на примере отдельного региона затрагиваются Г. Писаревским в работе «Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII – первой четверти XIX вв.» [13]. Здесь уже более детально рассматриваются проблемы, с которыми пере-

селенцы из германских земель столкнулись на новом месте жительства. В частности, определяются причины их бедственного положения во второй половине XVIII в. Среди таковых автор выделяет случайный набор колонистов, незнание ими в подавляющем большинстве основ земледелия, поселение их на строго определенных землях, что лишало их простора для маневра, незнание местных природно-климатических условий и т.д. [13, с. 6, 8-9, 13]. Особое внимание уделяется проблеме высокой смертности и частым эпизоотиям в колониях в первые десятилетия их существования [13, с. 18-19, 21-23]. В качестве отдельной причины плохого экономического положения в колониях, по мнению Г. Писаревского, являлась постоянная материальная помощь со стороны властей, которая приводила к увеличению задолженности колонистов перед казной. Работа появляется на фоне антинемецкой кампании в России, однако в ней отсутствует идеологическая подоплека.

В целом в данной работе Г. Писаревский повторяет укоренившийся вывод о том, что «первоначальные предначертания Екатерининского правительства относительно способов и целей колонизации Поволжья иностранцами потерпели крушение» [13, с. 65].

Одним из исследователей истории немецкой колонии в России был Я.Е. Дитц (1864–1917), происходивший из семьи поволжских немцев-колонистов. Общественно-политические взгляды Дитца сформировались под влиянием народников. В Первой Государственной Думе (1906) он примкнул к трудовикам.

К 1914 г., когда в России отмечалось 150-летие немецких колоний в Поволжье, им была подготовлена рукопись «История поволжских немцев-колонистов». Целый ряд факторов привел к тому, что эта работа в течение 80 лет пролежала на музейных полках и была впервые опубликована в 1997 г. [14].

К моменту начала работ Я. Дитцем уже имелось значительное количество популярных статей, опубликованных в местной печати, и серьезных исследований по истории рассматриваемого вопроса. Специальное юридическое образование позволило Я. Дитцу по-новому подойти к вопросу начальных этапов немецкой колонизации в Поволжье во второй половине XVIII в. Он привлекает для своей работы юридический корпус документов того времени. Глубокий юридический анализ законодательных актов и делопроизводственной документации, которые ранее никем из исследователей не использовались, позволили сохранить для

потомков различные страницы истории поволжских немцев. Кроме того, в своей работе автор опирался на собранные им воспоминания бывших сотрудников Саратовской Конторы опекунов иностранных поселенцев. В то же время Я. Дитц отдает приоритет документам правительственных учреждений. Делается это вполне сознательно, так как «для историка важно получить голые факты, без всякого наслоения, неумолимые данные и цифры», в то время как «мемуарный материал сам по себе не может удовлетворить исследователя, так как всякое сообщение, даже весьма образованного и добросовестного современника, невольно субъективно, а факты освещаются авторами под индивидуальным впечатлением» [14, с. 9].

Я. Дитц в вводной части своей рукописи представляет не только анализ использовавшихся им источников, но также обращает внимание на наиболее заметные публикации предшественников и современников по рассматриваемому вопросу. Правда, в этом направлении он ограничивается перечислением работ и указанием основной темы, которая в них представлена.

В данной работе рассматривается, в первую очередь, немецкая колонизация Поволжья. Много внимания уделяется анализу причин, объясняющих, по мнению автора, бедственное положение поволжских колоний. Я. Дитц оставляет в стороне вопрос о случайности в вербовке переселенцев в германских землях, на котором акцентируют свое внимание современники. Им упор делается на той ситуации, которая сложилась уже после водворения в Россию. Одной из главных причин называется то, что чиновники «совершенно игнорировали законы, на основании которых устраивались колонисты» [14, с. 130]. При этом подобная ситуация имела место на протяжении всей второй половины XVIII в. Это нашло свое выражение в насильственном водворении переселенцев на пустовавших землях Поволжья, постоянных перебоях в обеспечении их денежными ссудами, скотом, семенным материалом, лесом. Кроме того указывается на то, что в 1782 г. директор экономии Огарев незаконно произвел «ломку в жизни и экономическом быте колонистов», что нашло свое выражение в ликвидации подворного землевладения и замене его подушным [14, с. 130]. Последний аспект рассматривается Я. Дитцем и Г. Писаревским с различных позиций, когда последний указывает на то, что Огаревым двигали, в первую очередь, «цели фискально-успешного взыскания

казенного долга» [13, с. 67–68].

Опираясь на воспоминания первопоселенцев, Я. Дитц указывает на негативное влияние соседства колонистов с местами кочевий киргиз-кайсаков и калмыков. «Все было разграблено и опустошено: двери и окна разбиты и разрублены, имущество разбросано, на улицах валяются трупы, там, где вчера был совершенный порядок, сегодня царствовал хаос, развалины, около которых уцелевшие тщетно звали своих отцов, жен, детей; каждый плакал над родным утерянным куском хлеба и маленьким имуществом» [14, с. 116]. В таком состоянии находились колонии после серии набегов кочевников в течение 1775–1776 гг.

Негативное воздействие, по мнению Я. Дитца, оказало на экономическое состояние колонистов посещение ряда колоний отрядами Е. Пугачева. Пугачевщина рассматривается им в традиционном для того времени ключе: антиправительственное выступление, которое принесло большинству населения страны разорение.

Заметный вклад в изучение истории немецких колоний в России внес пастор Якоб Штах. Первая его работа была опубликована на русском языке и посвящена южнорусским колониям [15]. Основное внимание сконцентрировано на колонизации немцами юга России. Однако автору не удалось обойти вниманием колонизационные мероприятия в Поволжье. В этом направлении Я. Штах следует в русле сложившейся традиции: негативном отношении к мероприятиям первого этапа. При этом автор ограничивается приведением текста манифеста 22 июля 1763 г. и основных положений «аграрного» кодекса 19 апреля 1764 г. Не рассматривая процесс переселения немцев в данный регион, их обоснования здесь, Я. Штах отсылает читателя к труду Г. Писаревского «Из истории иностранной колонизации...», переходя сразу к истории немецких колоний на юге России.

Основная причина, по которой русские власти обратились к колонизации окраин силами иностранцев, определяется Я. Штахом тем, что «в самой России не было возможности заселять эти края своими силами» [15, с. 7–8]. Возникшие немецкие колонии на юге России в течение длительного времени были изолированы от русских. Это объясняется, в первую очередь, сложностями, с которыми переселенцы столкнулись «при переселении в чуждую для них страну» [15, с. 98]. Они вынуждены были вести отчаянную борьбу за выживание. Со временем немецкие колонисты

разрушили барьер, отделявший их от прочего населения региона, но, преимущественно, первые контакты имели материальную основу. Я. Штах несколько преувеличивает в своей работе воздействие немцев-колонистов на кочевые народы Причерноморья, в частности, ногайцев, которых он называет не иначе как «дикими кочевниками» [15, с. 100]. Нельзя полностью согласиться с тем, что только немцы способствовали переходу различных народов от кочевого к оседлому образу жизни. Этот процесс был подготовлен рядом объективных факторов.

Заключение

Таким образом, в отечественной историографии с 1860-х гг. интерес к истории немецких колоний в России становится устойчивым. Активно разрабатываются различные аспекты, в том числе начального этапа немецкой колонизации в 1760-е – 1880-е гг. Появляются работы, в которых эта тема рассматривается в контексте общей истории колонизационного процесса (Г. Писаревский) либо колонизации отдельных регионов: Поволжья (Я. Дитц) и Юга России (А. Клаус, Г. Писаревский, Я. Штах).

Перед авторами рассмотренных выше работ стояли различные цели. Это привело к тому, что один и тот же вопрос рассматривался с различных подходов. Это позволило ввести в научный оборот достаточно широкий корпус исторических источников: от законодательных актов до мемуаров первопоселенцев и их потомков. Однако использование в работе различных блоков источников не исключило противоречий во взглядах на такие важные вопросы как вербовка переселенцев, их бедственное положение в отдельных районах водворения и т.д. При этом отчетливо прослеживается тенденция возвышения мennonитских колоний Новороссии и некоторого уничижения немецких колоний Поволжья. При этом авторы ссылаются преимущественно на субъективные факторы, оказавшие благоприятное воздействие на колонии в Причерноморье в первые годы их существования, несколько затушевывая важные объективные факторы.

Значение данных работ трудно переоценить. Авторы использовали многочисленные нормативно-правовые, делопроизводственные, статистические материалы, источники личного происхождения. Некоторая их часть погибла в годы Великой русской революции 1917 г., Гражданской войны, Великой Отечественной войны. Поэтому рассмотренные труды высту-

пают не только в качестве самостоятельных исследований, но также в качестве источников

по истории и этнографии российских немцев в конце XIX — начале XX вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Черказьянова И.В. Писаревский Г.Г. Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России / Подготовка текста, сост., ред., коммент. И.В. Черказьяновой. — М.: МСНК, 2011.
2. Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 г. Ч. 1. СПб., 1795.
3. А.З. Описание меннонитских колоний в России // Журнал Министерства государственных имуществ. 1842. Ч. 1. Кн. 2.
4. Витте Ю. О сельском хозяйстве в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях // Журнал Министерства государственных имуществ. 1844. Ч. XIII. № 10.
5. Корнис И. О состоянии хозяйства в Молочанских меннонитских колониях в 1843 г. // Журнал Министерства государственных имуществ. 1854. Ч. XI. № 5.
6. Клаус А. Наши колонии. СПб., 1869.
7. Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. XI. Камышинский уезд. Саратов, 1891.
8. Падалка Л. Главные моменты в хозяйственном развитии Херсонского края. Херсон, 1890.
9. Падалка Л. Землевладение немцев — бывших колонистов в Херсонской губернии. Херсон, 1891.
10. Писаревский Г. Вызов в Россию колонистов из Данцига. Эпизод из истории иностранной колонизации в России (по неизданным архивным документам) // Русская мысль. 1902. Кн. IX. С. 71 — 94.
11. Писаревский Г. Вызов меннонитов в Россию (по неизданным архивным документам) // Русская мысль. 1903. Кн. X. С. 49-102.
12. Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). М., 1909.
13. Писаревский Г. Хозяйство и форма землевладения в колониях Поволжья в XVIII — первой четверти XIX века. Ростов-на-Дону, 1916.
14. Дитц Я. История поволжских немцев-колонистов. М., 1997.
15. Штах Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М., 1916.

Статья поступила в редакцию 04.10.2019

REFERENCES

- [1] I.V. Cherkaz'ianova, G.G. Pisarevskii, Izbrannye proizvedeniia po istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii [Pisarevsky G. G. Selected works on the history of foreign colonization in Russia] / Podgotovka teksta, sost., red., komment. I.V. Cherkaz'ianovoi. Moscow, MSNK, 2011.
- [2] I. Lepekhin, Dnevnyia zapiski puteshestviia doktora akademii nauk ad'iunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva, 1768 i 1769 g. [Diurnal notes of the journey of the doctor of the Academy of Sciences adjunct Ivan Lepekhin to different provinces of the Russian state, 1768 and 1769] Vol. 1. SPb., 1795.
- [3] A.Z. Opisanie mennonitskikh kolonii v Rossii [Description of Mennonite colonies in Russia] // Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. 1842. Vol. 1. Is. 2.
- [4] Ju. Vitte, O sel'skom khoziaistve v Khersonskoi, Tavricheskoi i Ekaterinoslavskoi guberniakh [About agriculture in Kherson, Taurida and Ekaterinoslav provinces], Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. 1844. Vol. XIII. Is. 10.
- [5] I. Kornis, O sostoianii khoziaistva v Molochanskikh mennonitskikh koloniiakh v 1843 g. [On the state of the economy in the Molochansk Mennonite colonies in 1843], Zhurnal Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv. 1854. Vol. XI. Is. 5.
- [6] A. Klaus, Nashi kolonii [Our colony]. SPb., 1869.
- [7] Sbornik statisticheskikh svedenii po Saratovskoi gubernii [Collection of statistical data on the Saratov province]. T. XI. Kamyshinskii uезд. Saratov, 1891.
- [8] L. Padalka, Glavnye momenty v khoziaistvennom razvitii Khersonskogo kraia [The main moments in the economic development of Kherson region]. Kherson, 1890.
- [9] L. Padalka, Zemlevladieniye nemtsev — byvshikh kolonistov v Khersonskoy gubernii [Land ownership of Germans-former colonists in Kherson province]. Kherson, 1891.
- [10] G. Pisarevskii, Vyzov v Rossiiu kolonistov iz Dantsiga. Epizod iz istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii (po neizdannym arkhivnym dokumentam) [The call to the Russian colonists from Danzig. An episode from the history of foreign colonization in Russia (according to unpublished archival documents)],

Russkaia mysl'. 1902. Vol. IX. pp. 71 – 94.

[11] **G. Pisarevskii**, Vyzov mennonitov v Rossiui (po neizdannym arkhivnym dokumentam) [Calling Mennonites to Russia (according to unpublished archival documents)] // Russkaia mysl'. 1903. Vol. X. pp. 49-102.

[12] **G. Pisarevskii**, Iz istorii inostrannoi kolonizatsii v Rossii v XVIII v. (po neizdannym arkhivnym dokumentam) [From the history of foreign colonization in Russia in the 18th century (unpublished archival documents)]. Moscow, 1909.

[13]. **G. Pisarevskii**, Khoziaistvo i forma

zemlevladieniia v koloniakh Povolzh'ia v XVIII – pervoi chetverti XIX veka [Economy and form of land ownership in the Volga colonies in the 18th - first quarter of the 19th century]. Rostov-na-Donu, 1916.

[14] **Ia. Ditts**, Istoriia povolzhskikh nemtsev-kolonistov [History of Volga German colonists]. Moscow, MSNK, 1997.

[15] **Ia. Shtakh**, Ocherki iz istorii i sovremennoi zhizni iuzhnorusskikh kolonistov [Essays on the history and modern life of the South Russian colonists]. Moscow, 1916.

Received 04.10.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Шайдуров Владимир Николаевич

Shaidurov Vladimir N.

E-mail: s-w-n@mail.ru

Гончаров Юрий Михайлович

Goncharov Yuri M.

E-mail: yuriig@yandex.ru

DOI: 10.18721/JHSS.10402

УДК: 172.4

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Д.А. Аникин

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация

Целью статьи является анализ философских подходов к понятию «историческая ответственность», призванный сформулировать социально-философское содержание этой категории и сделать возможным сравнительный анализ форм актуализации исторической ответственности в современном социальном пространстве. Автор выделяет целерациональный, религиозный и критический подходы к исторической ответственности, выявляет их существенные характеристики и анализирует недостатки с точки зрения использования в анализе социальной и политической реальности. Методология исследования представляет собой синтез праксиологического и сетевого подходов. Праксиологический подход позволяет перейти от рассмотрения поступка как акта установления ответственности к изучению социокультурных контекстов, влияющих на формирование практик ответственности. Сетевой подход обозначает взаимозависимость практик исторической ответственности и механизмов их формирования в условиях плюралистического социального порядка. Для социально-философского понимания исторической ответственности необходимо осуществить переход от принципов индивидуализма и субстанционализма к принципам коллективизма и конструктивизма. Такой переход позволяет представить историческую ответственность не как рациональную установку конкретного политического деятеля или онтологическое основание человеческого поведения, а как социальный феномен. С одной стороны, она является результатом сложившихся в сообществе социальных практик, а с другой — сама приобретает формы практики, задавая новый формат символических действий и их дискурсивного обоснования. Авторский вклад заключается в концептуализации методологического синтеза праксиологического и сетевого подходов, позволяющего рассматривать историческую ответственность не в этическом или антропологическом, а в социальном контексте. Историческая ответственность, при таком подходе, выступает механизмом конкурентной борьбы сообществ за перераспределение символического капитала.

Ключевые слова: историческая ответственность, этика, пространство, социальные практики, символический капитал

Ссылка при цитировании: Аникин Д.А. Историческая ответственность как предмет социально-философской рефлексии // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 17–25. DOI: 10.18721/JHSS.10402

Эта статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

HISTORICAL RESPONSIBILITY AS A SUBJECT OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL REFLECTION

D.A. Anikin

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

The purpose of the article is to analyze philosophical approaches to the concept of “historical responsibility”, designed to formulate the social and philosophical content of this category and to make possible a comparative analysis of the forms of actualization of historical responsibility in the modern social space. The author identifies curative, religious and critical approaches to historical responsibility, identifies their essential characteristics and analyzes shortcomings in terms of use in the

analysis of social and political reality. The methodology of the study is a synthesis of praxiological and network approaches. The praxiological approach makes it possible to move from treating an act as an act of establishing responsibility to examining sociocultural contexts that influence the formation of practices of responsibility. The network approach refers to the interdependence of historical responsibility practices and mechanisms for their formation in a pluralistic social order. For social and philosophical understanding of historical responsibility, it is necessary to make a transition from the principles of individualism and substance to the principles of collectivism and constructivism. Such a transition makes it possible to present historical responsibility not as a rational establishment of a particular politician or an ontological basis of human behavior, but as a social phenomenon. On the one hand, it is the result of established social practices in the community, and on the other - itself acquires forms of practice, setting a new format of symbolic actions and their discursive justification. The author's contribution is the conceptualization of methodological synthesis of praxiological and network approaches, allowing to consider historical responsibility not in ethical or anthropological, but in social context. Historical responsibility, with this approach, acts as a mechanism for communities to compete for the redistribution of symbolic capital.

Keywords: historical responsibility, ethics, space, social practices, symbolic capital

Citation: D.A. Anikin, Historical responsibility as a subject of social and philosophical reflection, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 17–25. DOI: 10.18721/JHSS.10402

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

Вопрос об исторической ответственности в последние годы становится инструментом реализации политических интересов, к которому прибегают как государства, так и отдельные политические деятели для легитимации или делегитимации существующего порядка. Особенно часто призывы к исторической ответственности звучат в контексте трансформации той конфигурации мирового политического устройства, которая стала итогом Второй мировой войны. С точки зрения исторической науки вопрос о правомерности или неправомерности конституирования ответственности представляется практически неразрешимым в силу неточности и произвольности самого термина, подразумевающей не только множество интерпретаций самого понятия, но и достаточную произвольность выбора критериев.

Этический взгляд на проблему ответственности предполагает разработку данного понятия в контексте системы моральных категорий, таких как «вина», «справедливость» и т.д. [1]. Вместе с тем, этическая трактовка мало что позволяет сказать о собственно исторической ответственности, поскольку теряется контекстуальность проявления той или иной формы ответственности, ее связь с совокупностью социальных, политических и даже экономических факторов [2].

В философии можно выделить несколько подходов к ответственности, в которых уделяется внимание проблеме установления взаимосвязи между поступками, имевшими место в

прошлом, и последующим установлением или принятием ответственности за данные поступки [3].

Основоположником данной проблематики и автором целерационального подхода к проблеме ответственности можно считать М. Вебера, который в своей работе «Политика как призвание и как профессия» выделил два вида социальной этики — этика убеждений и этика ответственности. Этика убеждений идеалистична по своей природе и заключается в безапелляционном следовании идеям, невзирая на возможность или невозможность их воплощения в жизнь, а также последствия воплощения для других людей. В противовес ей, этика ответственности строится на принятии во внимание временного диапазона последствий принимаемого решения. Как подчеркивает сам М. Вебер, «ни одна этика в мире не обходит тот факт, что достижение „хороших“ целей во множестве случаев связано с необходимостью смириться и с использованием нравственно сомнительных или по меньшей мере опасных средств, и с возможностью или даже вероятностью скверных побочных следствий» [4, с. 522].

Исторический характер ответственности в данном случае является перевернутым, поскольку речь идет не об ответственности за прошлое, а об ответственности за будущее в момент принятия политического решения. В этом и заключается ограниченность позиции Вебера, который, по сути, рассматривал ответственность как одну из политических ценностей, являющихся предметом рационального выбо-

ра профессионального политика, но при этом упускал из виду возможность возникновения или осознания ответственности не в качестве предпосылки принимаемого решения, а в качестве его закономерного (или, наоборот) непредвиденного последствия.

В отличие от Вебера, рассматривающего ответственность в качестве рациональной характеристики политического субъекта, религиозный подход акцентирует внимание на том, что ответственность является онтологической характеристикой каждого индивида, лишь проявляемой в отдельных поступках. В этой связи стоит обратить особое внимание на двух представителей религиозного подхода, обратившихся в своих работах к различным аспектам ответственности, имеющим непосредственное отношение к проблеме историчности [5].

М.М. Бахтин в своей ранней работе «К философии поступка» уделяет большое внимание соотношению ответственности как характеристики человеческого существования и отдельных поступков [6, с. 7-8]. Он подчеркивает, что поступок является не условием, а результатом ответственности, поскольку поступок возможен (в отличие от аффективного или миметического действия) лишь как естественное следствие способности человека принять решение, выражающее его этическую и онтологическую целостность [7]. На этическом уровне эта целостность образуется сочетанием отдельных поступков, совершаемых человеком, и присущих ему моральных норм. На онтологическом уровне целостность человека определяется его креационистской природой, предполагающей особую роль человека в процессе функционирования универсума, а именно — осознание своего места в мироздании и готовность выходить за пределы своего биологического существования, в чем и заключается чувство ответственности [8].

Другой аспект этой проблемы раскрывается в работе Г. Йонаса «Принцип ответственности», где автор ставит вопрос не о том, кто обладает ответственностью, а о том, перед кем эта ответственность состоит. Для ответа на этот вопрос он выделяет два основных вида ответственности — условную, «горизонтальную» и безусловную, «вертикальную». Первый вид ответственности олицетворяется фигурой начальника, а второй — фигурой родителя. «„Горизонтальная“ семейная ответственность всегда становится слабее, менее безусловной, чем „вертикальная“ ответственность родителей за детей, для которой характерно, что в отношении своего нынешнего объекта она не специ-

альна, а тотальна (т. е. простирается на все, чем следует их обиходить), и проявляется не от случая к случаю, но постоянно, пока он остается ребенком» [9, с. 15-16]. Иначе говоря, условная ответственность обусловлена конкретной ситуацией, в которой начальник вынужден отвечать за подчиненного, учитель — за ученика, Каин — за Авеля и т.д. В противоположность этому, безусловная ответственность не нуждается в конкретных ситуациях, поэтому ее экстраполяция с конкретных отношений между родителями и детьми позволяет Г. Йонасу прийти к выводу о том, что объектом ответственности является не прошлое, а будущее, точнее говоря, следующие поколения живущих на земле.

Можно отметить, что религиозный подход стремится максимально универсализировать понятие ответственности, соотнося его с фундаментальными константами человеческого существования. Несмотря на ряд ценных выводов, сделанных М.М. Бахтиным и Г. Йонасом, использования этого подхода для выявления социального ракурса исторической ответственности затруднительно, поскольку сознательно игнорируется множественность форм и механизмов проявления исторической ответственности [10].

Наконец, критический подход к ответственности максимально близко подходит к ее исследованию как социального явления, поскольку наиболее яркими представителями этого подхода являются Т. Адорно и Х. Арндт [11, с. 10 — 11]. Следует сразу обратить внимание на контекст постановки ими вопроса об исторической ответственности, а именно — последствия Второй мировой войны. Ради справедливости следует отметить, что предшественником указанных автором в обсуждении ответственности Германии был К. Ясперс, который обратился к этому вопросу еще в 1946 году. С его точки зрения, ответственность всегда напрямую связана с виной, а вина не может носить метафизический характер, следовательно, и немецкая ответственность должна обладать двумя существенными характеристиками [12]. Во-первых, ее субъектами должны быть те конкретные индивиды, которые совершили в прошлом виновный поступок. Во-вторых, ответственность Германии не может носить абсолютный характер, затушевывая ответственность, которая может быть и по отношению к Германии у других стран (например, за бомбардировку Дрездена) [13, с. 25–26].

Адорно и Арндт, напротив, в дидактических целях заостряют проблематику немецкой ответственности, распространяя ее на все об-

щество. Адорно выдвигает тезис о необходимости «проработки прошлого», подразумевая под данной операцией не только судебные процессы по отношению к нацистским преступникам, но и глубокий ценностный переворот в немецком сознании, после которого будет невозможно повторение сделанных ошибок [14]. Схожей позиции придерживается и Арендт, иллюстрируя проблематику ответственности на известном примере с судом над А.Эйхманом. Но наиболее ее ценным вкладом в изучение проблематики исторической ответственности становится подчеркивание дискурсивного характера ответственности. Иначе говоря, ответственность возникает не в сам момент совершения того или иного проступка, а в момент превращения этого проступка в предмет публичной дискуссии, при этом, хронологический разрыв между этими событиями не имеет никакого значения [15].

В случае критического подхода можно наблюдать ситуацию, демонстрирующую другую крайность по отношению к религиозному подходу. Если религиозные мыслители стремятся универсализировать ответственность, отказывая ей в плюралистичности проявлений, то сторонники критического подхода абсолютизируют конкретный случай исторической ответственности, превращая его в эталон [16, с. 10].

Постановка проблемы

В связи с этими обстоятельствами, существенной задачей современного философского дискурса является переосмысление понятия «историческая ответственность» в социально-философском измерении, что позволит, с одной стороны, выработать методологические основания изучения конкретных проявлений исторической ответственности, а с другой — выявить взаимосвязь актов установления исторической ответственности с социальным и политическим контекстом.

Исходным пунктом такого анализа должен стать отказ от тех принципов рассмотрения ответственности, которые доминировали в предшествующих философских подходах, а именно — субстанционализм и индивидуализм.

Субстанционализм соотносит ответственность с объективно существующей виной, причем не так существенно, чем именно заключается данная вина, является ли она индивидуальной или всеобщей. В первом случае ответственность возникает как логическое следствие конкретного совершенного поступка, и без указанной причинно-следственной связи

ее возникновение невозможно. Во втором случае конкретной вины может и не быть, но это не означает ее полного отсутствия. В качестве вины выступает объективное несовершенство человеческой природы, которое и делает возможным совершение преступлений [17]. Человек несет ответственность уже в силу того, что сама несовершенная часть его природы делает его потенциальным виновником еще не случившегося, но вероятного преступления. Наиболее ярким проявлением подобной трактовки ответственности в религиозном дискурсе является идея «первородного греха».

Индивидуализм связывает ответственность с персональным поведением конкретного человека, проецируя внимание на определенную двойственность: существует некоторая универсальная ответственность, но субъектом этой ответственности становится индивид, поступок которого «запустил» механизм ее актуализации. Таким образом, в центре внимания оказывается отдельный поступок, а ключевой вопрос философской рефлексии по поводу ответственности сводится к анализу тех поступков, которые порождают моральные и правовые последствия [18].

Противоположностью указанных принципов являются конструктивизм и коллективизм. Возможность их совмещения возникает в случае осуществления методологического синтеза двух подходов — праксиологического и сетевого. Д. Олик, говоря о необходимости такого синтеза, называет его процессо-реляционным, поскольку речь идет об изучении изменчивости и социальной ангажированности различных форм исторической ответственности.

Праксиологический подход имеет целый ряд вариаций, в зависимости от того, что именно понимается под практикой. В работах П. Бурдьё под социальными практиками понимается последовательность действий, направленная на реализацию сообществами символически значимых целей [19]. В силу гетерогенности социального пространства имеет смысл говорить не об одной единственной практике, как в марксистской интерпретации, а о многообразии переплетающихся друг с другом и конкурирующих практик, совмещающих в себя как реализацию определенных идеологических смыслов, так и процесс их хабиутализации, соотнесения с привычным образом поведения представителей сообщества [20, с. 65]. Практики являются продуктом социальной жизни, их существование связано с естественным стремлением человека выработать алгоритмы поведения, которые обеспечивали устойчивую

связь между набором действий и максимальной эффективностью. Но специфика современного состояния социального пространства заключается в его плюралистичности, что отражается и на состоянии социальных практик. На смену четкому распределению практик, как в топологическом, так и в хронологическом смысле, приходит смешение и неустойчивость, что ставит вопрос о новом принципе организации социального пространства — на смену четкой сегментации приходит сетевая проницаемость, что и позволяет многим теоретикам говорить о возникновении новой модели социальной реальности — сетевом обществе.

Несмотря на то, что этот термин появляется только в 90-ые годы, феномен, который он обозначает, изначально свойственен социальной реальности [21]. Речь идет лишь о том, что в условиях современной конфигурации социального пространства именно сетевые взаимодействия становятся доминирующими способами связей между индивидами и сообществами. На смену иерархическим связям приходят неустойчивые и подвижные сетевые взаимодействия, которые образуют ситуативный консенсус по конкретным вопросам в условиях предельно общих культурных рамок. Д. Урри предпочитает использовать термин «мобильность», который акцентирует внимание на том, что любое социальное образование лишается своей устойчивости, становится подвижным и нестабильным [22, с. 17].

Социальная реальность отныне не может рассматриваться как совокупность неподвижных социальных институтов, а должна анализироваться в качестве совокупности различных способов перемещения и изменения своего статуса, причем как людьми, так и вещами. В этом смысле Урри предлагает даже определенную классификацию мобильностей, позволяющую продемонстрировать сложность и нелинейность возникающих конфигураций: физические перемещения, перемещения предметов, виртуальные перемещения [22, с. 25-26]. Наиболее очевидными являются физические перемещения людей в социальном пространстве, что, с одной стороны, отсылает к предшествующим форматам социальной реальности (паломничества, путешествия торговцев и т.д.), но с другой — демонстрирует усложнение даже этого компонента социального пространства.

Применительно к проблеме исторической ответственности, это означает, что конкретный акт установления ответственности должен рассматриваться как внутренний консенсус определенного сообщества, ориентированный на

конкретную ситуацию взаимодействия с другими сообществами. Рост физических перемещений имеет вполне определенную социальную перспективу, а именно — изменение границ сообществ, норм и символов, регулирующих их внутреннее существование, что можно отчетливо прояснить на примере Германии. На протяжении 70-х-80-х годов в Западной Германии имело место постепенное формирование общественного консенсуса исторической ответственности относительно преступлений нацистского режима [23].

Но уже на рубеже 90-х годов происходят социальные трансформации, которые постепенно начинают размывать установившийся консенсус. С одной стороны, происходит объединение Западной и Восточной Германии, в которой была избрана после войны не только иная политическая стратегия, и но и альтернативная траектория политики памяти, не основанная на вине и ответственности. С другой стороны, начинает существенно меняться и этнический состав немецкого общества за счет возникновения турецких миграционных сообществ, что вызывает размывание общественного консенсуса [24].

Не менее важную роль играют в современном обществе перемещения предметов, которые могут иметь вполне определенную символическую функцию. Например, известный пример с перемещением в 2008 году в Эстонии «Бронзового солдата» демонстрирует, что объект, вызывающий различные эмоции у различных сообществ, также перестает быть неподвижным, перемещаясь в соответствии со смещением контуром символического порядка [25]. Другой аспект вещественных перемещений можно связать с развитием туристической индустрии, возникающей и развивающейся вокруг объектов исторической памяти и выражающейся в появлении сувенирной продукции. Показательно, что историческая ответственность и здесь выступает в качестве существенного фактора вещественных перемещений, поскольку выбор сувениров диктуется, в том числе, и общественным консенсусом. Например, в местах боевой славы на территории России можно увидеть широкий выбор предметов туристической индустрии, символически относящихся к Красной Армии (от флеш-карт в виде патронов до аляповатых шапок-ушанок), но при этом элементы немецкой униформы или предметы обихода не используются. Интересным исключением является Калининградская область, где существует определенная специфика мемориального ландшафта. Но даже там предметами

туристической индустрии становятся сувениры, отсылающие к немецкому прошлому региона, а не конкретно к событиям Великой Отечественной войны [26].

Что касается виртуальных перемещений, то к ним относится обмен сообщений по электронной почте, постоянно обновляющаяся лента «пабликов» в социальных сетях или, например, ребрендинг сайта. Историческая ответственность присутствует и в указанном формате перемещений, особенно если обратить внимание на обновление сайтов, связанных с патриотической проблематикой в преддверии памятных дат. Вместе с тем, стоит отметить, что виртуальное пространство предельно отчетливо демонстрирует, что историческая ответственность лишь косвенно связана с историческим знанием. В последние годы целый ряд резонансных скандалов был связан с тем, что перед Днем победы даже сайты отдельных государственных организаций размещали изображения немецкой военной техники вместо советской, путали цвета и изображения советских орденов и т.д.

Заключение

Указанные ситуации представляют несомненный интерес именно в рамках социально-философского исследования, поскольку вписываются в целый ряд более фундаментальных философских вопросов, в частности, раскрывают по-новому проблему социальной и культурной динамики, соотношение знание и веры в историческом познании и т.д. Сетевой подход представляет, с этой точки зрения, разумный компромисс между официозным отрицанием любых негативных явлений в сфере исторической памяти и критическим настроением последователей Франкфуртской школы, поскольку она пытается охватить многообразие точек зрения, существующих в социальном пространстве, выявить закономерности их распределения и динамики [27].

Таким образом, можно подвести итоги анализу подходов к исторической ответственности, конкретизировав полученные результаты в следующих выводах. Существующие подходы к ответственности основываются на принципах субстанционализма и индивидуализма, что смещает акцент исследования на

анализ виновности как объективной причины возникновения ответственности и конкретных поступков как ее основных проявлений. Переход к социальному горизонту этой проблематики основывается на принципах конструктивизма и коллективизма, что требует определенного методологического синтеза, а именно — сочетания праксиологического и сетевого подходов.

Праксиологический подход позволяет рассматривать историческую ответственность не как онтологическую заданность, проявляемую в отдельных поступках, а как социальную практику, складывающуюся в рамках определенного сообщества и ориентированную на присвоение или участие в распределении символического капитала. В отличие от крайнего конструктивизма данный подход позволяет вписать дискурс ответственности в сложившиеся социальные практики, показать нелинейный характер соотношения политических установок и привыкших форм осмысления и репрезентации реальности. Но сам по себе праксиологический характер ответственности еще не позволяет ответить на вопрос об импульсах ее формирования и векторах осуществления, поэтому праксиологический подход необходимо дополнить сетевым.

Сетевой подход акцентирует внимание на характере взаимодействия между субъектами исторической ответственности, инструментальность механизмов «раскаяния» и «сожаления», направленных на занятие определенной диспозиции в социальном пространстве. Историческая ответственность не возникает как результат коллективной интеллектуальной рефлексии по поводу событий прошлого, а представляет собой сложное сочленение исторических реконструкций и современных форм политической коммуникации.

Использование методологического синтеза данных подходов применительно к проблематике исторической ответственности позволяет создать исследовательский инструментарий для анализа случаев признания или предписывания исторической ответственности в современном политическом пространстве.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00421).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сыров В.Н. Где встречаются история и этика? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 53-60. DOI: 10.17223/15617793/422/8
2. Сыров В.Н. К вопросу о моральной составляющей исторической культуры // Вестник

Томского государственного университета. Серия «История». 2019. № 58. С. 117-124. DOI: 10.17223/19988613/58/17

3. Аникин Д.А. Исторический миф как предмет “memory studies”: в поисках методологии исследования // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 6.

4. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

5. Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 48-58.

6. Бахтин М.М. Искусство и ответственность // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С.7-8.

7. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984-1985. М., 1986. С.80-160.

8. Белов В.Н. «Вечные проблемы» в исследовании творчества М.М. Бахтина // Философский полиглот: Журнал международного центра изучения русской философии. Выпуск 1, СПб., 2017. С. 143-155.

9. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004.

10. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics. Stanford: Stanford university press, 1990.

11. Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9-15.

12. Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999.

13. Томильцева Д.А. Историческая и политическая ответственность: совпадение границ проблемного поля // Politeia-Journal of Political Theory Political Philosophy and Sociology of Politics. 2016. № 4 (83). С. 25-35.

14. Адорно Т. Что означает «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас, 2005, № 2-3. С. 36-45.

15. Арндт Х. Ответственность и суждение. М.: Издательство Института Гайдара, 2013.

16. Буллер А., Линченко А.А. Культурная память как предмет философского осмысления // Диалог со временем. 2019. № 6. С. 5-18.

17. Линченко А.А. Мифы о прошлом в медиа-среде: стратегии демифологизации в контексте современной исторической культуры // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. № 6.

18. Репина Л.П. Эффекты «непостижимого ускорения», или феномен презентизма в истории исторического сознания // Диалог со временем. 2018. № 65. С. 48-58.

19. Бурдые П. Практический смысл. М., 2001.

20. Линченко А.А. Праксиологическое понимание ценностей исторического сознания // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 64-71. DOI: 10.17223/15617793/440/9

21. Хойслинг Р. Социальные процессы как сетевые игры. Социологические эссе по основным аспектам сетевой теории. М.: Логос-Альтега, 2003.

22. Урри Д. Мобильности. М.: Праксис, 2012.

23. Ассман А. Длинная тень прошлого. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

24. Olick J.K. Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case // Olick J.K. The politics of regret: on collective memory and historical responsibility. New York: Routledge. 2007. Pp. 85–118.

25. Линченко А.А., Головашина О.В. «И значит нам нужна одна победа...»: память о победе в советской и российской школе // Диалог со временем. 2019. № 67. С. 99-113.

26. Линченко А.А., Головашина О.В., Аникин Д.А. От рынка к базару: метаморфозы коммерциализации прошлого в современном мире // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 49-58.

27. Olick J.K. Collective Memory: The Two Cultures // Sociological Theory. 1999. Vol. 17. № 3. Pp. 333–348. DOI: 10.1111/0735-2751.00083

Статья поступила в редакцию 29.10.2019

REFERENCES

[1] V.N. Syrov, Gde vstrechayutsya istoriya i etika? [Where do history and ethics meet?] // Tomsk State University Journal. 422 (2017) 53–60. DOI: 10.17223/15617793/422/8

[2] V.N. Syrov, K voprosu o moralnoy sostavlyayushchey istoricheskoy kultury [To the question of the moral component of historical culture], Tomsk State University Journal. History. 58

(2019) 117–124. DOI: 10.17223/19988613/58/17

[3] D.A. Anikin, Istoricheskiy mif kak predmet “memory studies”: v poiskakh metodologii issledovaniya [Historical myth as a subject of “memory studies”: in search of a methodology of research] // Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal “Istoriya”. 6 (2018)

[4] M. Veber, Izbrannyye proizvedeniya [Selected

works]. M.: Progress, 1990.

[5] **L.P. Repina**, Effekty “nepostizhimogo uskoreniya”, ili fenomen prezentizma v istorii istoricheskogo soznaniya [Effects of “unfathomable acceleration”, or the phenomenon of impersonism in the history of historical consciousness], Dialog so vremenem. 65 (2018) 48–58.

[6] **M.M. Bakhtin**, Iskustvo i otvetstvennost [Art and Responsibility], Estetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskustvo, 1986. Pp.7–8.

[7] **M.M. Bakhtin**, K filosofii postupka [To Philosophy of Action], Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki. Yezhegodnik 1984-1985. M., 1986. Pp. 80–160.

[8] **V.N. Belov**, “Vechnyye problemy” v issledovanii tvorchestva M.M. Bakhtina [“Eternal Problems” in the Study of the Creativity of M.M. Bakhtin], Filosofskiy poliglot: Zhurnal mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii. Vypusk 1, SPb., 2017. Pp. 143-155.

[9] **G. Yonas**, Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii [Principle of Responsibility. Experience of ethics for technological civilization]. M.: Ayris-press, 2004.

[10] **G.S. Morson, C. Emerson**, Mikhail Bakhtin: Creation of a prosaics. Stanford: Stanford university press, 1990.

[11] **L.P. Repina**, Istoricheskaya pamyat i natsionalnaya identichnost: podkhody i metody issledovaniya [Historical Memory and National Identity: Approaches and Methods of Research], Dialog so vremenem. 54 (2016) 9–15.

[12] **K. Yaspers**, Vopros o vinovnosti. O politicheskoy otvetstvennosti Germanii [Question of guilt. On Germany's political responsibility]. M.: Progress, 1999.

[13] **D.A. Tomiltseva**, Istoricheskaya i politicheskaya otvetstvennost: soyvadeniye granits problemnogo polya [Historical and Political Responsibility: The Coincidence of the Boundaries of the Problem Field], Politeia-Journal of Political Theory Political Philosophy and Sociology of Politics. 4 (83) (2016) 25–35.

[14] **T. Adorno**, Chto oznachayet «prorabotka proshlogo» [What is meant by “working out the past”], Neprikosnovennyy zapas [Emergency ration]. 2-3 (2005) 36–45.

[15] **Kh. Arendt**, Otvetstvennost i suzhdeniye [Responsibility and judgment]. M.: Izdatelstvo Instituta Gaydara. 2013.

[16] **A. Buller, A.A. Linchenko**, Kulturnaya pamyat kak predmet filosofskogo osmysleniya [Cultural memory as a subject of philosophical reflection],

Dialog so vremenem [Dialogue over time]. 6 (2019) 5–18.

[17] **A.A. Linchenko**, Mify o proshlom v media-srede: strategii demifologizatsii v kontekste sovremennoy istoricheskoy kultury [Myths about the past in the media environment: strategies of demiphologization in the context of modern historical culture], Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal “Istoriya”. 6 (2018).

[18] **L.P. Repina**, Effekty «nepostizhimogo uskoreniya», ili fenomen prezentizma v istorii istoricheskogo soznaniya [Effects of “unfathomable acceleration”, or the phenomenon of impersonism in the history of historical consciousness], Dialog so vremenem. 65 (2018) 48–58.

[19] **P. Burdye**, Prakticheskiy smysl [Practical meaning]. M., 2001.

[20] **A.A. Linchenko**, Praksiologicheskoye ponimaniye tsennostey istoricheskogo soznaniya [Praksiological understanding of the values of historical consciousness], Tomsk State University Journal. 440 (2019) 64–71. DOI: 10.17223/15617793/440/9

[21] **P. Khoysling**, Sotsialnyye protsessy kak setevyye igry. Sotsiologicheskiye esse po osnovnym aspektam setevoy teorii [Social processes as network games. Sociological essays on major aspects of network theory]. M.: Logos-Altera , 2003.

[22] **D. Urri**, Mobilnosti [Mobility]. M.: Praxis, 2012.

[23] **A. Assman**, Dlinnaya ten proshlogo [The long shadow of the past]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye [New literary review], 2014.

[24] **J.K. Olick**, Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case. The politics of regret: on collective memory and historical responsibility. New York: Routledge. (2007) 85–118.

[25] **A.A. Linchenko, O.V. Golovashina**, «I znachit nam nuzhna odna pobeda...»: pamyat o pobede v sovetskoy i rossiyskoy shkole [“And so we need one victory...”: memory of the victory in the Soviet and Russian school], Dialog so vremenem [Dialogue over time]. 67 (2019) 99–113.

[26] **A.A. Linchenko, O.V. Golovashina, D.A. Anikin**, Ot rynka k bazaru: metamorfozy kommertsializatsii proshlogo v sovremennom mire [From the market to the bazaar: metamorphosis of commercialization of the past in the modern world], Voprosy filosofii [Philosophy Issues]. 5 (2019) 49–58.

[27] **J.K. Olick**, Collective Memory: The Two Cultures, Sociological Theory. 17 (3) (1999) 333–348. DOI:10.1111/0735-2751.00083

Received 04.10.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Аникин Даниил Александрович
Anikin Daniil A.
E-mail: dandee@list.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: ОПЫТ СИНТЕЗА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ И СИСТЕМНОЙ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВА НА БАЗЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ТЕОРИИ РАЗУМА Ю. ХАБЕРМАСА

С.В. Шачин

Мурманский Арктический государственный университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

В предлагаемой статье рассматривается проблема появления новых смыслов у человечества в условиях всемирного кризиса. При этом имеется в виду обострение проблем в развитии общества в целом в силу деструктивного влияния на жизненный мир общественной системы, приводящего к подчинению общественной жизни односторонней логике экономической эффективности. Для решения этой задачи вырабатывается методология синтеза феноменологической и системной теории общества. Общество понимается как intersubjectivity, достигшая осознания самой себя. Общество способно осознать самого себя как раз посредством поиска коллективных смыслов социального бытия. Эти смыслы затем становятся ориентирами коллективной деятельности по материальному и символическому воспроизводству общества. Поэтому общество представляет собой единство системы и жизненного мира, при котором система обеспечивает материальное воспроизводство общества, а жизненный мир – символическое воспроизводство. Рассматриваются новые смыслы общественного развития с позиции системной теории (как ориентиры коллективной деятельности) и с позиции феноменологической теории. В рамках системной теории новые ориентиры коллективной деятельности необходимы для преодоления кризисов системной интеграции, а в рамках феноменологической теории новые смыслы позволяют наполнить конкретным содержанием фундаментальную для модерна ценность свободы. Делается вывод о том, что новые смыслы человеческого бытия сможет выработать только коммуникативная общественность во всемирном масштабе. Отсюда вытекает, что сама по себе феноменологическая и системная теория общества недостаточны для определения этих новых смыслов, они могут быть выработаны только на основе синтеза этих теорий исходя из рассмотрения социальной эволюции в глобальном масштабе как взаимодействия системы и жизненного мира. Прослеживаются возможность формирования всемирной коммуникативной общественности в результате развёртывания логики всемирной социальной эволюции.

Ключевые слова: intersubjectivity, смыслы социального бытия, феноменологическая теория общества, жизненный мир, системная теория общества, антропосоциогенез, коммуникативный разум

Ссылка при цитировании: Шачин С.В. К вопросу о предмете социальной философии: опыт синтеза феноменологической и системной теории общества на базе коммуникативной теории разума Ю. Хабермаса // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 26–38. DOI: 10.18721/JHSS.10403

Это статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

ON THE SUBJECT OF SOCIAL PHILOSOPHY: THE EXPERIENCE OF SYNTHESIS OF PHENOMENOLOGICAL AND SYSTEM THEORIES OF SOCIETY ON THE BASIS OF THE COMMUNICATIVE THEORY OF MIND BY J. HABERMAS

S.V. Shachin

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

The article deals with the problem of the emergence of new meanings in mankind in the conditions of the global crisis. This refers to the aggravation of problems in the development of society as a whole

due to the destructive influence on the life world of the social system, leading to the subordination of public life to the one-sided logic of economic efficiency. To solve this problem, the methodology of synthesis of phenomenological and system theory of society is developed. Society is understood as intersubjectivity, which has reached the self-awareness. Society is able to realize itself just through the search for collective meanings of social life. These meanings then become guidelines for collective activity on material and symbolic reproduction of society. Therefore, society is the unity of the system and the world of life, in which the system provides material reproduction of society, and the world of life – a symbolic reproduction. New meanings of social development are considered from the point of view of the system theory (as guidelines of collective activity) and from the position of the phenomenological theory. Within the framework of the system theory, new guidelines for collective activity are necessary to overcome the crises of system integration, and within the framework of the phenomenological theory, new meanings allow to fill the fundamental value of freedom for modernity with concrete content. It follows that the phenomenological and systemic theory of society itself is not sufficient to define these new meanings, they can be developed only on the basis of the synthesis of these theories based on the consideration of social evolution on a global scale as the interaction of the system and the life world.

Keywords: intersubjectivity, social meanings of being, the phenomenological theory of society, life-world, system theory of society, anthropological and social genesis, communicative mind

Citation: S.V. Shachin, On the subject of social philosophy: the experience of synthesis of phenomenological and system theories of society on the basis of the communicative theory of mind by J. Habermas, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 26–38. DOI: 10.18721/JHSS.10403

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение: о предмете социальной философии на основе идеи интерсубъективности

Специфика философского мышления заключается в том, что оно отвечает на глубинную потребность каждого разумного существа найти в своем существовании какой-то смысл. Смысл позволяет соединить изолированные фрагменты жизненного опыта в единое целое, даёт предварительные ответы на вопрос: «Кто я, собственно говоря, такой и ради чего живу?» Далее становится понятной цель, которая направляет мою жизнь, причём она освобождена от конкретных представлений о достижении определённых статусов и связанных с ними вещественных атрибутов, поскольку задумывающийся о смыслах человек понимает всё это как внешние оболочки, которые только указывают на самость, но не раскрывают её в подлинном смысле (а, может быть, даже вуалируют её, не давая доступа к сфере смысла). Смысл есть то, что превосходит все конкретные цели и в то же время присутствует в них, соединяя в единое целое, которое не может быть сведено к их сумме. Смысл несёт в себе аспект недостижимости, но в то же время благодаря усилиям по его обретению позволяет человеку как существу незаконченному найти в себе способности его реализовать в конечном виде. Наконец, в смысле присутствует всеобщность в том таинственном аспекте, в котором разные разумные существа в самом процессе поиска смысла

могут найти общую основу для понимания друг друга. Это связано с тем, что обретение смысла невозможно исключительно усилиями изолированного индивида, а выводит последнего в пространство такого опыта, в котором он осознаёт глубинную связь со всем остальным человечеством: оно присутствует в качестве условия возможности моей самости, но каждый разумный субъект выражает этот смысл по-своему. Этим последним усилием мысли мы тем самым выходим в сферу интерсубъективности как духовной основы общества: на каждого из нас оказывает влияние вся целостность разумных существ, которая проявляется в разных формах: общей повседневности, культурной традиции, формирующей самоочевидности нашего мышления, тех результатов коллективных действий в мире, которые каждый человек застаёт уже данными и которые ограничивают его или способствуют развитию его личностного потенциала и т.д. Следовательно, смысл жизни может быть в конечном итоге обрётён только человечеством в целом, но каждый занят его поиском в ходе своей конкретной жизненной истории, по выражению В. Дильтея, чтобы добиться осмысленности своих поступков и исходных установок по отношению к бытию. Итак, если говорить о философском понимании общества, то оно в традиции, например, немецкого философского рационализма, простирающейся от классической философии к

современной, к коммуникативной теории разума Ю. Хабермаса, к теории модернизации как постепенной реализации свободы А. Хоннета и др., является сферой intersubjectивности, которую мы постарались получить в ходе нашего предварительного анализа [Данный абзац был написан под влиянием А. Петцельга: 19, с. 18–24].

Итак, нельзя с самого начала давать определение социальной философии, чтобы избежать упрека в догматизме: понятие о ней будет получено в результате всего исследования. Однако мы должны начать с предварительного понимания её предмета, которое заключается в указании на сферу intersubjectивности ещё без раскрытия её содержания. Как было видно, мы пришли к intersubjectивности путём анализа стремления к смыслополаганию и самоопределению как фундаментальной характеристике каждого разумного существа. Чтобы перейти к рассмотрению содержания понятия intersubjectивности, мы должны ввести определённые аксиомы, которые выразят исходные положения именно социально-философского познания в отличие от других видов гуманитарного познания. Тем самым мы осознаём его специфику и автономию относительно других способов понимания истины об обществе — прежде всего социологии, экономики, политологии и пр. (которые также стремятся к особому рода всеобщности, выразимой их средствами — например, экономика исходит из модели человека как разумного эгоиста, стремящегося к максимальной эффективности, и представляет общество таким, каким оно было бы, если бы все стремились к реализации своих субъективных целей). Далее мы увидим, что данные аксиомы оказываются несущими противоречия как в самих себе, так и во взаимоотношениях друг с другом. Противоречия как раз и будут движущими силами диалектического развития понятия intersubjectивности. Мы проделаем несколько стадий этого диалектического развития, получив к концу историчность intersubjectивности в смысле того, что она сама находится в становлении (а не задана навсегда в качестве предмета изучения). Наш разум должен нести в себе самом процесс становления, чтобы понять развивающуюся реальность — это означает единство логического и исторического методов исследования. Наконец, мы попробуем завершить наше рассмотрение понятия intersubjectивности путём анализа коммуникативного разума, тем самым показав, что именно последний представляет собой наиболее развитую форму intersubjectивности и в

то же время эмпирически-действенную силу,двигающую общество к совершенству.

Об аксиомах социально-философского познания

Ради чего вводить аксиомы в социальную философию? Ради того, чтобы всё-таки ограничить предмет рассмотрения и получить тем самым конкретные результаты анализа. Эти аксиомы должны нести в себя всеобщность, поскольку именно такой может быть характеристика философского исследования, но не быть раз и навсегда данными её выражениями; и в то же время они должны быть интуитивно убедительными для каждого беспристрастно мыслящего разумного субъекта, чтобы он сказал так, как В. Виндельбанд говорил о Руссо: философия выражает слово, рвущееся с языка миллионов людей.

При введении этих аксиом мы будем придерживаться правила отыскания условий возможности общества, которые мы видим в фундаментальных антропологических характеристиках. Тут мы можем обратиться к исследованиям М. Шелера, Х. Плеснера, А. Гелена и др., согласно которым человек есть существо, с одной стороны, очень неприспособленное к жизни: например, он находится в зависимости от ухода со стороны родителей или опекунов поразительно долго (в человеке в рождения почти не сформирован мозг, по сравнению с другими видами млекопитающих). С другой стороны, человек имеет в себе некий центр, благодаря которому он может дистанцироваться от своих непосредственных инстинктов, порывов, то есть он есть необыкновенно пластичное и способное к постоянным изменениям существо (правда, для этого человек как раз и должен найти смысл, благодаря которому он станет стремиться сам формировать свою сущность) [Об этом см.: 19, с. 24; 7, с. 10–12].

Общество как единство системы и жизненного мира — основная аксиома социально-философского познания

Если мы обобщим первое положение антропологии, то мы поймём, что человек всю жизнь (а не только в младенчестве) зависит от помощи других людей в том, чтобы добывать средства к жизни и развивать те таланты, которые он в себе находит по мере взросления. То есть общество есть среда коллективной деятельности по преобразованию природного мира в мир, в котором может нормально жить и развиваться каждый из его членов, в котором создаются материальные средства к жизни и вся

сложная техническая инфраструктура. Этот процесс протекает всеобщим образом: каждый вносит определённый вклад в деятельность общества как на индивидуальном уровне, так и на коллективном, через работу внутри своих социальных институтов. Эта деятельность по мере своего успешного развития всё больше освобождает человека от материальной нужды и позволяет ему заниматься тем делом, которое ему по душе: в наше время развитие искусственного интеллекта делает достижимым в исторически обозримой перспективе передать материальное производство автономно функционирующим автоматическим системам, за которыми человек только будет наблюдать. Итак, опираясь на философию Ю. Хабермаса (продолжающего классический марксизм), мы назовём общество сферой коллективного труда. Этот труд порождает общественную систему, которая обеспечивает материальное воспроизводство общества и состоит из двух подсистем: экономики как коллективной трудовой деятельности и политики как управления общества в целом (совершается государством и гражданским обществом) [15, Т. 2, с. 347–364].

Но специфика человека состоит в том, что он — существо разумное, а значит, он должен найти смысл своей жизни и деятельности, как об этом уже повествовалось. Кроме того, сама деятельность есть процесс всеобщий, а потому необходимо соединение индивидуальных жизненных миров друг с другом, то есть передача опыта от одного человека к другому и от одного поколения к другому. Парадоксальность ситуации заключается в том, что освобождение людей от материальной нужды не ведёт автоматическим образом к выработке этих коллективных смыслов. Чтобы их сформировать, нужны разнообразные символические системы, которыми субъекты активно пользуются ради того, чтобы передать свой опыт и поведать результаты своих индивидуальных размышлений; также субъекты общения должны быть открытыми к опыту других, готовыми менять свои представления под влиянием критики, в ходе которой слушатель поведает исходному говорящему свой опыт или опыт всего сообщества; также эту критику говорящий может встретить с помощью контраргументов, почему сообщество также может пойти за индивидом, открывающим ему новые смыслы. Отсюда вытекает следующая важная аксиоматическая характеристика общества: оно совпадает со сферой коммуникации, социальные взаимосвязи есть коммуникативные взаимосвязи, воспроизводство общества зави-

сит от успешности коммуникации. Позже мы увидим, что такое понимание общества близко феноменологии, с её ключевой категорией жизненного мира. Ю. Хабермас называет его универсальной символической организацией общества, состоящей из сфер культуры (материальной и духовной), нормативности (совокупности общественных норм и более глубокого уровня — представлений о хорошей жизни) и образцов личностной идентичности. Жизненный мир обеспечивает символическое воспроизводство общества. Общество есть единство системы и жизненного мира [15, Т. 2, с. 182–216].

Диалектические противоречия: внутри системы и жизненного мира и те, что образуются в процессе их взаимоотношений друг с другом

Однако в каждой из этих сфер — системы и жизненного мира — присутствуют свои глубинные противоречия, которые мы можем выразить в форме антиномий социально-философского познания. Это означает, что утверждения о характерных признаках системы и жизненного мира будут приводить к отрицаниям, т.е. к утверждениям с противоположным смыслом, которые, тем не менее, также будут истинными. Наконец, глубоко противоречивым является взаимоотношение между системой и жизненным миром. Это приводит к тому, что общество находится в состоянии всеобщего конфликта и потому испытывает становление, в том числе и через смену своих качественных состояний.

Та фундаментальная противоречивость, которая присутствует в сфере коллективного общественного труда, хорошо была выражена молодым К. Марксом в «Рукописях 1844 г.» и в «Немецкой идеологии» (написанной совместно с Ф. Энгельсом). В результате коллективной деятельности возникают социальные отношения как продукт разделения труда и зависимости друг от друга обособленных производителей. Эти отношения с развитием общества становятся всё более сложными. И вот та объединённая социальная сила, которая выступает результатом коллективной деятельности человеческого рода, оказывается непонятной самим людям и недоступной их разумному контролю; в результате эта сила объединённой деятельности проходит ряд самостоятельных этапов в своём развитии, для описания которых Маркс впоследствии стал разрабатывать знаменитую теорию общественно-экономических формаций. Люди выступают как продукты этого развития, хотя сами же они и порождают эту соединённую соци-

альную силу. Итак, верны оба утверждения: общество есть свободное творение человеческого рода и одновременно — чуждая каждому внешняя среда, ограничивающая устремление к свободе достигнутым уровнем материального благосостояния, местом каждого человека в коллективном разделении труда. Теперь учтём ещё разделение общества на классы трудящихся и тех, кто ими управляет (в этом состоит одно из самых фундаментальных свойств любой сложной системы вообще: по образному выражению А. Зиновьева, всё в мире делится на управляющий центр и управляемое тело). В результате мы поймём ещё более глубокую антиномию: полагание смысла трудовой деятельности (как своей организации, так и общества в целом) и реализация этих смыслов оказываются отделёнными друг от друга: первое выпадает на долю господствующих классов, а второе — трудящихся. Следовательно, личность последних всегда будет опустошённой, поскольку им останется только единственное пространство смыслополагания — частная жизнь (да и там индустрия развлечений всё больше разрушает способности к самостоятельному мышлению и переживанию). Однако господствующие классы также находятся в состоянии отчуждения от подлинной сущности человеческого рода не только в силу того, что присваивают часть результатов труда угнетённых классов, но ещё и в силу того, что в силу их принадлежности к господствующему классу им в удел достаются смыслы, которым недостаточно материальных сил для их воплощения (они зависят от трудящихся классов в этом) [Об этом см.: 5, раздел «Потребности, производство и разделение труда», с. XVII — XXI, а также раздел «Критика гегелевской диалектики и философии вообще», с. XXIII — XXXIII]. Эта обозначенная Марксом антиномия восходит к знаменитой диалектике раба и господина (более точно было бы говорить: слуги) в «Феноменологии духа» Г. Гегеля: оба являются носителями несчастного сознания, поскольку господин находится в плену самого отношения господства в силу того, что ему приходится реализовывать свою волю только благодаря деятельности слуги, а слуга лишён понимания смысла своего труда в силу привязанности исключительно к материальному уровню своего существования. Разрешается эта антиномия только в результате движения к взаимному признанию личностей, в ходе которого они обнаружат в себе сознание правовых субъектов и сумеют объединить своих усилия и в процессе смыслополагания, и в ходе своей деятельности. Тем самым Гегель

предвосхитил основную идею современного социального государства [2, с. 99–101].

Но и коммуникация наполнена антиномиями до такой степени, что она вообще кажется невероятной. Каким образом разные участники сумеют вообще обмениваться своими опытом, поскольку прямое сообщение между сознаниями невозможно, а с помощью символических систем возможно только косвенное воспроизведение этого опыта, следовательно, происходит постоянная модификация смысла понятого (любое высказывание допускает множество истолкований)? К тому же возникает вопрос о гарантиях, почему я должен положиться на чужой опыт, передаваемый мне в коммуникации, будь то индивидуальный или коллективный, а не предпочесть ему свой собственный, то есть почему я вообще должен слушать других? Итак, в антиномичном отношении друг с другом находятся коммуникативные роли говорящего и слушателя. Далее коммуникация является невозможной в силу разного места разных субъектов в общественном разделении труда и — в пределе — принадлежности к различным антагонистическим классам; и в то же время благодаря коммуникации могут образоваться всеобщие смыслы, которые заложат базис для сотрудничества различных классов ради реализации коллективных целей, то есть коммуникация постепенно преодолевает социальную иерархию и позволяет выстроить между субъектами горизонтальные отношения, ведущие к обществу социальных сетей, состоящих из равноправных субъектов, взаимно признающих друг друга. В то же время отношения господства и подчинения постоянно вторгаются в коммуникацию и её искажают, ведут к шизофренической раздвоенности сознания, когда люди имеют в виду одно, а говорят другое. И всё-таки эти искажения постепенно преодолеваются, когда коммуникативный разум, присутствующий в языке, начнёт раскрывать свой потенциал (об этом будет говориться далее). Итак, коммуникация возможна и невозможна: возможна потому, что людям всегда надо обмениваться опытом и порождать коллективные смыслы, а невозможной потому, что происходит в обществе, где свобода ещё не стала универсальной характеристикой человеческого бытия — она лишь частично реализует свой потенциал [15, с. 393–407].

Наконец, особенную остроту указанные антиномии приобретают в контексте влияния системы на жизненный мир, приводящей к тому, что все ресурсы символической организации общества оказываются мобилизованными ра-

ди реализации цели экономического роста или увеличения власти над природой, обществом и самим собой. Это приводит к тому, что человечество может успешно реализовывать определённые цели, но забывая о том ущербе, который будет нанесён в отдалённой перспективе: одной из форм разрешения этой антиномии является экологическое сознание. Но есть и ещё более глубокий процесс, проистекающий уже из самого принципа господства, который раскрыли Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения»: потеря способности к различению всего качественно неповторимого и несоразмерного в мире в целом и в человеке, что приводит к тому, что каждый человек оказывается неспособным испытывать опыт осознания целостной взаимосвязи себя с миром в целом и человеческим родом, благодарности к жизни как к дару, любви к человеческому роду в целом, сочувствия и сопереживания конкретному другому. Вместо этого и в обществе в целом, и в конкретном индивиде начинает доминировать иррациональная воля к власти. Авторы «Диалектики» предупреждают о возможности исчезновения человеческой субъективности, её полного растворения в автоматически функционирующих процессах в экономике и во властных практиках! [13, с. 14, 25, 69, 168].

Важной антиномией социально-философского познания является также противоречие между социальным номинализмом и социальным реализмом. Как мы приходим к номинализму? Очень просто: индивиды по мере достижения определённого уровня развития общественной системы постепенно приобретают свободное время и пространство частной жизни. Они становятся способными жить как они захотят, не мешая при этом другим, то есть обретают негативную свободу (я живу и не обязан отдавать отчёт другим в своих действиях). Более того: в мире, где властвует отчуждённая система, человек не может найти смыслы, а в пространстве частной жизни человек способен бороться с силами, найти в себе внутреннее единство, а потом выразить открывшийся ему опыт самого себя в творчестве или в бескорыстных поступках. Возникает как бы возможность обретения себя в нишах, в зазорах инструментальной рациональности, как её описывали Адорно и Хоркхаймер. Если мы будем философски осмыслять этот опыт индивида, то мы придём к выводу о том, что общество не несёт в себе какого-то внутреннего смысла, оно возникает только на базе стереотипных идей и способов поведения, что формируются в сознании

большого количества людей, связанных друг с другом общей повседневностью. Вывод номинализма: общество существует только ради того, чтобы обеспечить благо своих отдельных членов. Данную идею прежде всего отстаивает классический либерализм, настаивающий на том, что сохранение прав и свобод индивида должно быть главной целью государства. При этом в триаду прав, сформулированных ещё Д. Локком — на собственность как базовое право, на жизнь в смысле свободы распоряжения самим собой, своими личностными силами и на свободу убеждений — в XX веке были добавлены социальные права на достойную жизнь, что потребует перераспределения ресурсов в интересах всех, как это показано в том числе и в «Теории справедливости» Д. Роулса [16, с. 55–56; 14, с. 182].

К вопросу о недостатках феноменологической и системной теории общества в их односторонности

Феноменологическая теория общества, которая исходит из базисной категории жизненного мира (доставшейся ей от философии позднего Э. Гуссерля), является промежуточной между социальным номинализмом и социальным реализмом. Жизненный мир — это совокупность самоочевидностей, несущих в себе проверенный на практике коллективный опыт данного сообщества в его отношениях с миром. Также это — совокупность коллективных практик наделяния мира типичными образцами истолкования бытия — природного, социального и субъективного. В рамках феноменологии получается, что есть некая идея общества, которая складывается в сознании множества индивидов, почему получается, что хотя индивиды являются онтологически первичными, но тем не менее они соединены intersubъективными отношениями [21]. Поэтому конкурентные отношения возможны только в том случае, если имеются разделяемые всем сообществом нормы и ценности, причём эти ценности существуют не как нечто данное извне и доступное формированию в сознании индивидов путём манипулирования, а в качестве основания для правильного оценивания поступков с позиции того, ведут ли они к индивидуальному и коллективному благу или нет. В этом случае конкуренция не разрывает общество, а в диалектическом соединении с солидарностью способствует его развитию в смысле обновления. Итак, феноменология указывает на intersubъективность как изначально соединённую с каждым отдельным разумным существом.

Но имеется и альтернативная феноменологии теория, которая исходит из того, что общество несёт в себе совершенно иной, особый уровень реальности, несводимый к индивидуальным действиям, тем смыслам, которые индивиды постигают, с которой индивиды постоянно сталкиваются тогда, когда их действия имеют непредусмотренные им самим побочные последствия. Речь идёт о системной теории общества, которая ранее уже упоминалась и на которой теперь надо остановиться чуть подробнее. Она есть концентрированное выражение социального реализма. Мы назовём в связи с этим имена Т. Парсонса и Н. Лумана. Общественная система стремится к самосохранению, к стабилизации своих границ и состояния путём постоянного преодоления комплексности окружающей среды, по выражению Т. Парсонса [17, с. 9]. То есть система находится в отношениях с природой (её материал перерабатывается и превращается в среду жизнеобеспечения и в конкретные изделия, удовлетворяющие человеческие потребности), с другими обществами и с внутренним миром личностей (тут встаёт важнейшая проблема усвоения ценностей системы и формирования индивидов, которые будут вносить эффективный вклад в стабилизацию и развитие системы). Происходит разрыв тем самым с моделью практического разума И. Канта: ценности системы есть все те нормы, что способствуют её эффективному функционированию, хотя сами по себе они могут и не быть нравственными. Общественная система состоит из чётко выделенных подсистем экономики и политики, как уже говорилось: Парсонс писал ещё и о подсистемах культуры и социализации, но здесь системная теория столкнулась с важными трудностями (эти сферы порождения коллективных смыслов и личностных идентичностей не поддаются логике эффективного функционирования) [8, с. 22–26; 10].

Сам по себе факт противостояния социального номинализма и социального реализма указывает на ту антиномию общественного устройства и социально-философского познания, согласно которой общество есть единство системы и жизненного мира, и для его постижения требуется синтез системного функционализма и феноменологии.

О возможности синтеза феноменологической и системной теории общества

К этому синтезу у нас будет движение с двух сторон: со стороны системы и со стороны жизненного мира. В рамках системной теории

Р. Мертон провёл самокритику и показал, что слаженное функционирование может одновременно порождать дисфункциональность, поскольку помимо прямых функций имеются ещё и побочные, обусловленные взаимным влиянием подсистем друг на друга [6, с. 424 – 430]. Приведём примеры из нашей жизни, иллюстрирующие подход Мертона. Успешное развитие экономики таким образом взвинчивает темп общественной жизни, что личности во всё большей степени оказываются не успевающими за социальными изменениями; но человек – не только трудящееся существо, ему нужно ещё и воспроизводство будущих поколений, совершаемое в семье, а в условиях доминирования экономики пространство для её свободного развития оказывается всё более сжимающимся. Далее, для развития экономики нужны постоянные инновации, а для этого необходим творческий способ мышления; но креативность предполагает как раз неспешность, собирание себя воедино из рассеянности в повседневности, где доминирует трудоголизм и тенденция к накоплению капиталов; это пространство саморазвития оказывается также стеснённым, так как с позиции экономической рациональности проще превратить культурную сферу в сферу поверхностных развлечений, а не поиска себя и коллективных смыслов. В общем, если равновесие между подсистемами нарушается, то терпит ущерб каждая из них, и когда дисфункциональность вырастет до определённого предела, люди могут отреагировать на это положение дел мятежом.

Впрочем, системная теория не показывает, каким образом затем из хаоса возникает новый порядок, так как для этого ей требуется переход уже к рациональности, построенной по совершенно иной логике, чем технологическая – рациональности морально-практической, позволяющей открыть новые коллективные смыслы. Они дадут людям новые ориентиры деятельности, что и приведёт к постепенному установлению нового социального порядка. Тем самым системная теория через анализ системных кризисов могла бы прийти к историчности.

В рамках социального номинализма, который исходит из идеи индивидуальной свободы, также возможен переход к этой сфере историчности. Для этого надо проанализировать более глубоко категорию свободы, в чём мы проследуем за А. Хоннетом, предложившим в книге «Право свободы: очерки демократической нравственности» красивую схему о существовании треугольника свобод: негативной (Е. Гоббс), рефлексивной (Ж.-Ж. Руссо,

И. Кант, И. Гердер) и социальной (Ф.Г. Гегель).

Обратимся к понятию *социальной свободы*: человек понимает, что он может реализовывать полученные в результате своей рефлексии цели только в социальных институтах, с учётом целей и интересов других и рассчитывая на их помощь и поддержку. Говоря образным языком, социальная свобода и есть отношения нравственности, которые уже реализованы в обществе, это есть разумная субстанция социальной действительности. Апеллируя к этим разумным нормам, личности могут требовать изменения социальных институтов в борьбе за свои права и в солидарности друг с другом. В сфере социальной свободы каждый может добиться своих целей только при поддержке других, а для этого необходимо найти объединяющий всех смысл. Тут мы и приходим к идее историчности: когда какое-то сообщество находит новые смыслы, оно тем самым формирует новые представления о том, ради чего и по каким принципам совершается коллективная деятельность, что ведёт к перестройке нормативной системы общества [О социальной свободе у А. Хоннета см.: 11, с. 97 – 98; 12, с. 106 – 108].

Социальная эволюция как эволюция форм взаимоотношений между системой и жизненным миром

Таким образом, и в рамках социального номинализма, и в рамках социального реализма мы пришли к идее историчности, которая указывает нам на процесс социальной эволюции. Если мы рассмотрим, каким образом система и жизненный мир взаимодействуют в ходе качественных переходов (связанных с постижением новых смыслов и перестройкой самого принципа функционирования системы), то мы сумеем совершить динамический синтез социального номинализма и социального реализма. Отметим некоторые характерные признаки понятия историчности, благодаря которому мы можем действительно построить модель единства системы и жизненного мира, но не застывшее, а постоянно изменяющееся, диалектически пульсирующее. Историзм хорошо понятен в свете методологии синергетики, которая приложима к социальной философии: она показывает, каким образом в сложных системах нарастает хаос, а потом каким образом в хаосе складывается новый порядок. Историзм говорит прежде всего о том, что невозможно строить понимание будущего по принципу продолжения тенденций настоящего, что по мере нарастания хаоса возникает качественный переход, в котором уже от усилия инди-

видов будет зависеть состояние общества (то есть наступит период, благоприятный для индивидуального и коллективного творчества). В силу этого историзм настаивает на том, что всё существующее преходяще и указывает на опасность отождествления какой-то исторической характеристики человека (типа той, что человек по природе эгоист) с сущностью самой человеческой природы. Историзм показывает, что наиболее интересны в истории ситуации качественных переходов, при которых люди по-новому открывают истину бытия и своего существования, следовательно, философские идеи начинают быть широко востребованными, как и другие формы выражения этого опыта в искусстве, религии, в техническом творчестве, в политическом творчестве новых конституционно-правовых форм и пр. Раскрытие этого смысла совершается согласно своей собственной логике: люди открывают новое знание, понимают новые аспекты добра и открывают новые способы постижения и выражения красоты. И в то же время эти новые смыслы оказывают помощь в решении проблем функционирования общественной системы. Наконец, принцип историзма на указывает нам на проблему *герменевтического истолкования* духовных образований прошлого, то есть мировоззренческих самоочевидностей людей тех исторических эпох, которые видели иные смыслы бытия. Мы не должны постигать их по аналогии с нашими смыслами, а должны вступить с этими людьми прошлого в диалог, признав их как равноправных субъектов для того, чтобы понять, по выражению Ю. Хабермаса, чему мы в процессе обучения разучились. Герменевтическое истолкование указывает на нелинейность истории, возможность обращения к предыдущему опыту для того, чтобы открыть новые способы понимания смыслов в кризисные эпохи, только этот опыт прошлого будет выступать в трансформированном виде: так, возрождение духа античности привело к разрушению тотальности средневекового католического мировоззрения в эпоху Возрождения [См. об историческом разуме: 1, с. 373–383, 421–426].

Конкретизирует идею историзма исследование логики социальной эволюции в целом, т.е. антропосоциогенеза. Мы успеваем обозначить только ключевые эволюционные переходы в контексте нашего стремления к диалектическому синтезу системной и феноменологической теории общества. Итак, первобытному охотничье-собираческому хозяйству соответствовала тотальность мифологического мировоззре-

ния, в котором личность ещё не выделялась из родового сознания, а мыслила весь мир в категориях системы родства, так что природа была интимно-близкой человеку, но было невозможно проникновение в суть сферы, лежащей за пределы обыденного опыта (мифический человек знал только один способ выхода из этой сферы — путём совершения религиозно-магических ритуалов, в которых он удостоверился во всеобщности коллективного самосознания, по выражению Э. Дюркгейма из работы «Элементарные формы религиозной жизни»). Переход к миру земледельческих цивилизаций в области общественной системы сопровождался важным процессом качественной трансформации коллективного мировоззрения, который К. Ясперс обозначил термином «осевое время». Оно совершилось в Древней Греции (философия), в Иудее (деятельность пророков), в Персии (зороастризм), в Индии (буддизм), в Китае (конфуцианство и даосизм) и было связано с духовной работой так называемых аутентичных личностей (то есть тех, кто сумел осознать особую реальность по ту сторону эмпирического мира и выразить опыт бесконечности на языке, понятном своему окружению, которое разочаровалось в мифологическом сознании). По выражению М. Вебера, которое заимствует Ю. Хабермас, высоким культурам соответствует религиозно-метафизическая картина мира, в которой через систему догматов происходит систематизация всего мировоззрения таким образом, что оно оказывается ориентированным на потустороннюю реальность, а в посюстороннем мире это соответствует сакрализации власти и появлению традиционной структуры, состоящей из жречества, воинства и крестьянства. Мы не будем останавливаться на важном только для марксизма различии между рабовладением и феодализмом, а также между азиатским способом производства и рабовладельческой и феодальной общественно-экономическими формациями в силу недостатка времени и сделаем резкий переход в Новое время, когда происходило становление капиталистического общества, то есть общества индустриального, с характерным разделением на большие классы капиталистов и наёмных работников, с резким изменением образа жизни населения и его уровня жизни. Этому процессу предшествовало состояние, которое Макс Вебер обозначил как распад религиозно-метафизических картин мира на так называемые изолированные сферы ценностей в соответствии с тремя главными формами рациональности: когнитивно-инструментальной, морально-практической и

эстетически-экспрессивной (фундаментальные ценности у них — истина, добро и красота соответственно), причём каждую из сфер ценностей обособленно разрабатывают экспертные субкультуры науки, морали и права, искусства и педагогики также соответственно. В средние века все эти сферы ценностей были подчинены фундаментальному ориентиру религиозного спасения, а теперь ни одна из сфер ценностей не может навязать свою логику развития другим: например, в науке невозможна ситуация, когда «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман», она понятна только с позиции когнитивно-инструментальной формы рациональности (и как раз в качестве указания на автономию этой сферы!) [9, с. 87–96].

В настоящее время возникает глобальная система мирового хозяйства и соприкасаются различные цивилизации друг с другом, что приводит к ситуации их столкновения. Религиозно-метафизические картины мира перестали быть тотальными и стали низведёнными до уровня коллективных представлений о хорошей жизни. Однако важно, что эти картины мира перестают претендовать на то, чтобы быть действенными за пределами своих сообществ, поскольку невозможно найти объективные критерии того, что истиннее — светская жизнь или религиозная, каков духовный опыт глубже — ислама или христианства и т.п. Просвещённый человек глобального мира тем самым может вместе с Иоганном Готфридом Гердером сказать: «Истина не единична, она рассеяна по планете», а эта установка позволяет сформировать в себе настроенность на дискурс уже между представителями различных цивилизаций. Может быть, именно в ходе этого дискурса будут найдены новые смыслы, которые позволят найти выход из глобального кризиса мирового капитализма.

К понятию коммуникативного разума как движущей силы социальной эволюции

Тем самым мы обращаемся к последней теме о коммуникации как основной проблеме социальной философии. Мы коротко проанализируем саму онтологию коммуникации и прежде всего укажем на существование открытого Ю. Хабермасом особого разума — коммуникативного разума, который будет выступать предметом современной философии в целом. Хорошо сказал об этом сам немецкий мыслитель в лекции в МГУ в ноябре 2009 г.: «Вместо знания о мире философия сегодня обещает нам просвещение относительно того, что значит прирост мирового знания для нас как родовых

существ, как индивидов и как современников» [9, с. 75]. Итак, коммуникативный разум позволяет нам выработать какую-то форму мировоззрения, которое будет давать нам новые смыслы в глобализованном мире и в то же время будет формировать в нас особую способность открытости к опыту других символических систем, отличных от наших собственных: в этом — его диалектика — динамичность, но не поверхностность, стремление к единству — но такому, в котором присутствует момент различия и не-идентичное.

Коммуникативный разум основывается на способности языковых субъектов превзойти свою собственную ограниченность, рефлексивным образом относиться к своей точке зрения и трансформировать её под влиянием аргументов слушателей. Эту способность (Ю. Хабермас называет её «децентрированным мировоззрением») они приобретают в практике диалога и в ходе стремления к достижению взаимопонимания друг с другом ради выработки плана совместной деятельности. Также коммуникативный разум — это те предпосылки достижения согласия между участниками диалога, которые присутствуют в языке (в так называемой структуре притязаний высказываний на всеобщую значимость: на истинность, правильность и правдивость). Эти предпосылки заключаются в том, что невозможно что-то высказать в диалоге, не признавая своих партнёров в качестве автономных и ответственных субъектов, обладающих такой же способностью порождать и критиковать высказывания, что и сам говорящий. Альтернативой диалога выступает насилие или манипуляция, но согласие под влиянием таких «аргументов» является фиктивным. Внутри же процедуры диалога действует особая норма, которую Хабермас называет «принуждением лучшего аргумента»: может образоваться общее воззрение, к которому приходят все участники, согласованно трансформируя свои позиции. И если эту норму разумного дискурса применять к общественной реальности в целом, то возникает перспектива возникновения в социальном мире неограниченного коммуникативного сообщества (эту идею обосновали К.О. Апель, Ю. Хабермас). Оно состоит из индивидуализированных (т.е. способных к самостоятельному мышлению) личностей, ведущих рациональный образ жизни на базе универсальных ценностей: свободы, справедливости, личностной и коллективной аутентичности (т.е. преодолении отчуждения с собой и родом) [3, с. 348–350; 4, с. 493–495].

Заключение: коммуникация как основной предмет социальной философии

Как же коммуникативный разум влияет на социальную реальность в целом? В полноценной коммуникации коллективно стремятся к истине о бытии и самих себе в нём в качестве равноправных партнёров; при этом участники находят новые смыслы и новые ценности; внутри социальной системы образуются новые интересы в силу выхода процессов функционирования из сложенного состояния; и, наконец, происходит соединение идей и интересов, что и приводит к переходу общества на новую стадию эволюции.

Следует отметить, что этот процесс не совершается автоматическим образом, а в результате преодоления современного состояния, которое характеризуется упадком традиционной философии в силу того, что сам философский способ постижения бытия оказывается невостребованным: системная рациональность стремится разрушить жизненный мир уже в глобальном масштабе, задавая публичной сфере смыслы экономической эффективности. Однако в силу того, что сами критерии эффективности становятся неопределёнными, возникает вопрос относительно самих мировоззренческих принципов модерна. При этом именно через исследование проблемы о соотношении разума и веры, истории философии и истории религиозного познания Ю. Хабермас стремится найти новые принципы легитимности современного демократического правового государства, которые устоят перед критикой религиозных фундаменталистов. А именно сообщество демократических правовых государств и может стать субъектом реформирования глобального капитализма, поскольку именно через диалог представителей коммуникативной общественности различных государств данные новые смыслы могут стать программой действий человечества в условиях кризиса современного капитализма [17, с. 136–160].

И если уж мы говорим о коммуникации как как основной проблеме социальной философии, то её предметом является диалектический процесс перехода коммуникативного разума в состояние эмпирической действительности. Все процессы достижения взаимопонимания между конкретными разумными существами (а не различные формы борьбы огромных и безликих классов), сливаясь, как ручейки, в мощные потоки, становятся движущими силами социального прогресса. А успешность коммуникативных процессов становится его критерием, доступным распознаванию в условиях

разочарования в идее линейности прогресса и дистанцирования от когнитивно-инструментальной формы рациональности. Коммуникативный разум позволит соотнести друг с другом на новом уровне три формы разума: когнитивно-инструментальную, морально-практическую и эстетически-экспрессивную, приведя их к гармоническому равновесию, и общество

тем самым преодолеет всемирный кризис и построит более справедливый и гуманный человеческий мир. В нём будет реализован фундаментальный принцип «единства в многообразии» и расцветут тысячи цветов, как говорят китайцы, но на одной почве — разума как ключевой характеристике человека в индивидуальном и родовом аспекте его бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадамер Г.Г. Истина и метод. Пер. с нем. М.: Прогресс, 1988.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.
3. Колесников А.С. и др. История философии XX века. Современная зарубежная философия. Учебник и практикум. М.: Юрайт, 2016.
4. Колесников А.С. и др. Современная мировая философия: Учебник для вузов. М.: Академпроект, 2013.
5. Маркс К. Экономически-философские рукописи 1844 г. Потребности, производство и разделение труда. С. XVII — XXI. Критика гегелевской диалектики и философии вообще. С. XXIII — XXXIII. URL: <http://www.souz.info/library/marx/1844works.htm#str155>
6. Мертон Р. Явные и латентные функции. // Американская социологическая мысль: тексты. / Под ред. В.И. Добренькова. М.: МГУ, 1994. С. 379—448.
7. Новичкова Г.А. Проблема человека в педагогической антропологии Г. Плеснера: URL: https://iphras.ru/uplfile/histan/statwi/Novi4kova_Problema_4eloveka_v_pedagogi4eskoj_antropologii_Plesnera.pdf.
8. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/01.php
9. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. / Habermas J. Von den Weltbildern zur Lebenswelt. С. 73—117. М.: Идея-Пресс, 2011. URL: <http://www.philos.msu.ru/sites/default/files/lib/%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%AE.%20%D0%9E%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0....pdf>
10. Шачин С.В. Опыт применения к анализу социальных рисков теории коммуникации Ю. Хабермаса и Н. Лумана. // Revistă internationale. 2016. № 2. Pp. 68—82. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/68_82_Opyit%20primeneniya%20k%20analizu%20sotsialnyih%20riskov%20teorii%20kommunikatsii%20Yu.%20Habermasa%20i%20N.%20Lumana.pdf
11. Шачина А.Ю., Шачин С.В. Обзор книги Хоннет А. Право свободы: Очерк демократической нравственности. // Кантовский сборник. Калининград, 2012. № 1 (39). С. 91—101. <https://cyberleninka.ru/article/v/honneth-a-das-recht-der-freiheit-grundriss-einer-demokratischen-sittlichkeit-b-suhrkamp-2011>
12. Шачина А.Ю., Шачин С.В. Признание как альтернатива толерантности, или к вопросу о статусе толерантности в системе целей и ценностей образования. // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 98—113. URL: http://tsennosti.instet.ru/images/Tcennosti_i_smysly_2_54.pdf
13. Adorno T., Horkheimer M. Dialektik der Aufklärung. Amsterdam, 1946.
14. Forst R. Die Rechtfertigung der Gerechtigkeit: Rawls' politische Liberalismus und Habermas' Diskurstheorie in der Diskussion. In: Forst, Rainer: Das Recht auf Rechtfertigung. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2007. Pp. 127—188.
15. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. Bd. 1, 2.
16. Habermas J. Erläuterungen zu einer Diskursethik. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1991.
17. Habermas J. Auch eine Geschichte der Philosophie. Berlin: Suhrkamp-Verlag, 2019. Bd. 1.
18. Parsons T. Societies. Englewood Cliffs, 1960.
19. Petzelt A. Subjekt und Subjektivität. Weinheim; München: Juventa Verlag, 1977.
20. Plessner H. Die Aufgabe der philosophischen Anthropologie. Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Berlin, 1965.
21. Schütz A., Luckman T. Strukturen der Lebenswelt. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1976.

Статья поступила в редакцию 09.10.2019

REFERENCES

- [1] **H.-G. Gadamer**, *Istina I metod* [Truth and Method]. Translated from German into Russian. Moscow: Progress, 1988.
- [2] **H.G.W. Hegel**, *Fenomenologija duha* [The phenomenology of the spirit]. Translated from German into Russian. Saint Petersburg, 1992.
- [3] **A.S. Kolesnikov** and others, *Istorija filosofii dvadzatogo veka. Sovremennaja sarubegnaya filosofiya. Uchebnik I praktikum* [History of philosophy of the twentieth century. Modern foreign philosophy. Tutorial and workshop]. Moscow: Urait, 2016.
- [4] **A.S. Kolesnikov** and others, *Sovremennaya mirovaya filosofiya. Uchebnik dlya universitetov* [Modern world philosophy: Textbook for universities]. Moscow: Akademproekt, 2013.
- [5] **K. Marx**, *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic-philosophical manuscripts of 1844]. Translated from German into Russian. URL: <http://www.souz.info/library/marx/1844works.htm#str155> (accessed: 12.06.2018).
- [6] **R. Merton**, *Javnije I latentnije funkzii* [Manifest and latent functions]. Translated from English into Russian. In: *American sociological thought: texts*. Under the editorship of V.I. Dobren'kov. Moscow: Publishinghouse of Moscow state University, 1994, Pp. 379–448.
- [7] **G.A. Novichkova**, *Problema cheloveka v pedagogicheskij antropologiji H. Plessnera* [The human problem in pedagogical anthropology by H. Plessner]. URL: https://iphras.ru/uplfile/histan/statwi/Novi4kova_Problema_4eloveka_v_pedagogi4eskoy_antropologii_Plesnera.pdf (accessed: 12.06.2018).
- [8] **T. Parsons**, *Sistema sovremennich obtschestv* [The system of modern societies]. Translated from English into Russian. Moscow, 1998. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Parsons/01.php
- [9] **J. Habermas**, *Von den Weltbildern zur Lebenswelt*. Moscow: Ideya-Press, 2011. URL: <http://www.philos.msu.ru/sites/default/files/lib/%D0%A5%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%81%D0%D0%AE.%20%D0%9E%D1%82%D0%BA%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0....pdf> (accessed: 12.06.2018)
- [10] **S.V. Shachin**, *Opit primeneniya k analizu sozial'nih riskov teorij kommunikaziji J. Habermasa i N. Luhmana* [Experience of application to the analysis of social risk of communication theories by Jürgen Habermas and Niclos Luhmann]. In: *Revista internationale*. 2 (2016) 68–82. URL: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/68_82_Opyit%20primereneniya%20k%20analizu%20sotsialnyih%20riskov%20teorii%20kommunikatsii%20Yu.%20Habermasa%20i%20N.%20Lumana.pdf (accessed: 12.06.2018).
- [11] **A.Ju. Shachina, S.V. Shachin**, *Obzor knigi A. Honneta "Pravo svobod: Ocherki demokraticeskoj npravstvennosti* [Review of the book "Honnet A. The right of freedom: Essay on democratic morality"]. In: *Kantovskij sbornik* [Kant's collection papers]: Science Magazine. Kaliningrad. 1 (39) (2012) 91–101. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/honneth-a-das-recht-der-freiheit-grundriss-einer-demokratischen-sittlichkeit-b-suhrkamp-2011> (accessed: 12.06.2018).
- [12] **A.Ju. Shachina, S.V. Shachin**, *Priznanije kak al'tennativa tolerantnosti, ili k voprovu o statuse tolerantnosti v sisteme zelej I zennostej obrazovanija* [Recognition as an alternative to tolerance, or to the issue of the status of tolerance in the system of goals and values of education] In: *Zennosti I smisli* [Values and meanings]: Science Magazine. Moscow. 2 (54) (2018) 98–113. URL: http://tsennosti.institut.ru/images/Tcennosti_i_smysly_2_54.pdf (accessed: 12.06.2018).
- [13] **T. Adorno, M. Horkheimer**, *Dialektik der Aufklärung*. Amsterdam, 1946.
- [14] **R. Forst**, *Die Rechtfertigung der Gerechtigkeit: Rawls' politische Liberalismus und Habermas' Diskurstheorie in der Diskussion*. In: Forst, Rainer: *Das Recht auf Rechtfertigung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 2007. Pp. 127–188.
- [15] **J. Habermas**, *Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1987. Bd. 1, 2.
- [16] **J. Habermas**, *Erläuterungen zu einer Diskursethik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1991.
- [17] **J. Habermas**, *Auch eine Geschichte der Philosophie*. Berlin: Suhrkamp-Verlag, 2019. Bd. 1.
- [18] **T. Parsons**, *Societies*. Englewood Cliffs, 1960.
- [19] **A. Petzelt**, *Subjekt und Subjektivität*. Weinheim; München: Juventa Verlag, 1977.
- [20] **H. Plessner**, *Die Aufgabe der philosophischen Anthropologie – Zwischen Philosophie und Gesellschaft*. Berlin, 1965.
- [21] **A. Schütz, T. Luckman**, *Strukturen der Lebenswelt*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp-Verlag, 1976.

Received 09.10.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Шачин Святослав Вячеславович

Shachin Sviatoslav V.

E-mail: s_shachin@mail.ru

DOI: 10.18721/JHSS.10404

УДК: 1: 165; 1:167; 30: 303.01

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПЕРЕВОДА

Л.В. Кушнина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
г. Пермь, Российская Федерация

Актуальность статьи обусловлена обращением к исследованию когнитивно-семиотического пространства перевода как некоего смыслового континуума, изучение которого переводчиком приводит его к порождению гармоничного текста перевода. Методологическим основанием исследования выступает авторская концепция переводческого пространства, трактующая перевод как синергетический процесс транспонирования множества гетерогенных смыслов из одной лингвокультуры в другую. В результате исследования семиотического пространства перевода показано, что переводческое пространство включено в семиосферу за счет разветвленной системы смыслов, имеющих как антропоцентрическую природу (поля субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента), так и текстовую природу (содержательное, энергетическое, фатическое поля). В процессе исследования когнитивного пространства перевода выдвинута и обоснована гипотеза о том, что языковое сознание переводчика основано на механизмах внутренней речи, внутреннего проговаривания, внутреннего перевода, внешнего проговаривания, внешнего перевода, а также на взаимопереходах от одних механизмов к другим. Совокупное рассмотрение когнитивных и семиотических аспектов перевода позволит приступить к созданию теории порождающего перевода.

Ключевые слова: семиотическое пространство, когнитивное пространство, переводческое пространство, смысл, синергия, гармоничный перевод

Ссылка при цитировании: Кушнина Л.В. Когнитивно-семиотическое пространство перевода // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 39–46. DOI: 10.18721/JHSS.10404

Эта статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

COGNITIVE-SEMIOTIC TRANSLATION SPACE

L.V. Kushnina

Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russian Federation

The contribution explores the cognitive-semiotic translation space as a meaningful semantic continuum. The translator's focus on and research of this continuum results in generating harmonious translation. Methodologically the research resides on the author's concept of translation space treating translation as a synergetic system of transposing multiple heterogeneous meanings from source into target culture. Having studied the semiotic translation space, the contribution concludes that translation space is a part of semiosphere through its extensive derivative of meanings of anthropocentric (author's, translator's and recipient's fields) and textual (content, energetic and phatic fields) origins. Results also indicate that translator's linguistic consciousness is based on inner speech mechanisms, his internal speak-through, internal translation, external speak-through, external translation and mechanism switching. The integrated research of cognitive and semiotic aspects of translation makes it possible to provide the underlying theory of generative translation.

Keywords: semiotic space, cognitive space, translation space, meaning, synergy, harmonious translation

Citation: L.K. Kushnina, Cognitive-semiotic translation space, St. Petersburg State Polytechnical

Введение

Исследуя взаимодействие языков и культур в пространстве перевода, мы оказываемся погруженными в единое семиотическое пространство, которое Ю.М. Лотман обозначил как семиосферу: «...язык есть функция, ступок семиотического пространства ... вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» [1, с. 250].

В рамках проводимого нами исследования перевода идея семиотической природы языка и человеческой коммуникации вообще имеет несомненное значение, особенно в связи с тем, что понятие семиосферы ученый распространял и на перевод: «структура семиосферы асимметрична. Это выражается в системе направленных токов внутренних переводов, которыми пронизана вся толща семиосферы. Перевод есть основной механизм сознания» [1, с. 254].

Семиотическая природа перевода как процесса транспонирования асимметричных смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую в настоящее время не нашла должного освещения в исследованиях отечественных ученых. Вместе с тем, идея асимметрии как сущностного свойства перевода получила развитие в ряде исследований. Так, Н.К. Рябцева отмечает, что в силу асимметрии в устройстве любого естественного языка, асимметрия между текстами оригинала и перевода неизбежна. Ученый заключает: «... перевод всегда асимметричен оригиналу» [2, с. 16]. В наших исследованиях мы рассматриваем переводческое пространство как симметрично-асимметричную систему, в которой асимметрия смыслов может иметь два вектора развития: в одном случае асимметрия смыслов приводит к порождению гармоничного текста перевода, что обусловлено естественным расхождением смыслов текстов, принадлежащих разным культурам, в другом случае асимметрия может привести к переводческим ошибкам и несоответствиям [3].

Когнитивная природа перевода находит подтверждение в рамках современной антропоцентрической парадигмы, предполагающей влияние когнитивного пространства на пространство перевода, т.к. текст перевода порождается мыслящей, активной личностью, которая, преобразуя и совершенствуя текст, преобразует себя и приобретает черты элитарной языковой личности, обладающей гармоничным переводческим мировоззрением, индивидуально значимой переводческой картиной мира.

Постановка проблемы и цели исследования

Идея порождающего перевода возникла у нас в процессе размышлений о переводческом пространстве, которое можно представить как результат функционирования единого когнитивно-семиотического пространства языка. Сформулированная в середине прошлого века Н. Хомским теория порождающей грамматики, обосновывающая взаимодействие глубинных и поверхностных структур текста, позволила нам выдвинуть гипотезу о теории порождающего перевода, т.к. мысленное конструирование переводческого пространства в сознании переводчика, разграничивающее эксплицитные (поверхностные) и имплицитные (глубинные) смыслы, приводит его к порождению гармоничного текста перевода, соразмерного тексту оригинала.

Согласно нашим предыдущим исследованиям, переводческое пространство есть некий смысловой континуум, в котором происходит взаимодействие языков и культур, при этом поля переводческого пространства не являются изолированными, т.е. они принадлежат конкретному тексту с его гаммой разнородных смыслов и совокупности интертекстов, образующих семиотическое пространство [3].

Напомним кратко суть нашей концепции. Приступая к переводу, переводчик «погружается» в переводческое пространство, в котором он познает множество смыслов исходного текста и транспонирует их в такое же множество смыслов текста перевода. Переводческое пространство мы представляем как открытую, саморазвивающуюся систему, содержащую ядро, текстовые поля и поля субъектов переводческой коммуникации. В качестве ядра выступает содержание текста, в котором порождается фактуальный смысл, являющийся инвариантом для переводчика и единственным эксплицитным смыслом текста. Это означает, что «правильным» может оказаться лишь фактуальный смысл как компонент интегрального смысла текста перевода. Лингвистическим маркером фактуального смысла является тема-рематическая прогрессия текста. На периферии переводческого пространства формируются имплицитные смыслы. В поле автора мы наблюдаем модальный смысл, отражающий интенции и намерения автора текста; в поле переводчика образуется индивидуально-образный смысл, раскрывающий образ-гештальт текста в сознании переводчика; в поле реципиента формируется рефлексивный смысл, прогнозируемый переводчиком; эти смыслы не идентичны, не тождественны, но

соразмерны, соотносимы, со-переводимы. Среди текстовых полей мы вычленим энергетическое поле, где порождается эмотивный смысл и фатическое поле с культурологическим смыслом. Именно в фатическом поле происходит взаимодействие и контакт культур и совершается приращение новых смыслов, отвечающих ожиданиям реципиентов.

Мы предположили, что когнитивно-семиотическое пространство языка в процессе перевода становится той самой порождающей средой, в которой происходит генерация смыслов: предтекст, подтекст, контекст, затекст, интертекст, текст. Порождение имплицитных смыслов происходит следующим образом:

1. Источником модального смысла в поле автора является предтекст, т.е. все те смыслы, которые предшествовали появлению данного текста. Это намерения, интенции, аллюзии, пресуппозиции автора — то, что было выражено им в предыдущих текстах, отражающих его индивидуальный опыт и пр.;

2. Источником индивидуально-образного смысла поля переводчика является подтекст — все глубинные смыслы, которые переводчик может извлечь, формируя в своем сознании целостный образ текста, обозначенный как образ-гештальт, который является уникальным для каждой языковой личности переводчика;

3. Источником рефлексивного смысла поля реципиента является контекст как совокупность фоновых знаний реципиента, его когнитивная база, которая должна быть достаточной для восприятия и понимания текста перевода;

4. Источником эмотивного смысла энергетического поля является затекст как совокупность различных факторов: паравербальные и невербальные средства — жесты, мимика, взгляд, поза говорящего, интонация (для устного перевода); синтаксис, пунктуация, орфография (для письменного перевода);

5. Источником культурологического смысла фатического поля являются интертексты двух контактирующих культур, которые изучает переводчик. Именно в фатическом поле мы наблюдаем разветвленное семиотическое пространство перевода, т.к. содержание интертекстов настолько же неисчерпаемо, как и сама культура, а вместе с ней, семиосфера. Но в каждом случае переводчик изучает определенную грань интертекста, необходимую для понимания конкретного текста и фрагмента и окружающей его семиосферы.

6. Эксплицитно выраженный устный или письменный текст как источник фактуального смысла.

Разрабатываемую нами модель переводческого

пространства можно рассматривать в русле проблем моделирования языковых механизмов, о которых пишут в своем недавнем исследовании Л.Н. Беляева и В.Е. Чернявская [4]. Авторы выдвигают идею подготовки специалистов нового типа, умеющих создавать, переводить, обрабатывать тексты в соответствии с требованиями конкретной культуры, что полностью укладывается в культурную парадигму перевода.

Подчеркнем, что разрабатываемая нами модель опирается на идеи синергетики как науки о взаимодействии самоорганизующихся систем, впервые четко сформулированные Г. Хакеном [5]. К числу синергетических систем мы относим и систему перевода, в которой, согласно принципам синергетики, происходит взаимодействие смыслов, сопровождаемое приращением новых смыслов, что обуславливает порождение гармоничного текста перевода как феномена другой культуры.

Понимание и интерпретация этих процессов требуют рассмотрения таких вопросов как языковое сознание личности и специфика языкового сознания переводчика, внутренняя речь и внутреннее проговаривание, а также их переход к «внешнему» проговариванию, внутренняя речь и внутренний перевод, а также его переход во «внешний» перевод, ориентированный на достижение гармонии.

Методология и методика исследования

Методологической базой нашего исследования выступает синергетический подход. В процессе изучения синергетической природы перевода мы пришли к следующему выводу: «Синергетический эффект, возникающий в процессе функционирования переводческого пространства, проявляется в идее многовариантности, непредсказуемости, невозможности однозначного определения перспективного вектора развития переводческого пространства, а, следовательно, признании бесконечного числа возможных версий перевода одного и того же текста» [4, с.13].

В рамках настоящей статьи рассмотрим подробнее проблему языкового сознания переводчика, погруженного в переводческое пространство. Изучение данного аспекта проблемы позволит описать когнитивный компонент когнитивно-семиотического пространства.

В качестве исходного мы выдвигаем предположение о том, что постижение языкового сознания переводчика становится возможным в результате анализа переводческих находок и переводческих неудач, выступающих как «следы» языкового сознания, с помощью которых можно проследить взаимодействие внутренней

речи и внутреннего перевода.

Импульсом для изучения внутреннего перевода, соотносимого с внутренней речью, послужила статья Н.Г. Юзefович «Актуализация инокультурного субстрата: обоснование механизма внутреннего перевода», опубликованная в сборнике научных трудов «Индустрия перевода» [6].

Рассмотрим, как языковое сознание трактуется в современных исследованиях.

Н.Ф. Уфимцева изучает языковое сознание с позиций «образа себя» и «образа другого» и приходит к следующему выводу: «...явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности общения, отображаются в сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений и образ мира меняется от одной культуры к другой» [7, с. 33]. Ученый полагает, что межкультурное общение ввиду недостаточной общности сознаний коммуникантов может стать материалом для изучения языкового сознания личности в целом.

Проблема языкового сознания переводчика исследуется Т.Г. Пшенкиной [8]. Автор рассматривает языковое сознание переводчика как одну из форм когнитивного сознания. Основная идея автора состоит в том, что мир, стоящий за словом, представляет собой преобразованную сознанием реальность, что можно рассматривать как когнитивный процесс: «переводческая обработка столь сложной гетерогенной информации, где слово оказывается ассоциированным не с реальностью, а с ее пониманием, сложившимся в акте языкового созидания народа, является когнитивным процессом» [8, с.126].

Мы предположили, что языковое сознание переводчика, не являющегося абсолютным билингвом, включает в себя, в разной степени, элементы двух образов мира, двух лингвокультур. В связи с этим изучение языкового сознания переводчика становится возможным при условии выявления «следов» языкового сознания, которые могут быть представлены в виде переводческих находок и переводческих ошибок, и которые в совокупности характеризуют принимаемые переводческие решения. В случае переводческой находки мы наблюдаем смысловую гармонию, а переводческая ошибка характеризует дисгармонию. Переводчик создает образ текста (в широком смысле, образ мира), который отличается от образа мира автора и от образа мира потенциального реципиента.

Как показало исследование проблемы языкового сознания, оно находится в неразрывной связи с проблемой внутренней речи, и внутреннего

проговаривания, что отражено в работах ведущих российских психологов.

Теория внутренней речи была разработана Л.С. Выготским, который, сравнивая ее с внешней речью, подчеркивал ее принципиальное отличие от внешней речи, сформулировав через метафору о том, что внутренняя речь — это не аккомпанемент, а самостоятельная мелодия. Внутренняя речь противопоставлена внешней: если внешняя речь есть процесс превращения мысли в слово, то внутренняя речь сопровождается «испарением речи в мысли», иными словами, слово умирает во внутренней речи и рождается мысль. В целом ученый определял внешнюю речь как речь для других, а внутреннюю речь как речь для себя. Если в процессе мышления внешняя речь переходит во внутреннюю речь, то в процессе общения имеет место и противоположный процесс — развертывание внутренней речи во внешнюю [9].

В рамках проводимого нами исследования исключительную значимость приобретает не только сам механизм внутренней речи, который, вероятнее всего, соотносим с механизмом внутреннего перевода, но и размышления ученого о том, что внутренняя речь необходима для осознания трудностей, т.е. рефлексии, и для их преодоления с целью принятия решений.

Исследуя проблему языкового сознания переводчика, нельзя не обратиться к трудам Н.И. Жинкина [10]. В рассматриваемом отношении важно, что работах Н.И. Жинкина было введено фундаментальное понятие универсального предметного кода, трактуемого как однозначное отображение действительности, соотносительность с внешним миром. Данное понятие объясняет принципиальную переводимость с одного языка на другой, т.к. УПК является общечеловеческим феноменом, своего рода психической универсалией.

При описании механизмов внутренней речи Н.И. Жинкин подчеркивал, что внутренняя речь находится в сложных отношениях с языком, т.к. каждый человек воспринимает обращенную к нему речь собственными словами. В отличие от американских ученых того времени, утверждавших, что внутренняя речь есть внешняя речь минус звук, Н.И. Жинкин полагал, что внутренняя речь в принципе иная, т.к. в ней преобладают не слова, а их заместители — образы, схемы, наглядные представления, и эта замена осуществляется по принципу смысловой эквивалентности. Однако во внутренней речи присутствуют и отголоски слов и интонаций, которые мимолетно возникают в сознании человека в процессе говорения и слушания. И образы, и элементы слов субъективны, не передаваемы, и лишь когда мы заменяем

их словами, они обретают значение. Сложность состоит в том, что в речи, в тексте слова имеют значения, а об их смысле нужно догадываться. В этом и состоит процесс понимания. И только поняв общий смысл, можно подобрать слова. Любое слово вводится в память при помощи проговаривания — вначале вслух, потом про себя.

А теперь обратимся к лингвистическим исследованиям внутренней речи. В лингвистике текста в аспекте монологичной коммуникации проблема внутренней речи изучалась Л.Н. Мурзиным. В своих рассуждениях ученый опирался на идею интериоризации внутренней речи, впервые высказанную П.Я. Гальпериным. Как поясняет Л.Н. Мурзин, внутренняя речь обращена внутрь личности, и, казалось бы, не нуждается в языке. «... во внутренней речи мы пользуемся языком приблизительно так же как во внешней. Поэтому можно предположить, что понятие внутренней речи сопрягается с понятием текста: внутренняя речь — это тоже текст, хотя и особого рода» [11, с. 25].

Л.Н. Мурзин прослеживает процесс становления внешней речи из внутренней, что влияет на понимание высказывания: «можно с достаточной определенностью утверждать, что наша внешняя речь наполняется конкретным содержанием благодаря опоре на внутреннюю речь» [11, с. 26].

Развивая эту идею своего учителя, мы можем предположить, что без внутреннего перевода, основанного на внутренней речи и сопутствующего ей УПК, не может быть не только внешней речи, но и внешней межъязыковой и межкультурной коммуникации, т.е. перевода в собственном смысле слова.

Наша принципиальная позиция состоит в том, что закономерности порождения текста при монологичной коммуникации релевантны для порождения текста при двуязычной коммуникации, т.е. при переводе. Если в речемыслительной модели П.Я. Гальперина представлен переход от внешней интерпсихической функции к внутренней интрапсихической, можно предположить, что рассмотренные функции характеризуют и внутреннюю речь, и внутренний перевод [12]. Важно, что они характеризуют переход от внутреннего перевода к внешнему. Бесспорно, переводчик совершает обратный путь: действия во внутренней речи, внешняя речь про себя, громкая внешняя речь (при письменном переводе — зафиксированный на письме текст). Мы можем обозначить эти этапы следующим образом: действия во внутренней речи — действия во внутреннем переводе; внешняя речь про себя — внешний перевод про себя; громкая внешняя речь — устный или письменный внешний перевод.

Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах. Рассмотрим фрагмент текста современной французской писательницы Мюриэль Барбери «Лакомство» в оригинале и переводе [13, 14]. В центре романа — воспоминания кулинарного критика, обладателя изысканного вкуса, для которого главными удовольствиями в жизни были еда и слова.

Muriel Barbery — “Une gourmandise”

1) *Toi et moi on est fait de la même étoffe. — Ты и я сделаны из одного теста.*

2) *Un moment de triomphe. Elle me regarda un instant estomaquée, le temps de comprendre... [13, p. 143]. — Я вкусил триумф. С минуту она смотрела на меня ошарашенно, пока до нее не дошло... [14, с. 135].*

3) *Des madelaines aux fèves Tonka ou de l'art du raccourci cavalier! [14, p. 144]. — «Мадлен» с плодами дерева кумару. Или краткость — сестра таланта! [14, с. 136].*

Поясним, что все переводы мы признаем гармоничными, т.к. они естественно воспринимаются русским читателем.

А теперь попытаемся реконструировать ход мысли переводчика, процессы, протекающие в его языковом сознании, т.е. представить «следы» языкового сознания переводчика. Этот процесс не симультанный, а сукцессивный, т.е. переводчик мысленно совершает разнообразные психические, речемыслительные, когнитивные операции, которые можно представить в виде «шагов».

Результаты исследования

Исследуя механизмы внутреннего перевода, мы опирались на труды М. Ледерер, автора интерпретативной теории перевода (ИТП), которая следующим образом описывает динамику смыслов в процессе перевода: *déverbalisation-compréhension-reverbalisation* (девербализация — понимание — ревербализация) [15]. По мысли М. Ледерер, в сознании переводчика происходит триединый процесс: переводчик освобождается от слов оригинала, одновременно происходит понимание смысла текста, который приобретает новую словесную форму. Этот процесс можно соотносить с внутренним переводом и внутренней речью, т.е. лишившись словесной оболочки, слово как двусторонний знак перестает существовать, но, обретая новую словесную оболочку, оно воссоздается и может приобрести другие значения. Задача переводчика состоит в том, чтобы создать в своем сознании такой образ, который будет понятен реципиенту, принадлежащему другой культуре.

Переходим к анализу первого примера: *Toi et moi on est fait de la même étoffe*. Процессу

девербализации предшествует создание буквального перевода. Он выглядит так: *Ты и я мы сделаны из одной ткани*. Можно сказать, что происходит процесс внутреннего проговаривания, или, согласно П.Я. Гальперину, имеют место действия во внутренней речи [12]. Согласно Н.И. Жинкину, внутренняя речь может быть как вербальной, так и невербальной, т.е. образной, где присутствуют смысловые заместители слов [10]. Версию буквального перевода мы обозначим как действия во внутреннем переводе, расценивая ее как эквивалент действий во внутренней речи.

Внешняя речь про себя – внешний перевод про себя

На втором этапе переводчик подбирает приемлемые переводческие решения: либо он находит словарные соответствия, что приводит его к адекватному переводу, либо он осуществляет разнообразные межъязыковые переводческие трансформации, что приводит его к эквивалентному переводу, либо он осуществляет приращение новых смыслов в соответствии с требованиями принимающей культуры – их синергию, что приводит его к гармонии. В противном случае он допускает переводческую ошибку, что приводит его к дисгармонии.

На данном этапе переводчик оперирует результатами внутреннего перевода и значениями лексем как на языке оригинала, так и на языке перевода. При этом в каждом тексте, в каждом его фрагменте возможно сочетание разных способов перевода, за исключением дисгармоничного. Проанализируем словосочетание *«de la même étoffe»*, перевод которого представляет интерес.

В процессе проговаривания про себя переводчик (Н. Хотинская) приходит к выводу, что словарные значения не найдут отклика у русского читателя, и в его языковом сознании возникает другой образ, приемлемый в русской лингвокультуре, а именно: *«быть из одного теста»*.

Громкая внешняя речь – устный или письменный внешний перевод

На третьем этапе происходит окончательная ревербализация образа, возникшего в языковом сознании переводчика. Так происходит письменное оформление текста перевода, или порождение внешнего перевода. Создается гармоничный перевод фрагмента: *Ты и я сделаны из одного теста*.

Поясним, что признание данного варианта гармоничным не является единственным переводческим решением. Мы исходим из предположения о том, что гармоничных переводов может быть бесконечное количество. Это

предположение основано на том факте, что при переводе на разные языки появляется потребность в разных вариантах гармоничности: то, что приемлемо в одной лингвокультуре, может оказаться не только неприемлемым, но и дисгармоничным в другой.

Проиллюстрируем проявление гармоничного перевода на другом примере из того же романа:

Des madelaines aux fèves Tonka ou de l'art du raccourci cavalier! ... La pâtisserie n'était guère qu'un prétexte, celui d'un psaume sacré, miellé, fondant et nappé.... –

«Мадлен» с плодами дерева кумару, или краткость – сестра таланта ... Пирожные были лишь поводом к нескончаемому псалму – сладкому, медовому, тающему во рту.

Французское слово *madeleine* переведено на русский язык как *«Мадлен»* и взято в кавычки. Вероятно, это удачное переводческое решение, т.к. иначе русскоязычный читатель может не понять, о каком продукте идет речь. На самом деле, бисквитное печенье мадлен или пирожное мадлен является культовым французским лакомством, история которого восходит к XVIII веку. Позднее оно оказалось у кондитеров Версаля, простое в приготовлении, в форме ракушки, оно обладает нежным вкусом. Существует печенье *«petites madelaines»*, которое у нас называют «мадленки». Известность *«мадлен»* приобрело после перевода с французского языка романа М. Пруста *«В поисках утраченного времени»*. В данном фрагменте автор упоминает *«pâtisserie»*, что может обозначать и кондитерские изделия, и пирожные. Но переводчик использует именно «пирожные», т.к. речь идет о пирожном мадлен.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что существует некий когнитивно-семиотический континуум, в котором совершается речемыслительная деятельность переводчика – переводческое пространство, в котором формируется индивидуальная переводческая картина мира, позволяющая переводчику создать гармоничный текст. Современный канадский исследователь Ж. Делиль выявляет, среди прочих, культуросообразную функцию перевода, подчеркивая при этом, что перевод – это не только диалог культур, но и их созидание. [16]. Мы считаем, что культуросообразность перевода – его важнейшее качество, а гармоничный перевод – проявление культуросообразности.

Содержанием когнитивного континуума являются такие мыслительные операции как девербализация, понимание, ревербализация. Каждой такой переводческой операции соответствует

мыслеречевая операция: вербальная или невербальная внутренняя речь соотносится с девербализацией; внешняя речь про себя и процесс выбора переводческого решения соотносится с пониманием и внешним переводом про себя; громкая внешняя речь, внешний устный или письменный перевод соотносится с ревербализацией.

Описывая когнитивно-семиотическое пространство перевода, мы приступаем к созданию теории порождающего перевода, в центре внимания которой — языковое сознание переводчика, обладающего гармоничным переводческим

мировоззрением, что ориентирует его на совершенствование своей личности, и что может привести к формированию элитарной языковой личности переводчика.

Важно подчеркнуть, что полноценное понимание переводческого сознания, его глубинных внутренних механизмов придет только после того, как мы апробируем и проанализируем самые разные переводческие ситуации, что позволит представить целостную картину, отражающую объективную и субъективную реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. СПб: «Искусство-СПб», 2004. 704с.
2. Рябцева Н.К. Стереотипность и творчество в переводе // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 12. Пермь, 2008. С. 12–26.
3. Кушнина Л.В. Культурная парадигма перевода // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 20. Пермь, 2016, С.130–139.
4. Беляева Л.Н., Чернявская В.Е. Научный и технический текст и информация 4.0: Ключевые задачи при создании структурированного контента // Научно-технические ведомости СПб-ГПУ. Гуманитарные и общественные науки, 2019. Т.10, №2, С.53–63. DOI: 10.18721/JHSS.10205
5. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия, М., 2002. 272 с.
6. Юзефович Н.Г. Актуализация инокультурного субстрата: обоснование механизма «внутреннего перевода» // Индустрия перевода. Материалы VI Международной научной конференции. Пермь, 2014. С. 149–154.
7. Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.Ф. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М., Гнозис, 2017. 390с.
8. Пшенкина Т.Г. Психолингвистические основания вербальной посреднической деятельности переводчика. Барнаул: изд-во БГПУ, 2005. 240с.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: «Лабиринт», 1999. 352с.
10. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., Наука, 1982. 157с.
11. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та 1991. 172с.
12. Гальперин П.Я. К вопросу о внутренней речи. Доклады АПН РСФСР, 1957, № 4.
13. Barbery M. Une gourmandise, Guallimard, 2000. 169p.
14. Барбери М. Лакомство. пер. с франц. Н. Хотинской, М.: Иностранка, 2010.160с.
15. Lederer M. La traduction aujourd'hui, 1994. 224p.
16. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction, 2014, № 21. Pp.37–60.

Статья поступила в редакцию 06.10.2019

REFERENCES

- [1] Yu.M. Lotman, Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashhikh mirov. [Semiosphere. Culture and explosion. Inside of thinking worlds]. Saint Iskusstvo, St. Petersburg, 2004.
- [2] N.K. Ryabtseva, Stereotipnost' i tvorchestvo v perevode [Stereotypy and creativity in translation]. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotype and Creativity in the Text]. Perm, Perm State University Press, 12 (2008) 12–26.
- [3] L.V. Kushnina, Kul'turnaya paradigma perevoda [Cultural Paradigm of Translation]. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste [Stereotype and Creativity in the Text]. Perm, Perm State University Press, 20 (2016) 130–139.
- [4] L.N. Belyaeva, V.E. Chernyavskaya, Scientific and Technical Texts in the framework of Information 4.0: content analysis and text synthesis, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (2) (2019) 53– 63. DOI: 10.18721/JHSS.10205
- [5] G. Khaken, M. Khaken-Krell', Tajny vospriyatiya [Secrecies of perception] Moscow, 2002.
- [6] N.G. Yuzefovich, Aktualizatsiya inokul'turnogo substrata: obosnovanie mekhanizma «vnutrennego

perevoda» [Actualization of foreign culture substrate: basement of the mechanism of “inner translation”] // Industriya perevoda. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Perm, 2014. 149–154.

[7] **I.A. Bubnova, I.V. Zyкова, V.V. Krasnykh, N.F. Ufimtseva**, (Neo)psikholingvistika i (psikho) lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashhem [Neo-psycholinguistics and psycholinguoculturology: new sciences of linguistic identity]. Gnozis, Moscow, 2017.

[8] **Pshenkina T.G.** Psikholingvisticheskie osnovaniya verbal'noj posrednicheskoj deyatel'nosti perevodchika [Psycholinguistics basement of verbal mediate activity of a translator]. BGPU Publ., Barnaul, 2005.

[9] **L.S. Vygotskij**, Myshlenie i rech' [Intellection and Speech]. Labirint, Moscow, 1999.

[10] **N.I. Zhinkin**, Rech' kak provodnik informatsii

[Speaking as information cogitation]. Nauka Publ., Moscow, 1982.

[11] **L.N. Murzin, A.S. Shtern**, Tekst i ego vospriyatie [Text and its perception]. Urals State Univ. Publ., Sverdlovsk, 1991.

[12] **P.Ya. Gal'perin**, K voprosu o vnutrennej rechi [To the question of inner speech]. Doklady APN RSFSR. 4 (1957).

[13] **M. Barbery**, Une gourmandise, Guallimard, 2000.

[14] **M. Barberi**, Lakomstvo / M. Barbery, translated from French by N. Khotinskaya, Inostranka, Moscow, 2010.

[15] **M. Lederer**, La traduction aujourd'hui, 1994.

[16] **J. Delisle**, Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte littéraire en traduction, 21 (2014) 37–60.

Received 06.10.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Кушнина Людмила Вениаминовна

Kushnina Liudmila V.

E-mail: lkushnina@yandex.ru

СТРАТИФИКАЦИЯ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ (ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА)

А.Ф. Яковлева¹, Л.Л. Шестакова²

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

²Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Российская Федерация

Статья представляет собой обзор проблемно-методического круглого стола, посвященного стратификации лексики современного русского языка и ее отражению в толковом словаре. Цель круглого стола соотносится с задачами исследовательского проекта, направленного на выявление особенностей стилистической стратификации русского литературного языка начала XXI века и выработку, на междисциплинарной основе, способов адекватного их отражения в толковом словаре нормативного типа (в данном случае — в «Академическом толковом словаре русского языка»). Обсуждались дискуссионные вопросы стилистической стратификации лексики современного русского языка, ее представления в толковом словаре как важнейшем общедоступном источнике знаний о языке, описания в таком словаре единиц лексических групп, отражающих активные процессы в разговорной и книжно-письменной разновидностях литературного языка, использования в этой работе ресурсов Национального корпуса русского языка (НКРЯ). На примере анализа единиц разных лексических групп и предметных областей («Разговорная лексика просторечного происхождения»; «Информатика», «Политология», «Религия и церковь») показано, что введение такой лексики в толковые словари требует обязательного подключения специалистов в каждой предметной области, а также разработки как особого подхода к отбору слов (к составлению словника), так и принципов составления словарных статей. Сформулированы научно-методические рекомендации по усовершенствованию способов представления стилистических разрядов лексики в толковых словарях русского языка. Сделан вывод о том, что необходима выработка стилистической классификации лексики отобранных групп, которая бы, во-первых, подтверждалась современным языковым материалом, а во-вторых, была бы практически применимой в деле составления общих толковых словарей.

Ключевые слова: национальный язык, стилистическая стратификация лексики, лексикография, толковый словарь, Национальный корпус русского языка

Ссылка при цитировании: Яковлева А.Ф., Шестакова Л.Л. Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре: основные методологические подходы (обзор круглого стола) // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 47–55. DOI: 10.18721/JHSS.10405

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

STRATIFICATION OF THE LEXICON OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE AND ITS REFLECTION IN THE EXPLANATORY DICTIONARY: WAYS OF THE DISCUSSION (ROUND TABLE REVIEW)

A.F. Yakovleva¹, L.L. Shestakova²

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

²Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russian Federation

The article is a review of the problem-methodical round table devoted to the stratification of the vocabulary of the modern Russian language and its reflection in the explanatory dictionary. The pur-

pose of the round table is correlated with the objectives of a research project aimed to identify features of the stylistic stratification of the Russian literary language of the early twenty-first century and the production, on an interdisciplinary basis, of adequate ways of its reflection in the dictionary of a normative type (in this case, “Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language”). Russian lexicon stylistic stratification, its representation in the explanatory dictionary as the most important public source of knowledge about the language, the description in such a dictionary of units of lexical groups reflecting the active processes in the spoken and book-written varieties of the literary language, the use in this work of the resources of the Russian National Corpus (RNC) were discussed. On the example of the analysis of units of different lexical groups and subject areas (“Colloquial vocabulary of vernacular origin”; “Informatics”, “Political Science”, “Religion and Church”) it is shown that the introduction of such vocabulary in dictionaries requires mandatory involvement of specialists in each subject area, as well as the development of a special approach to the selection of words (to the compilation of the dictionary), and the principles of compiling dictionary entries. The article contains scientific and methodological recommendations on improving the ways of presenting stylistic categories of vocabulary in the explanatory dictionaries of the Russian language. It is concluded that it is necessary to develop a stylistic classification of the vocabulary of the selected groups, which would, firstly, be confirmed by modern language material, and secondly, would be practically applicable in the compilation of General explanatory dictionaries.

Keywords: national language, stylistic stratification of the lexicon, lexicography, explanatory dictionary, Russian National Corpus

Citation: A.F. Yakovleva, L.L. Shestakova, Stratification of the lexicon of the modern Russian language and its reflection in the explanatory dictionary: ways of the discussion (round table review), St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 47–55. DOI: 10.18721/JHSS.10405

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

Проблема отражения в толковых словарях современного состояния русского языка, в том числе его меняющейся стилистической стратификации, актуальна для отечественной лексикографии рубежа веков. Внимания требуют, в частности, переход просторечной лексики в разряд разговорной (речь идет в данном случае о повышении статуса сниженной лексики), а также активное вхождение в общий язык специальных терминов различных наук (в основном технических и социальных). И тот, и другой процессы уже находили свое отражение в толковых словарях русского языка, однако в последние десятилетия они интенсифицировались, с чем и связана необходимость разработки адекватных методов отбора таких слов и их описания в нормативных толковых словарях. Системному анализу этих процессов и выработке соответствующих словарных методик посвящен проект «Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре»¹, целью которого стало выявление особенностей стилистической стратификации русского литературного языка начала XXI века и выработка, на междисциплинарной основе, способов их отражения в современ-

ном толковом словаре нормативного типа (в данном случае — в «Академическом толковом словаре русского языка» (АТРС) [1, 13, 14]). В рамках проекта состоялся проблемно-методический круглый стол, который позволил его участникам обсудить насущные и дискуссионные вопросы стилистической стратификации лексики современного русского языка, ее представления в толковом словаре нормативного типа как важнейшем общедоступном источнике знаний о языке, описания в таком словаре единиц лексических групп, отражающих активные процессы в разговорной и книжно-письменной разновидностях литературного языка, использования в этой работе ресурсов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5, 6]. В настоящей статье предлагается обзор этого круглого стола с характеристикой разработанной методологии исследования и основных рекомендаций.

Постановка проблемы и цели исследования

Изучение разных типов стратификации национальных языков — одно из актуальных направлений в лингвистике последних десятилетий [10]. Термин «стратификация» приложим к разным сторонам языка. Выделяются такие типы языковой стратификации, как социальная, профессиональная, территориальная,

¹ См.: http://ruslang.ru/stratifikacija_leksiki.

возрастная и др. Для толкового словаря академического типа особо значима стилистическая стратификация лексики в ее отражении средствами лексикографии [2, 7, 11]. Объясняется это тем, что стилистическая стратификация напрямую связана с полифункциональностью литературного языка, происходящими в нем внутренними процессами, а также с потребностями носителя языка в выборе оптимальных средств выражения в соответствии с целями и условиями коммуникации. В ходе проекта были исследованы четыре группы слов: «*Разговорная лексика просторечного происхождения*»; лексика предметных областей «*Информатика*», «*Политология*», «*Религия и церковь*». Участники проекта пришли к выводу о том, что введение такой лексики в словарь (имеется в виду, прежде всего, лексика трех названных областей) требует обязательного подключения специалистов в каждой предметной области, а также разработки, во-первых, особого подхода к отбору слов (к составлению словника) и, во-вторых, принципов составления словарных статей.

Как было отмечено Л.Л. Шестаковой, в рамках исследования обоснован выбор для изучения и опытного описания в современном толковом словаре (среднего/большого объема) названных групп стилистически маркированной лексики. Выбор осуществлялся с учетом: *данных мониторинга*, показавших, что существующие толковые словари слабо отражают стилистические изменения русской лексики; *активных процессов*, происходящих в разговорной и книжно-письменной разновидностях литературного языка²; *социальной значимости* слов лексической группы и др., более частных факторов.

В *разговорной разновидности русского литературного языка* одним из активных процессов является повышение стилистического статуса сниженной лексики. То, что раньше ощущалось говорящими как сниженное, просторечное и даже жаргонное, перемещается в разряд разговорных лексических средств (с периферии лексики национального языка к его ядру — в границы литературного языка). В *книжно-письменной разновидности литературного языка* активным является процесс детерминологизации научной лексики, внедрение в общее речевое употребление значительного числа специальных слов. Это обусловлено разными причинами, в большой степени продол-

жающимся интенсивным научно-техническим развитием человечества.

Методология

Разработана *методология работы* с названными лексическими группами, сформулированы *научно-методические рекомендации* по усовершенствованию способов представления стилистических разрядов лексики в толковых словарях русского языка.

В процессе реализации проекта выяснилось, что при формировании массива единиц, демонстрирующих повышение стилистической окраски, для последующего описания в толковом словаре целесообразны:

- сопоставление данных общеязыковых толковых словарей разного времени (для выявления — на уровне помет — изменения стилистического статуса слов);
- обращение к современным словарям разговорной речи, словарям жаргонной лексики;
- оценка, по данным НКРЯ, частоты употребления слов, их функционирования в разножанровых текстах;
- выделение групп лексики (например, построенных по одной словообразовательной модели), единицы которых в целом демонстрируют тенденцию к стилистическому повышению;
- опросы носителей языка, принадлежащих разным возрастным, социальным, профессиональным группам.

Общие *рекомендации по отбору* актуальной для толкового словаря терминологии как лексики, относящейся к разным предметным областям, касаются, прежде всего, *источников*, среди которых можно выделить словари — общеязыковые (толковые, орфографические, иностранных слов и др.), специальные, учебные, а также тематические тексты (для выявления единиц, не зафиксированных словарями). *Основными принципами отбора лексики*, связанной с названными сферами, стали: ориентация на тип толкового словаря (объем словника); оценка социальной значимости слова / частотности слова в текстах разных типов и жанров (верификация по НКРЯ и другим источникам).

Основная *рекомендация по составлению словарных статей* сводится к ориентации на стилистическую стратификацию единиц внутри выделенной лексической группы с целью дифференцированного маркирования входящих в нее слов. Для лексических групп, соотносимых

² Как известно, в ступенчатом членении литературного языка первое членение, «наиболее очевидное, — это дихотомия книжно-письменного и разговорного языков» [9, с. 42].

с областями информатики, политики, религии, целесообразно различение нескольких подгрупп лексики. Это:

- терминологическая лексика, сохраняющая специальную окраску (маркируется пометами *инф.*, *полит.*, *религ.* или *церк.* [4]³; при необходимости — частными пометами, например, *дипл.* в рамках политической лексики; после пометы может быть использована ремарка-конкретизатор, например: «*Религ.* В христианстве: ...»);

- соотносимая с конкретной предметной областью общеупотребительная стилистически нейтральная лексика (не маркируется);

- соотносимая с конкретной предметной областью общеупотребительная стилистически окрашенная лексика (маркируется пометами *книжн.*, *разг.* и т. п.);

- соотносимая с конкретной предметной областью, и преимущественно ограниченная этой областью, стилистически окрашенная лексика (маркируется сочетанием помет *инф. разг.*, *церк. разг.* и т. п.).

Было специально отмечено, что слово, вошедшее в словарь, должно получить комплексное, разностороннее описание, которое задается принятой в словаре структурой словарной статьи. В новом «Академическом толковом словаре русского языка» словарная статья в полном виде включает такие части («зоны»), как: 1) входное (заголовочное) слово; 2) помета об особенностях произношения слова; 3) грамматические формы; 4) грамматические характеристики; 5) стилистические пометы; 6) толкование; 7) примеры употребления слова в виде типичных словосочетаний (речений) и в виде цитат из письменных (художественных, публицистических, научных и др.) текстов XIX — начала XXI в.; 8) фразеологические обороты и устойчивые терминологические сочетания с данным словом; 9) справка о происхождении слова (для иноязычных слов). Каждой зоне статьи соответствует тот или иной тип информации о слове [1, с. 10–27].

Обращение к НКРЯ как информационно-справочной системе, основанной на собрании значительного массива русских текстов, позволяет осуществлять наблюдение над стилистическими сферами использования слова (в том числе недавно вошедшего в язык и впервые подробно изучаемого в лексикографических целях) и выявлять характерные для

него синтагматические и парадигматические связи. В качестве особо значимого выступает системный подход, реализующийся в разных аспектах, и прежде всего в технологии работы лексикографа — не с отдельными лексическими единицами, а с предварительно выделенной лексической группой. Работа с лексической группой, в том числе стилистически маркированной, обеспечивает лексикографу необходимую целостность видения языкового материала и служит предпосылкой его унифицированной подачи, а привлечение специалистов, компетентных в той или иной области знания, служит залогом научно корректного истолкования описываемых терминов.

В соответствии с общей методологией работы и предложенными рекомендациями подготовлены предварительные варианты *словников* названных лексических групп и образцы соответствующих *словарных статей*⁴.

Результаты обсуждения

Именно стилистическая стратификация в словарном аспекте стала предметом обсуждения в рамках круглого стола. Характеризуя особенности лексики каждой из рассмотренных групп, участники проекта выделили следующее.

Л.П. Крысин сделал акцент на том, что *разговорная лексика просторечного происхождения* — весьма сложный для изучения феномен, поэтому целесообразно охарактеризовать современное состояние исследований в области русского просторечия и его взаимодействия с разговорной речью (с акцентом на лексикографическом аспекте темы). Среди ее особенностей выделены как неоднородность просторечия по составу носителей, так и лингвистическая «разношерстность» этой подсистемы русского языка: в ней сосуществуют элементы, пришедшие из разных территориальных диалектов, профессиональных и групповых жаргонов, заимствования из литературного языка и многое другое» [3, с. 55].

По сообщению А.С. Кулевой, впервые методом сплошной выборки (по помете *прост.*) был обследован толковый словарь среднего объема — [8], содержащий свыше 80 тыс. слов, затем на основе целого ряда новейших словарей (общих толковых, разговорной речи и др.), а также анализа современного узуса (по данным НКРЯ) были уточнены стилистические характеристики отобранных слов. В результате

³ Как показано в [4], использование в толковых словарях двух помет *религ. (рел.)* и *церк.* оправдано тем, что «семантическая сфера религиозного включает зону “религия” и зону “церковь”».

⁴ Примеры словарных статей даны в Приложении к обзору.

этого был составлен словник разговорной лексики просторечного происхождения объемом более 800 слов, на всем алфавитном пространстве словаря (с учетом как однозначной, так и многозначной лексики). Данный словник, после необходимой корректировки, позволит: во-первых, уточнить представления о количественных и качественных характеристиках процесса перехода единиц просторечной лексики в разговорную сферу; во-вторых, обеспечить более полное и точное описание результатов этого процесса в общем толковом словаре [15].

Лексика предметной области «*Информатика. Вычислительная техника. Информационные технологии*» стала объектом пристального внимания со стороны отечественных лингвистов лишь в последние десятилетия XX в., ознаменовавшиеся рядом технологических новаций, сделавших информационные технологии, доступные ранее лишь ограниченному кругу профессионалов, неотъемлемой частью жизни множества людей, профессионально с данной сферой никак не связанных. По оценкам, приводимым в некоторых работах, темпы прироста числа компьютерных терминов составляют до 1 000 терминов в год. Как подчеркнула О.М. Грунченко, при разработке словника в данной предметной области было выявлено, что постоянное ее пополнение за счет новых заимствований из английского языка сопровождается стремительным устареванием слов, называющих устройства, технологии, выходящие из активного употребления (например, *дискета, аська* – ICQ). Словник данной лексической группы, содержащий 1400 заголовочных слов, рассматривается как основа для описания входящих в нее единиц в любом общем толковом словаре русского языка начала XXI в. Стилистическая стратификация лексем внутри группы предполагает подбор адекватных средств маркирования для описания лексем разного языкового статуса (терминов, общеупотребительных слов компьютерной семантики и т.д.) в словарных статьях [13].

Переходя к лексической группе, связанной с областью «*Политология*», с языком политики в широком его понимании, следует сказать, что постоянная активность социально-политической жизни в стране определяет неослабевающее внимание лингвистов к политическому языку. По мнению А.Ф. Яковлевой, анализ наиболее известных и авторитетных современных толковых словарей демонстрирует преимущественно недифференцированный подход к описанию слов этой группы, хотя она весьма

разнообразна в стилистическом отношении. Включенные в толковые словари разного объема списки стилистических помет, помет сферы употребления далеко не всегда содержат базовую помету *полит.*, при этом в словарях могут применяться пометы близкого содержания (например, *офиц.*, *совет.*). К числу основных проблем лексикографического описания слов данной группы можно отнести то, что аспект отражения их стилистической стратификации в нормативном толковом словаре пока остается вне поля зрения исследователей. Составленный словник предметной области «*Политология*», объемом 1400 заголовочных слов, может служить основой для описания соответствующей лексической группы в любом общем толковом словаре русского языка начала XXI в. [16].

А.Э. Цумарев отметил, что обращение к *религиозной лексике* не просто как к одному из лексических разрядов, но как особому (религиозно-проповедническому) функциональному стилю русского литературного языка, обусловлено несколькими факторами: ростом общественной роли религии и переходом значительного пласта религиозной лексики из пассивного языкового фонда в активный. В целях лексикографирования полезно различать несколько разновидностей лексики, тематически и функционально относящейся к сфере религии. Подчеркнув, что намечается определенная лексикографически значимая стилистическая дифференциация религиозной лексики, А.Э. Цумарев выделил несколько ее типов: общеупотребительная, стилистически нейтральная лексика; терминологическая лексика, сохраняющая специальную окраску; стилистически окрашенная нетерминологическая лексика, часто церковнославянского происхождения (с ремаркой «В религиозных текстах» и т. п.); церковно-бытовая лексика, актуальная для храмовой коммуникации.

В работе с религиозной лексикой важное место занимает ее отбор для формирования словника толкового словаря. Отбор определяется прежде всего объемом словаря (малый, средний, большой) и социальной значимостью лексической единицы. Социальная значимость коррелирует со сравнительно высокой частотностью лексемы в неспециальных, адресованных широкой аудитории текстах. Составленный в ходе работы словник предметной области «*Религия и церковь*», включающий 1100 слов, может служить основой для описания соответствующей лексической группы в толковом словаре русского языка (начиная с одногомного) [12, 13, 14].

Заключение

Происходящие иногда в течение нескольких лет или одного десятилетия языковые изменения (в плане лексического состава, а также утраты активно употребляемыми терминами своей специальной окраски) характеризуют предметную область «Информатика», что объясняется скоростью технического прогресса и быстрым освоением новых технологий. И наоборот, сравнительной устойчивостью и консервативностью отличается в целом лексика предметной области «Религия и церковь». В то же время при относительной стабильности ядра лексики, связанной с областью «Политология», ясно проявляют себя динамизм в ее развитии, тенденция к обновлению, обусловленные постоянной активностью в обществе политических процессов. Что касается проблемы стилистической стратификации сниженной лексики, участники круглого стола отметили ее особую сложность, многоаспектность, которые важно учитывать при описании такой лексики в современных толковых словарях.

Приложение

Примеры словарных статей к рассмотренным лексическим группам

БЗИК, -а, м. Разг. Странность, причуда. — *Отец чудака был, с некоторым бзиком.* В. Конечный. Кто смотрит на облака. — *Одна в комнате боится оставаться. Может, бзик какой-то?* А. Гладилин. Прогноз на завтра. *Мотоциклы недавно стали новым бзиком пятидесятишестилетнего магната.* В. Аксенов. Новый сладостный стиль. *Встав с постели, Тамара голышом подошла к окну и ей вдруг показалось, что кто-то смотрит на нее в упор. Она сначала испуганно отшатнулась от окна, потом высмеяла себя за склонность к бзикам.* П. Акимов. Плата за страх. [Польск. bzik]

ВКУСНОТА́, -ы́, ж. Разг. 1. Качество, свойство пищи, напитка и т. п., доставляющее удовольствие. — *Станный напиток — буза! — сказал Саша. — Первые два глотка пьешь как будто ничего, а вся вкуснота начинается с третьего.* И. Сельвинский. О, юность моя! *Мы уже съели наш праздничный ужин, стараниями Алика доведенный до немыслимой вкусноты.* Ю. Даниэль. Письма из заключения. *Университет отправили в эвакуацию в Ашхабад, где, по рассказам моей мамы, было голодно и росли невероятной вкусноты дыни.* П. Алешковский. Седьмой чемоданчик.

2. Сама такая пища, такие напитки. *Я аж зажмурилась от удовольствия, никогда в жизни*

такой вкусноты не ела. А. Жвалевский, Е. Пастернак. Время всегда хорошее.

АРХИВАТО́Р, -а, м. Инф. Специальная программа, которая позволяет файл или несколько файлов преобразовать и в сжатом виде поместить в память компьютера как единый файл, а также при необходимости восстановить их исходный формат. *Использовать архиватор для пересылки фотографий. Установить на компьютере архиватор. Сжатие файлов архиватором.*

ГИПЕРССЫ́ЛКА, -и, род. мн. -с с ы л о к, дат. -с с ы л к а м, ж. Инф. Содержащийся в электронном документе, на интернет-странице указатель на другой объект, документ или определенное место в нем, позволяющий сделать быстрый переход к этому объекту, документу или месту. *Активная гиперссылка (действующая). Неработающая гиперссылка. Вставить в текст гиперссылку. Удалить гиперссылку. Связать тексты при помощи гиперссылок.* [□] *Если щелкнуть мышкой по гиперссылке, то можно получить на экране другой текст (или рисунок) либо перейти к другой части документа.* Г. Шмерлинг. Что бы это значило?

АБСЕНТЕЙ́ЗМ [сэнтэ], -а, м. Полит. Сознательное уклонение от участия в выборах. *Молодежный абсентеизм. Абсентеизм в России.* [□] *Главный противник наш обозначился на выборах в первую Думу. Это абсентеизм избирателей.* В. Шульгин. *Последний очевидец. Распространяющееся явление абсентеизма может привести к установлению нелегитимной власти, выбираемой меньшей частью граждан.* К. Аринина. Абсентеизм в политике: причины и последствия. [От лат. absens (absentis) — отсутствующий]

АВТОКРА́ТИЯ, -и, ж. Книжн. Форма правления, при которой одному лицу принадлежит неограниченная верховная власть, а также государство с такой формой правления; самодержавие, абсолютизм. *Средневековые автократии. Установить в стране автократию.* [□] *Выборы, протекающие по демократическим правилам, — минимальное требование для перехода от автократии к демократии, тот первый шаг, с которого начинается трансформация режима.* Г. Михалева. Управляемые выборы и коридор возможностей.

[Греч. αὐτοκράτεια — самовластие]

ВИКА́РИЙ, -я, м., одуш. Церк. В христианстве: церковная должность помощника высшего административного лица (в право-

славии — архиерей без епархии, являющийся помощником архиерея, управляющего епархией), а также тот, кто занимает такую должность. *Приходской vikarij* (помощник настоятеля прихода в католицизме и протестантизме). *Vikarij Svyatейшего Patriarxa. Vikarij Moskovskoy eparchii.* □ *Архиепископ послал своего vikaria Яна из Помука утвердить избрание одного аббата в епархии.* М. Филиппов. Ян Гус. *На Воьлини у меня было три vikaria.* Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. *По окончании Оксфордского университета он [Роберт Бёртон] был посвящен в духовный сан и получил должность vikaria в предместье Оксфорда.* М. Морозов. Бёртон и эссеисты начала XVII в. *Чин освящения [храма] и литургия были совершены преосвященным Леонтием, епископом Ревельским, vikariem Новгородского и Петербургского митрополита.* С. Забелин. Русские церкви в Европе.

[От лат. *vicarius* — замещающий]

ВОЗГРЕВА́ТЬ, -аю, -ает; *несов., перех.* (*сов.* возгреть). *Церк.* Возбуждать, воспламенять (во 2 знач.). *Задача в том, чтобы будить в себе, растить и осмыслять, «возгревать» национальное сознание.* Г. Федотов. Будет ли существовать Россия? *Храните в себе, дорогие, ту веру, свет которой зажжен в ваших душах Духом Святым. Возгревайте ее молитвой, чтением слова Божия, любовью к Богу и друг к другу.* Митрополит Николай (Ярушевич). Вера и дела. *Нередко, даже несмотря на то что греховные чувства больно нас уязвляют, мы снова и снова возвращаемся к ним, возгреваем их в себе.* Патриарх Кирилл. Тайна покаяния. *Вере нельзя научить. Ее можно только возгревать или гасить.* Е. Борисова, В. Симонов. Не оттолкнуть человека.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения проекта № 17-29-09063 офи_м.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АТОС — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А—Вилья; Т. 2: Вина—Гяур / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
2. Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20—38.
3. Крысин Л.П. Просторечие // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003. С. 53—68.
4. Михайлова Ю.Н. Религиозная православная лексика и ее судьба: по данным толковых словарей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2004. 171 с.
5. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.10.2019).
6. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7—20.
7. Пурицкая Е.В., Панков Д.И. Нормативно-стилистическая характеристика лексики современного русского языка: возможности описания в словарной базе данных // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 23—43.
8. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.
9. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003.
10. Тезисы международной конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (Санкт-Петербург, 30 октября — 2 ноября 2013 года). СПб.: Златоуст, 2013. (<http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/Konferenzia+.pdf>).
11. Титова Е.В. О стилистическом статусе просторечия в русском языке (лексикографический обзор) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 9. Вып. 3. 2009. С. 306—311.
12. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Проблемы описания религиозной лексики в современном толковом словаре русского языка // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / Отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приемышева, Е.В. Пурицкая; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. С. 398—411.
13. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Нечасова И.В., Кулева А.С., Грунченко О.М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное и новое // Известия РАН. Серия лит-ры

и языка. 2017. Т. 76. № 5. С. 5–21.

14. Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л. Языковые нормы в «Академическом толковом словаре русского языка» // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 58–80. DOI: 10.17223/22274200/13/4

15. Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. Междунар.

науч. конф. (13–14 мая 2019 г.) / науч. ред. д-р филол. наук, проф. Е.Л. Вартанова; отв. ред. Н.И. Клушина, С.Ф. Барышева. М.: Флинта, 2019. С. 818–824.

16. Шестакова Л.Л., Яковлева А.Ф. Актуальный политический термин в перспективе общезыкового словаря // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6 (175). С. 78–82.

Статья поступила в редакцию 17.10.2019

REFERENCES

[1] AToS – Akademicheskii tolkovyy slovar russkogo yazyka [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Т. 1: А–Vilyat; Т. 2: Vina–Gyaur, ed. L.P. Krysin. М.: Izdatelskiy Dom YaSK, 2016.

[2] K.S. Kochergina, Stilisticheskiye pomety v tolkovykh slovaryakh sovremennogo russkogo yazyka: sopostavitelnyy analiz [Stylistic litters in the explanatory dictionaries of the modern Russian language: a comparative analysis] // Voprosy leksikografii. 11 (2017) 20–38.

[3] L.P. Krysin, Prostorechiye [Vernacular] // Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya [Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation]. М., 2003. С. 53–68.

[4] Yu.N. Mikhaylova, Religioznaya pravoslavnaya leksika i yeye sudba: po dannym tolkovykh slovarey russkogo yazyka [Religious Orthodox vocabulary and its fate: according to the explanatory dictionaries of the Russian language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Ural. gos. un-t. Yekaterinburg, 2004.

[5] NKRYa – Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [RNC – Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 01.10.2019).

[6] V.A. Plungyan, Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as a tool and as ideology: on some lessons of modern corpus linguistics] // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii [Russian language in scientific coverage]. 2 (2008) 7–20.

[7] Ye.V. Puritskaya, D.I. Pankov, Normativno-stilisticheskaya kharakteristika leksiki sovremennogo russkogo yazyka: vozmozhnosti opisaniya v slovarnoy baze dannyyh [The normative and stylistic characteristic of the vocabulary of the modern Russian language: the possibilities of description in the dictionary database] // Voprosy leksikografii [Lexicography issues]. 13 (2018) 23–43.

[8] Slovar russkogo yazyka [Russian language dictionary]: V 4 t. ed. A.P. Yevgenyeva. 2-ye izd., ispr. i dop. М., 1981–1984.

[9] Sovremennyy russkiy yazyk: Sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya [Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation]. ed. L.P. Krysin. М.: Yazyki slavyanskoy kultury, 2003.

[10] Tezisy mezhdunarodnoy konferentsii «Stratifikatsiya natsionalnogo yazyka v sovremennom rossiyskom obshchestve» [Abstracts of the international conference “Stratification of the national language in modern Russian society”] (Sankt-Peterburg, 30 oktyabrya – 2 noyabrya 2013 goda). SPb.: Zlatoust, 2013. URL: <http://www.zlat.spb.ru/CatalogImages/File/Konferentsia+.pdf>

[11] Ye.V. Titova, O stilisticheskom statuse prostorechiya v russkom yazyke (leksikograficheskii obzor) [On the stylistic status of vernacular in Russian (lexicographical review)]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 9 (3) (2009) 306–311.

[12] A.E. Tsumarev, L.L. Shestakova, A.S. Kuleva, Problemy opisaniya religioznoy leksiki v sovremennom tolkovom slovare russkogo yazyka [Problems of describing religious vocabulary in the modern explanatory dictionary of the Russian language]. Russian academic lexicography: current status and development prospects. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific Conference dedicated to the 70th anniversary of the publication of the first volume of the academic “Dictionary of the Modern Russian Literary Language”, ed. O.N. Krylova, S.A. Myznikov, M.N. Priyemysheva, Ye.V. Puritskaya; Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, SPb. 2018. Pp. 398–411.

[13] A.E. Tsumarev, L.L. Shestakova, I.V. Nechayeva, A.S. Kuleva, O.M. Grunchenko, «Akademicheskii tolkovyy slovar russkogo yazyka»: traditsionnoye i novoye [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language: Traditional and New], Izvestiya RAN. Seriya lit-ry i yazyka. 76 (5) (2017) 5–21.

[14] A.E. Tsumarev, L.L. Shestakova, Yazykovyye normy v «Akademicheskome tolkovome slovare russkogo yazyka». Voprosy leksikografii. 13 (2018) 58–80. DOI: 10.17223/22274200/13/4

[15] **L.L. Shestakova, A.S. Kuleva**, Povysheniye stilisticheskogo statusa snizhennoy leksiki i yego otrazheniye v tolkovom slovare [Improving the stylistic status of reduced vocabulary and its reflection in the explanatory dictionary]. The present and future of style: Sat. scientific Art. Int. scientific conf. (May 13-14, 2019), scientific. ed. Dr. filol. sciences, prof. Ye.L. Vartanova; otv. red. N.I. Klushina,

S.F. Barysheva. M.: Flinta, 2019. Pp. 818–824.

[16] **L.L. Shestakova, A.F. Yakovleva**, Aktualnyy politicheskiy termin v perspektive obshcheyazykovogo slovarya [Actual political term in the perspective of a general language dictionary], Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Petrozavodsk State University]. 6 (175) (2018) 78–82.

Received 17.10.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Яковлева Александра Федоровна

Yakovleva Alexandra F.

E-mail: afyakovleva@gmail.com

Шестакова Лариса Леонидовна

Shestakova Larisa L.

E-mail: lara.shestakova@mail.ru

DOI: 10.18721/JHSS.10406

УДК: 378

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕТОДА ПРОЕКТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ

М.Е. Мезенцева, Н.В. Попова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Рассматривается методология проектного метода обучения иностранному языку с точки зрения классификации проектов, их целей, принципов, задач и этапов. Проанализирована научная литература последнего десятилетия для определения типологии проектов, и на этой базе разработана универсальная типологическая таблица. Проанализированы 25 учебных проектов, используемых преподавателями в рамках школьного и вузовского образования. Выявлены тенденции тематического варьирования форматов проекта и недостаточного использования актуальных в настоящее время информационных технологий. Определены основные преимущества и недостатки, присутствующие в большинстве проанализированных проектов. Представлены сведения по наиболее репрезентативным проектам, где они рассмотрены с точки зрения типологии и наиболее актуальных признаков, таких как способ оценивания участников проектов, форма мониторинга, включение проектной деятельности в современные учебно-методические комплексы и т.д. Предложена инновационная модель междисциплинарного вузовского проекта для магистрантов технических направлений, которая реализована в лингводидактическом аппарате авторского учебного пособия. Предлагается применение широкого спектра информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): от традиционных и локальных (Microsoft Office, MOODLE) до самых передовых (социальные сети, например, Instagram, профессиональные программы, например, AutoCAD). Предлагаемый интерактивный проект имеет с периодическую отчетность, завершается созданием физического продукта, потенциально применимого в их профессиональной сфере, с последующей защитой проекта в конце семестра. Доказана актуальность этой модели на основе анализа всех преимуществ и недостатков рассмотренных проектов. Инновационность проекта способствует повышению внутренней мотивации учащихся и его эффективности в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: проектный метод, проектная технология, ИКТ, типология проектов, обучение иностранному языку, учебный проект

Ссылка при цитировании: Мезенцева М.Е., Попова Н.В. Современные тенденции развития метода проектных технологий в школе и вузе // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 56–68. DOI: 10.18721/JHSS.10406

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

MODERN TENDENCIES OF PROJECT METHOD TECHNOLOGIES DEVELOPMENT IN SCHOOL AND UNIVERSITY EDUCATION

M.E. Mezentseva, N.V. Popova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

The methodology of the project method of teaching a foreign language is examined from the point of view of the classification of projects, their goals, principles, objectives and stages. The critical literature of the last decade for determining the typology of projects is analyzed, and on this basis a universal typological table is developed. 25 educational projects used by teachers in the framework of school and university education are analyzed. The trends of thematic variation of the project formats and the insufficient use of currently relevant information technologies have been identified. The main advantages

and disadvantages present in most of the analyzed projects are identified. Information is presented on the most representative projects, where they are examined from the point of view of typology and the most relevant features, such as the method of evaluating project participants, the form of monitoring, the inclusion of project activities in modern teaching and methodological complexes, etc. An innovative model of an interdisciplinary university project for undergraduates in technical areas is proposed, which is implemented in the author's textbook. It is proposed to use a wide range of information and communication technologies (ICT): from traditional and local (Microsoft Office, MOODLE) to the most advanced (social networks, such as Instagram, professional programs, such as AutoCAD). An interactive project with periodic reporting is proposed, at the end of which project teams create a physical product that is potentially applicable in their professional field, with subsequent defense of the project at the end of the semester. The relevance of this model is proved on the basis of the analysis of all the advantages and disadvantages of the projects under consideration. The innovativeness of the project helps to enhance the internal motivation of students and its effectiveness in teaching a foreign language.

Keywords: project method, project technology, ICT, project typology, teaching a foreign language, educational project

Citation: M.E. Mezentseva, N.V. Popova, Modern tendencies of project method technologies development in school and university education, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 56–68. DOI: 10.18721/JHSS.10406

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

На сегодняшний день мы наблюдаем активные преобразования в образовании, обусловленные изменениями в современном мире стремительно развивающихся технологий. Традиционные методы обучения постепенно теряют свою актуальность, и на смену им приходят инновационные подходы. Преподавателям необходимо идти в ногу со временем и адаптировать свои методы обучения под запросы современного студента XXI века, который, в свою очередь, претерпел серьезные психологические и внутренние изменения в сравнении со студентами прошлого века.

Одним из таких изменений общего характера является изменение когнитивного стиля усвоения информации, а, следовательно, и мышления, которое современные исследователи называют «клиповым» [1, 2]. Молодые люди отличаются гиперактивностью, большой потребностью к новизне, меньшими толерантностью и терпением, склонностью к повышенной конфликтности, что является характеристиками «клиповости» – то есть склонности человека воспринимать мир через короткие яркие образы [3, с.73]. Студенты ориентированы на восприятие информации дозированно, малыми порциями, через множество, возможно, даже не связанных между собой событий. При этом они не заинтересованы в составлении целостной картины, им важно быть в курсе всего, что непосредственно происходит на данный момент, даже если информация будет поверхностна.

Развитие такого образа мышления связано

необходимостью воспринимать растущий изо дня в день информационный поток, доступ к которому обеспечивают современные технологии. Клиповое мышление способствует развитию умения многозадачности и быстрой обучаемости у студентов, что превалирует в их учебной деятельности. Им больше неинтересны учебные пособия, которые предлагают длительное пошаговое изучение необходимых по программе дисциплины тем. Напротив, молодые люди стремятся к активной деятельности – действиям, которые смогут полностью занять их разум [3].

В связи с данной проблемой, следует говорить об инновационных методах обучения, особенно интерактивных, которые предлагают взаимодействие на занятиях в формате «преподаватель-студент», «студент-студент», «информационные технологии – студент». Одним из передовых интерактивных методов, применяемых в сфере образования, является метод проектов [4, 5, 6]. Его история уходит к 20-м годам XX века, когда американский психолог и педагог Дж. Дьюи и его последователь У.Х. Килпатрик предположили, что «обучение должно строиться через целесообразную деятельность, на активной основе и личной заинтересованности ученика в приобретении знаний, которые могут быть использованы на практике» [7, с.191]. Помимо Дж. Дьюи и У.Х. Килпатрика, признанными педагогами, занимающимися применением метода проектов являются Георг Кершенштейнер (Германия), Мария Монтессори (Италия) и А. С. Макаренко (Россия) [7,

4].

Широкое использование информационных технологий в современном мире требует их включения в рамки образовательного процесса, и именно проектный метод может успешно скомбинировать их использование в межличностной коммуникации студентов.

Цель нашего исследования — проанализировать современные тенденции в практическом применении проектного метода в процессе обучения иностранным языкам и представить актуальную модель современного проекта.

Задачи исследования:

выявление целей, принципов, типологии и этапов проектов в современной методике преподавания иностранных языков;

сбор и анализ материалов об апробированных учебных проектах по иностранному языку;

выявление современных тенденций в проектной деятельности;

выявление наиболее эффективных проектов в результате сравнительного анализа методической литературы;

позиционирование модели современного проекта.

Новизна исследования заключается в проведении подробного анализа актуальных разработок в области проектных методов за последние десять лет и в создании актуальной модели современного проекта. Мы обработали опубликованные данные по 25 учебным проектам, отобрали наиболее подробно описанные, выявили их преимущества и недостатки, что принесет существенный вклад в разработку будущих авторских проектов по обучению иностранным языкам студентов вузов.

Методология проектной деятельности. В современной науке существует множество подходов к определению метода проектов, рассматривая его с точки зрения метода, технологии и формы обучения. Например, М.Ю. Бухаркина предлагает следующее определение: метод проектов — это «способ достижения дидактической цели через детальную разработку проблемы (технологии), которая должна завершиться вполне реальным, осязаемым практическим результатом, оформленным тем или иным образом» [8, с.188]. Г. А. Диденко предлагает другое определение: «метод проектов — это организованная самостоятельная работа обучающихся, выполненная под руководством преподавателя и направленная на создание информационных объектов средствами информационных сетевых технологий» [9,

с. 34]. При определении понятия «метод проектов» авторы обычно делают акцент на самостоятельной работе учащихся и определенном практико-ориентированном продукте проектной деятельности. Мы придерживаемся позиции, что проектный метод — это совокупность самостоятельных действий учащихся, координируемых преподавателем, направленных на реализацию практического результата и предполагающие развитие познавательных навыков учащихся, развитие его творческого потенциала и получение практико-ориентированного опыта.

Говоря о целях проектной деятельности, мы руководствуемся предложенной классификацией А.Н. Дахина:

- развитие творческого потенциала студентов через решение поставленных задач обучения;

- совершенствование учебно-исследовательских умений;

- формирование представлений о социальных и этических аспектах научно-технического прогресса;

- активное использование совокупности междисциплинарных знаний для реализации определенных универсальных действий [9].

Мы полагаем, что совершенствование учебно-исследовательских умений в совокупности с самостоятельностью, побуждаемой проектной деятельностью — это цель, которая является основополагающей при применении проектного метода. В настоящий момент существует тенденция, при которой очное обучение постепенно уступает место дистанционному, которое будет предполагать исключительно самостоятельную учебно-познавательную деятельность учащихся. Эти умения необходимо формировать на стадии высшего образования уже сегодня, чтобы выпускники имели представление о том, как продолжать свое обучение вне вуза.

Что касается требований к использованию метода проектов, мы следуем позиции Е.С. Полат [10]:

- постановка исследовательской и творческой задачи, которая подразумевает использование интегрированного знания и учебно-научного исследования для ее решения;

- значимость полученных результатов с точки зрения теории, практики и познания;

- варьирование форм работы студентов от самостоятельной, индивидуальной, до групповой;

- обязательное использование исследовательских методов.

Однако считаем, что основным требовани-

ем к организации метода проектов является четкая постановка задач и определение практической значимости результатов, так как у учащихся должна быть точная установка на то, к чему они должны прийти в ходе своей работы и по каким критериям их будут оценивать. Мы считаем, что одним из требований к использованию метода проектов сегодня также является применение информационных электронных ресурсов в ходе работы, так как информационная грамотность — это один из основополагающих критериев при приеме на работу высококвалифицированных кандидатов.

К классификации типов проектов существует множество разных подходов, предложенных различными исследователями [10, 11, 12, 13]. Мы обобщили основные из них в таблице 1.

В литературе встречаются также другие критерии классификации, такие как «классификация по результатам проекта», куда входят различные форматы представления результатов, например, презентация, доклад, видеофильм, статья, газета и т.д. Также встречается «классификация по характеру решаемой проблемы»: реальный, моделирующий реальные условия, основанный на интересах учащихся и т.д. [7, с.191].

Работа над проектом предполагает прохождение основных этапов. В методической литературе наблюдаются расхождения в названиях этих этапов, однако их количество и выполняемые действия остаются примерно

одинаковыми. Основные этапы проекта представлены ниже.

1. **Организационно-подготовительный этап** считается самым важным с точки зрения успешности проекта. Здесь необходимо дать правильную установку на выполнение каждого последующего этапа проекта. Преподавателю необходимо спланировать весь проект в рамках заданной темы, выдвинуть идею и побудить студентов обсудить эту идею для выдвижения ими своего аргументированного мнения.

2. **Организационный этап**, на котором происходит формирование учебных групп, выбор лидера группы, распределение ролей и заданий среди участников группы, а также вся учебная и исследовательская деятельность по осуществлению проекта.

3. **Завершающий этап**, в который, в зависимости от проекта, могут входить мероприятия, направленные на промежуточный контроль, а также непосредственно презентация результатов проекта в той или иной форме, и подведение итогов выполнения проекта: обсуждение результатов, выставление оценок [11].

Обзор учебных проектов, разработанных за последние 10 лет

В процессе нашего исследования мы ознакомились с рядом проектов, предложенных отечественными преподавателями, направленными на изучение иностранного языка в рамках школьного и вузовского образования [1, 4, 5, 7, 8, 11, 14–30]. Наша задача была проследить

Таблица 1.

Классификация типов учебных проектов Classification of types of training projects

Типологический признак	Тип проекта
Характер доминирующей деятельности	Исследовательские, поисковые, творческие, игровые, практико-ориентированные, творческие, информационные, конструкторские, ознакомительно-ориентировочные,
Предметно-содержательная область	Предметные (монопредметные), междисциплинарные
Характер координации проекта	Непосредственные/явные (жесткий, гибкий), скрытый (имитирующие участника проекта)
Характер контактов	Внутренние (Класс/группа, школа/вуз, город, регион, страна), международные
Количество участников проекта	Индивидуальный, парный, групповой, коллективный, массовый
Продолжительность проекта	Краткосрочный (на одно занятие), средней продолжительности, долгосрочные
Способ отбора информации	Исследовательские (работа с библиотечными ресурсами), текстовые (безличные источники), корреспондентские (письма, факсы, телефонные звонки), личные и т.д.

за общими тенденциями в использовании проектных технологий на занятиях и выявить общие закономерности на пути к развитию проектных технологий за последние годы.

Нужно сказать, что, судя по информации, предоставленной в различных изданиях педагогических журналов и в журналах, занимающихся вопросами методики преподавания, тема проектных технологий и проектной деятельности встречается довольно часто. Согласно электронной библиотеке научных публикаций eLibrary, за последние 10 лет было опубликовано больше 11 тысяч (11481) работ посвященным вопросам проектных методов. Это признак того, что метод широко используется на практике, помимо того, что изучается с теоретической точки зрения.

В фокусе нашего исследования были как проекты, применяемые в школе, так и те, что применяются преподавателями в вузах. Мы считаем такой анализ целесообразным, так как нашей задачей было получить представление об успешности и широте применении данного метода образовательных целях, а также его особенностях как технологии, вне зависимости от аудитории

Представим краткое изложение некоторых из проанализированных нами проектов по освоению иностранного языка в школе и вузе. Следует отметить, что все проекты являются междисциплинарными, групповыми, с гибким характером координации, с учетом использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Краткая информация о содержании проектов представлена в таблице 2.

Таким образом, мы представили лишь несколько из проанализированных нами междисциплинарных проектов [31], связанных с профессиональной деятельностью обучающихся, опубликованных в научных журналах за последние годы. Мы также ознакомились с рядом проектов, которые базируются на методе веб-квестов [8, 20, 21, 22], на игровом методе, например, деловой игре [16], на методе сценариев [23] и др. В основном мы видим применение методов ролевой игры, где учащихся ставят в имитированные профессиональные условия и предлагают разыграть определенные диалоги/сценки или даже найти решения конкретной проблемы, как это происходит в случае с кейс-методом.

Мы наблюдаем тенденцию тематического варьирования формата проектов, в зависимости от курса, темы и уровня подготовленности студентов. Если говорить об обучающей цен-

ности проектной деятельности, то публикации, которые мы имели возможность рассмотреть, представляют проекты с положительным и относительно низким результатами. Однако в каждом примере проекта с низким результатом мы видим рекомендации и предложения усовершенствования данного мероприятия для достижения наибольшей его эффективности. Таким образом, преподаватели – организаторы таких проектов говорят о том, что помимо развлекательной составляющей, проект должен предполагать учебно-исследовательскую деятельность учащихся, что непосредственно предполагает обучающую ценность.

В качестве следующей тенденции мы выделяем недостаточное использование актуальных в настоящее время информационных технологий, о чем косвенно говорит регулярное появление слайдов Power Point на финальном этапе презентации. Очень редко можно наблюдать использование каких-либо иных информационных средств помимо поисковых ресурсов.

Нам было важно оценить не только содержание и идею проектов, но также грамотность их презентации в научных публикациях. Мы пришли к выводу, что коллеги, которые активно применяют метод проектов в работе, прекрасно понимают концепцию данного подхода, умеют грамотно охарактеризовать и описать предложенную структуру проекта. Мы убеждены, что преподаватели успешно справляются с задачей внедрения инновационных методов в свою непосредственную работу, чем мотивируют своих учащихся.

Однако были выявлены общие недостатки большинства рассмотренных работ:

- наблюдается недостаточное количество мониторинговых мероприятий – таких, как отчетные презентации или доклады. Этот аспект является крайне важным, особенно в случае с долгосрочными проектами, для своевременного и поступательного их выполнения. Важно проверять ход работы, ее слаженность и эффективность;

- творческие проекты часто не предполагают ограниченный список ресурсов для использования и нахождения информации, однако мы считаем, что важно дать студентам хотя бы несколько ссылок, которые будут служить им примером того, что и где можно найти, а также информацию какого рода можно использовать.

- использование примитивных ИКТ для сопровождения и презентации проектов. В большинстве рассмотренных проектов, авторы предлагают пользоваться сетью Интернет для поиска информации и Power Point для создания

Таблица 2.

Характеристика наиболее репрезентативных проектов
Description of the most representative projects

	1) Проект Сургутской Г.А. [14]	2) Проект Сургутской Г.А. [14]	3) Проект Е.С. Симоненко [7]
Название	Съемка фильма – презентация «Филиал ЮУрГУ» (2017)	Заключение контракта (2017)	Типы предприятий, их структура, особенности и принцип работы (2018)
Характер деятельности	Творческий, практико-ориентированный проект	Игровой проект	Практико-ориентированный, информационный проект
Презентация	Фильм-презентация	Деловая переписка	Презентация Power Point
Мониторинг	Однократный	Периодический, удаленный	Не представлен
ИКТ	Поисковые системы, видео порталы, видео редакторы	Поисковые системы	Поисковые системы, Power Point
	4) Проект Черкасовой А.И. [11]	5) Проект Фатуевой С.А. [15]	6) Проект Сельвесюка Н.Л. [16]
Название	Die Marchen Bruder Jacob und Wilhelm Grimm (2018)	TED (2018)	Особенности испанской рекламы в сфере индустрии красоты и рекомендации по повышению ее эффективности (2018)
Характер деятельности	Информационно-поисковый проект	Информационно-поисковый, практико-ориентированный	Информационно-поисковый, практико-ориентированный
Презентация	Сообщение, реферат, постановка сказки, рисунки	Сообщение, презентация	Презентация Power Point
Мониторинг	Не описан	Не описан	Не описан
ИКТ	Поисковые системы	Поисковые системы	Поисковые системы, Power Point
	7) Проект Рожновой Е.А. и Симаковой С.М. [17]	8) Проект Богдановой Н.В. и Курлаповой К.И. [18]	9) Проект Никитенко О.А. [19]
Название	Russian Brands (2019)	Тандем (2018)	Проект «Заявка на грант» (2012)
Характер деятельности	Информационно-творческий	Информационно-творческий	Практико-ориентированный
Презентация	Презентация Power Point	Конференция, отчет, презентация	Презентация Power Point
Мониторинг	Не описан	Не описан	Периодический
ИКТ	Поисковые системы	Поисковые системы, мессенджеры, видео-коммуникация	Поисковые системы, Power Point

слайдов на этапе реализации. Мы не заметили разнообразия информационных средств, однако считаем, что умение применять популярные и прогрессивные информационные средства наравне с обучающими платформами и локальными сетями — это необходимость в обучении.

- только в одном проекте Никитенко О.А. [19] мы увидели разработанный алгоритм оценивания проекта. Мы считаем, что этот аспект — один из основополагающих, так как проектная работа предполагает большой объем различных видов деятельности, требующих адекватной оценки. Соответственно, оценивание должно происходить исходя из структуры и содержания проектного задания. Необходимо разработать критерии оценивания, с которыми студенты будут ознакомлены заранее. Так Никитенко О.А. в своем проекте предложила оценивать проект по двум компонентам — непосредственной оценке за проект (одна на проектную группу) и коэффициента участия каждого студента, который выставляется менеджером группы.

- только один проект (Никитенко О.А.) [19] входит в структуру учебного пособия, что косвенно свидетельствует о произвольности в использовании данной технологии в учебном процессе. Это противоречит современным стандартам образования ФГОС, во многих из которых указано на необходимость формирования проектной компетенции обучающихся. Проект в учебном пособии Никитенко О.А. организован таким образом, что на каждом занятии студенты получают очередную информацию по проектному заданию по написанию заявки на получение условного гранта и научно-деловой документации, а также руководство к действиям для выполнения этих заданий. Эти задания логично связаны с грамматическими, лексическими и коммуникативными упражнениями, представленными в самом учебном пособии.

Отметим, что указанные выше проекты выполняются, как правило, в качестве дополнения к основному учебнику или учебному пособию определенного уровня подготовки. Только один проект «Заявка на грант» включен в пособия для магистрантов технического и гуманитарного профилей [19], и только в этом проекте предложена система оценивания,

которая заключается в том, что оценка проектной деятельности каждого студента проектной группы состоит из двух компонентов — непосредственной оценки за проект (одна на проектную группу) и коэффициента участия каждого студента, который выставляется ме-

неджером группы за то, какой вклад каждый из студентов внес в успех проекта

В процессе анализа, мы выявили следующие сходные признаки вышеописанных проектов:

1. Они все подчиняются стандартной системе этапов — везде присутствуют организационно-подготовительный период, этап, на котором происходит само выполнение проекта и финальный — завершающий, представленный в виде презентации результатов. Иногда проект дробится на еще несколько дополнительных этапов, однако, на наш взгляд, они выделяются условно, и все равно подчиняются вышеописанной организации.

2. Акцент делается на индивидуальной, групповой и самостоятельной работе студентов. Практически во всех рассмотренных проектах мы наблюдали все формы работы обучающихся.

3. В 20 из 25 изученных работ выбор темы, обусловлен направлением подготовки студентов: студенты выполняют проект, связанный с их будущей профессиональной деятельностью.

4. Во всех проектах акцентируется наглядное представление результата. В большинстве проектов, как минимум, одним из элементов предоставления финальных результатов была презентация Power Point, однако встречались и такие визуальные решения как фильмы, газеты, плакаты и т.д.

5. Творческая составляющая выходит на передний план. В 23 из 25 проектов подразумевали активную творческую вовлеченность учащихся, что обогащало мероприятия с точки зрения наполненности и индивидуальности.

6. Во всех проектах использование иностранного языка происходило в условиях реального общения. Если говорить о проектах в рамках дисциплин, связанных с преподаванием иностранных языков, то освоение межкультурной коммуникации всегда являлось первостепенной задачей.

Все авторы проектов выделяют следующие положительные черты данного метода:

- направленность на будущую профессиональную деятельность обучаемых, а значит приобретение знаний, умений, навыков, связанных с этой деятельностью;
- достижение практического результата;
- ориентация на интересы студентов;
- эффективность работы с эмоциональным, мотивационным, языковым барьерами;
- качественная организация самостоятельной работы студентов;
- формирование следующих навыков и умений: исследовательских (анализ, синтез, обоб-

щение), поисковое чтение, планирование целей и задач, применение знаний на практике в различных ситуациях, самоанализ и рефлексия, презентация результатов своей деятельности.

Модель современного вузовского проекта по обучению иностранному языку

Проанализировав основные характеристики описанных в литературе учебных, мы считаем важным представить модель проекта по обучению иностранному языку студентов технических направлений. Мы имеем в виду проект, который служит дополнительным средством повышения внутренней мотивации студентов к изучению дисциплины, а также позволяет им создать на выходе готовый продукт, который возможно применить в их сфере профессиональной деятельности.

Для создания модели современного проекта мы учитываем все существующие тенденции, принимая во внимание преимущества рассмотренных проектов, и доработаем их недостатки. Наша модель основана на реализованном учебном проекте, интегрированном в учебный курс по иностранному языку через учебное пособие М.Е. Мезенцева *Project English for Mechanical Engineers* (СПб., 2019), все задания в котором подчинены логике построения проекта. Читая тексты, выполняя задания на письмо, слушая аудио и просматривая видео, студенты выполняют подготовительную работу для реализации каждого из этапов проекта. Таким образом, после прохождения каждого урока пособия студенты располагают почти готовым материалом для защиты на отчетном мероприятии.

К реализованной в указанном пособии проектной методике прилагается подробное руководство по ее воплощению, способное помочь студентам и преподавателю на всех этапах реализации проектной деятельности. Поскольку большинство заданий в пособии построены таким образом, что не требуют дополнительного участия преподавателя в их выполнении, предлагаемая проектная методика удовлетворяет требованию уменьшения аудиторных часов и увеличения часов на самостоятельную работу.

Проект является междисциплинарным и выполняется в тесном сотрудничестве с преподавателями профессиональных дисциплин для создания продукта, максимально готового к выходу на рынок. Помимо совершенствования компетенции

иноязычной коммуникации, проект удовлетворяет требованиям ФГОС++3 по формированию универсальных компетенций УК1-, УК2-, УК3-, УК4-, УК6- для уровня магистратуры.

Проект реализуется в группах, для которых разработана четкая система оценивания каждого участника команды, таким образом, может быть оценен вклад каждого из студентов. Студентам обеспечивается дополнительная мотивация активно участвовать в процессе работы. Проект долгосрочный (1 семестр), однако имеет промежуточную отчетность (один раз в ½ недели), что позволяет отслеживать эффективность работы команды, направление развития проекта, а также корректировать при необходимости.

Проект предполагает применение передовых информационных технологий, в чем заключается его основная инновационность. Платформой реализации проекта является Instagram – социальная сеть, располагающая определенными явными преимуществами по сравнению с любыми учебными программами. Во-первых, это ее простой и наглядный интерфейс, что позволяет за кратчайшее время оценить работу команды. Во-вторых, нужно отметить ее практическую ориентированность. На сегодняшний день Instagram широко используется в качестве маркетингового инструмента, что дает студентам возможность непосредственно работать с потенциально-заинтересованной в их проекте аудиторией. Электронные ресурсы для реализации проекта расположены на локальной платформе университета MOO-DLE. На рисунке представлена модель предлагаемого проекта.

Проект завершается командной защитой достигнутых результатов. Проведение этого мероприятия может проходить с привлечением экспертов, представителей индустрии, которым данный проект может быть потенциально интересен. Студенты должны понимать, что презентация своего проекта на защите может открыть перед ними дополнительные профессиональные возможности своей реализации.

Все перечисленные особенности представленной модели проекта делают ее инновационной и прогрессивной. Мы считаем, что данная модель обладает гибкостью и может быть адаптирована для различных условий, например младших или старших курсов, а также для студентов разного уровня владения иностранным языком.

Модель проекта с учетом использования современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)

Project model taking into account the use of modern information and communication technologies (ICT)

Выводы

Гибкость и разносторонность метода проектов делает его универсальным инструментом в работе современных педагогов. Это не значит, что он должен полностью прийти на смену всем остальным практическим аспектам обучения иностранному языку, лабораторным и практическим работам. Для осуществления проектной деятельности у обучающихся уже должен быть уровень определенной подготовленности [32], и на сегодняшний день мы имеем многочисленные примеры учебно-методических комплексов, обязательно включающих в себя раздел проектирования [19]. Метод проектов позволяет эффективно следовать принципам индивидуально-личностного подхода, работать с актуальным аутентичным материалом, имеющим смысловую и содержательную ценность для будущих профессионалов, что делает его достаточно инновационным.

Обзор литературы показал, что при достаточной степени вариативности предложенных проектов в них наблюдается недостаточное использование актуальных в настоящее время информационных технологий. Существенным недостатком большинства описанных проектов является то, что они не включены в состав

учебных пособий для обеспечения регулярности проведения проектной деятельности. С учетом неоднократной повторяемости указанных особенностей учебного проектирования их можно считать современными тенденциями обучения иностранному языку в вузе.

На наш взгляд, важным наблюдением стало также то, что современные преподаватели открыты к инновациям и интерактивным вариациям учебного процесса и многие уже широко применяют проектный метод на практике, получая положительные результаты. Более того, многие готовы открыто делиться своими находками и мыслями с коллегами, чтобы развивать это направление преподавания иностранного языка.

Предложенная модель проекта по иностранному языку, созданная с учетом проанализированных нами тенденций, преимуществ и недостатков описанных в литературе проектов, акцентирует применение самых современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в профессиональном контексте.

Данная модель проекта удовлетворяет запросу современного уровня вузовского образования и способна удовлетворить задачи подготовки и воспитания конкурентоспособного специалиста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Землинская Т.Е., Ферсман Н.Г. Некоторые аспекты применения метода проектов в контексте обучения межкультурной коммуникации. //

Вопросы методики преподавания в вуз. 2017. Т. 6. №20. С 29-36. DOI: 10/18720/HUM/ISSN 2227-8591/20/3

2. **Kogan M.S., Gavrilova A.V., Nesterov S.** Training Engineering Students for Understanding Special Subjects in English: The Role of the Online Component in the Experimental ESP Course/ 2018 IV International Conference on Information Technologies in Engineering Education (Inforino), Moscow, Russia, 2018. Pp. 1-6. DOI: 10.1109/INFORINO.2018.8581837
3. **Езиев А.М., Накохова Д.Х., Напко М.Д.** Социально-психологические особенности современной молодежи // Вопросы обучения и воспитания. Педагогика. Республика Карелия. 2018. №10. С. 70–75.
4. **Pecore, J.L.** From Kilpatrick's project method to project-based learning. In M.Y. Eryaman & B.C. Bruce (Eds), International Handbook of Progressive Education. New York: Peter Lang 2015. Pp. 155-171. DOI 10.3726/978-1-4539-1522-6
5. **Bolsunovskaya L.M., Phillips C., Korotchenko T.V., Matveenkov I.A., Strelnikova A.B., Ulyanova O.S.** Project-based method in teaching foreign language for specific purposes. Procedia-Social and Behavioral Sciences 215 (2015), 176-180. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.633
6. **Zemlinskaya T.Ye.** The Project Method As A Learning Strategy Of Developing Professional competences. 18th PCSF 2018 – Professional Culture of the Specialist of the Future. VI 8 PP. 1408-1419 DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.02.150
7. **Симоненко Е.С.** Метод проектов в практике преподавания русского языка как иностранного в вузах Китая для студентов технических специальностей // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, №3 (28). С. 191-197.
8. **Диденко Г.А., Степанова О.А.** Опыт реализации метода проектов в вузе средствами облачных технологий. // Современные наукоемкие технологии. 2018. №8. С. 187-191.
9. **Дахин А.Н.** Проекты образования и образование через проекты // Педагогика. 2016. №2. С. 3–8.
10. **Полат Е.С.** Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. Высш. Учеб. Зведений / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров. – 3-е изд., испр и доп. М.: Академия, 2008. – 272 с.
11. **Черкасова А.И.** Метод проектов как эффективное обучение школьников немецкому языку // Сборник статей по материалам межвузовской студенческой научно-практической конференции. Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков. Москва, 05-06 февраля 2018 г. Саранск, С. 72-76.
12. **Knoll M.** Project Method. Encyclopedia of Educational Theory and Philosophy, Publisher: Sage, Editors: D.C. Phillips. 2014. Pp.665-669.
13. **Zhylybay G., Magzhan S., Suinzhanova Z., Balaubekov M., Adiyeva P.** The effectiveness of using the project method in the teaching process. // Procedia-Social and Behavioral Sciences, 2014. № 143. Pp. 621-624. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.448
14. **Сургутскова Г.А.** Применение метода проектов в рамках иноязычной подготовки бакалавров технических направлений // Интернет-журнал «Мир науки» 2017, Том 5, № 6 URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN617.pdf> (дата обращения: 08.09.2019).
15. **Фатуева С.А.** Оптимизация процесса обучения иностранному языку магистрантов технического вуза очно-заочной формы обучения // Интернет-журнал «Мир науки», 2018. №4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/57PDMN418.pdf> (дата обращения: 08.09.2019).
16. **Сельвесюк Н.Л.** Использование инновационных технологий в процессе обучения иностранным языкам на примере обучения испанскому языку // Интернет-журнал «Мир Науки», 2018, №3, URL: <https://mir-nauki.com/PDF/27PDMN318.pdf> (дата обращения: 08.09.2019).
17. **Рожнова Е.А., Симакова С.М.** Использование метода проектов в интерактивном обучении студентов иностранному языку в техническом вузе // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: психолого-педагогические науки. Самара: 2018. № 1(37). С. 141-146.
18. **Богданова Н.В., Курлапова К.И.** Межкультурная коммуникация в рамках тандем-проектов международного межвузовского сотрудничества // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7. №24. С. 53-64. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.24.6
19. **Никитенко О.А.** Учебный грантовый проект как разновидность проектной деятельности в обучении иностранному языку магистрантов технического профиля [Электронный ресурс] // Письма в Эмиссия. Оффлайн (The Emissia. Offline Letters): электрон. науч. изд. (науч.-пед. интернет-журн.) / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2012. Сент., ART 1859. URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1859.htm> (дата обращения: 20.08.2019).
20. **Серова Н.Ю.** Организация работы над веб-квестом в процессе обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2018. №10. С. 27–32.
21. **Ильина В.Ю.** Веб-квест как одна из технологий организации самостоятельной работы по

иностранным языку в неязыковом вузе (опыт внедрения на компьютерных направлениях подготовки) // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №59 (1). С. 167-170.

22. **Айядин С.** Вебквесты как инструменты обучения иностранным языкам. Обучение языкам с помощью информационных средств. 29 (4). С. 765–778. DOI: 10.1080/09588221.2015.1061019

23. **Лигновская Е.В.** Использование метода сценариев при обучении профессионально-ориентированному иностранному языку // Иностранные языки в школе. 2018. №10. С. 45–48.

24. **Баранов А.В.** Проектная деятельность компьютерного моделирования в физическом практикуме технического университета: организация, требования, критерии оценки // Инновации в образовании. 2016. №10. С. 158–170.

25. **Бтемирова Р.И.** Метод проектов в условиях современного высшего образования // Современные проблемы науки и образования. 2016. №3. С. 217.

26. **Миронова Т.П., Чечиль А.П.** Проектная деятельность как путь повышения мотивации к изучению французского языка // Иностранные языки в школе. 2016. №12. С. 51–55.

27. **Насиханова А.З., Давыдова Л.Н.** Междисциплинарный образовательный проект как средство формирования иноязычной компетенции у студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. №2, С. 62–66. DOI: 10.20339/AM.2-18.062

28. **Пушкарева Е.А.** Формирование деловой иноязычной коммуникативной компетенции в сфере профессиональной деятельности у будущих бакалавров в области инженерного дела, технологий и технических наук с применением электронного обучения // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 1. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27407> (дата обращения: 09.03.2019).

29. **Юрьева Л.В., Кошкин Д.А.** Опыт применения коммуникативных методик на занятиях English for special purposes в техническом вузе. // Ученые записки. Электронный журнал курского государственного университета. 2017. №2 (43). С. 201-203.

30. **Гордеев К.С., Жидков А.А.** Метод проектов как способ формирования компетенции будущего педагога профессионального обучения. // Международный студенческий научный вестник. 2018. №2. С.73.

31. **Khalyapina L., Almazova N., Popova N.** Models of interdisciplinary coordination in higher education area of Russia. In L. G. Chova, A. L. Martínez, & I. C. Torres (Eds.), ICERI 2017 Proceedings: 10th International Conference of Education, Research and Innovation. Seville, Spain: ICERI. 2017. Pp.780-785. DOI: 10.21125/iceri.2017.0287

32. **Кудинова О.С., Скульмовская Л.Г.** Проектная деятельность в вузе как основа инноваций // Современные проблемы науки и образования. 2018. №4. С. 104.

Статья поступила в редакцию 09.09.2019

REFERENCES

[1] **T.Ye. Zemlinskaia, N.G. Fersman,** Nekotorye aspekty primeneniya metoda proektov v kontekste obucheniya mezhkul'turnoj kommunikacii [Some issues of using the project method in teaching crosscultural communication.]. Scientific Journal Teaching Methodology in Higher Education. 6 (2) (2017) 29–36 (2017). [In Rus.]. DOI: 10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.20.3

[2] **M.S. Kogan, A.V. Gavrilo, S. Nesterov,** Training Engineering Students for Understanding Special Subjects in English: The Role of the Online Component in the Experimental ESP Course/ 2018 IV International Conference on Information Technologies in Engineering Education (Inforino), Moscow, Russia, 2018, pp. 1–6. DOI: 10.1109/INFORINO.2018.8581837

[3] **A.M. Eziev, D.H. Nakohova, M.D. Napso,** Sotsialno-psikhologicheskiye osobennosti sovremennoi molodezhi [Social-psychological peculiarities of generations in modern conditions]. Pedagogics. Karelia. 10 (2018) 70–75.

[4] **J.L. Pecore,** From Kilpatrick's project method to project-based learning. In M.Y. Eryaman & B.C. Bruce (Eds), International Handbook of Progressive Education. New York: Peter Lang. 2015. Pp. 155–171. DOI: 10.3726/978-1-4539-1522-6

[5] **L.M. Bolsunovskaya, C. Phillips, T.V. Korotchenko, I.A. Matveenko, A.B. Strelnikova, O.S. Ulyanova,** Project-based method in teaching foreign language for specific purposes. Procedia-Social and Behavioral Sciences 215. (2015) 176–180. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.11.633

[6] **T.Ye Zemlinskaia,** The Project Method As A Learning Strategy Of Developing Professional competences. 18th PCSF 2018 – Professional Culture of the Specialist of the Future. 1 (8) (2018) 1408-1419. DOI: 10.15405/epsbs.2018.12.02.150

[7] **E.S. Simonenko,** Metod projektov v praktike prepodavaniya russkogo yazika kak inostrannogo v vuzakh Kitaya dlya studentov tekhnicheskikh spetsialnostei [Project method for technical major students in Russian Teaching as a Second Language

in Chinese universities]. *Izvestiya Zapadnogo Gosudarstvennogo Universiteta. Economics, Sociology, Management*. 8 (3) (28) (2018) 191–197.

[8] **G.A. Didenko, O.A. Stepnova**, Opit realizatsii metoda projektov v vuze sredstvami oblačnikh tekhnologii [The experience of Implementation of the project method in higher education with the means of cloud technologies]. *Sovremennye naukoymkiye tekhnologii*. 8 (2018) 187–191.

[9] **A.N. Dahin**, Projekti obrazovaniya i obrazovaniye cherez projekti [Educational projects and education b means of projects] *Pedagogics*. 2 (2016) 3–8.

[10] **E.S. Polat**, Noviye pedagogicheskiye i informatsionniye tekhnologii v sisteme obrazovaniya [New pedagogical and informational technologies in education system]. Textbook for higher learning institutions students. Moscow. Akademia. 2008.

[11] **A.I. Cherkasova**, Metod projektov kak effektivnoye obucheniye shkolnikov nemetskoyu yaziku [Project method as an effective way of German language teaching] *Proceedings of student conference Urgent issues of general language theory, interpretation, intercultural communication and language teaching*. Moscow. Saransk. (2018) 72–76.

[12] **M. Knoll**, Project Method. *Encyclopedia of Educational Theory and Philosophy*, Publisher: Sage, Editors: D.C. Phillips. (2014) 665–669.

[13] **G. Zhylybay, S. Magzhan, Z. Suinzhanova, M. Balaubekov, P. Adiyeva**, The effectiveness of using the project method in the teaching process. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 143 (2014) 621–624. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.07.448

[14] **G.A. Surgutskova**, Primeneniye metoda projektov v ramkakh inozachnoi podgotovki bakalavrov tekhnicheskikh napravlenii [Application of the project method in the framework of foreign language training of bachelors of technical directions]. *World of science. Pedagogy and psychology*. 5 (6) (2017). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/07PDMN617.pdf>. (accessed 08.09.2019).

[15] **S.A. Fatueva**, Optimizatsiya protsessy obucheniya inostrannomu yaziku magistrantov tekhnicheskogo vuza ochno-zaochnoi formi obucheniya [Optimization of teaching a foreign language to part-time master students of the linguistics University]. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 4 (6) (2018) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/57PDMN418.pdf> (accessed 08.09.2019).

[16] **N.L. Selvesyuk**, Ispolzovaniye innovatsionnykh tekhnologiy v protsesse obucheniya inostrannim yazikam na primere obucheniya ispanskoyu yaziku [The use of new technologies in teaching foreign languages on the basis of teaching Spanish]. *World of Science. Pedagogy and psychology*. 3 (6) (2018). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/27PDMN318.pdf>

[17] **E.A. Rozhnova, S.M. Simakova**, Ispolzovaniye

metoda projektov v interaktivnom obuchenii studentov inostrannomu yaziku v tekhnicheskoy vuzе [Project method application for teaching English in a technical university]. *Vestnik Samara State Technical University. Psichologo-pedagogical sciences*. Samara. 1 (37) (2018) 141–146.

[18] **N.V. Bogdanova, K.I. Kurlapova**, Mezhkultunaya kommunikatsiya v ramkakh tandem-projektov mezdunarodnogo mezhvuzovskogo sotrudnichestva [Intercultural communication within tandem-project in universities collaboration] *Teaching Methodology in Higher Education*. 7 (24) (2018) 53–64.

[19] **O.A. Nikitenko**, Uchebnyy Grantovyy projekt kak raznovidnost projektnoi deyatel'nosti v obuchenii inostrannomu yaziku magistrantov tekhnicheskogo profilya [Grant project as a type of project method in foreign language teaching to Master students] *The Emissia*. Offline. St. Petersburg. 2012. Letters. URL: <http://www.emissia.org/offline/2012/1859.htm> (accessed: 20.08.2019).

[20] **N.Yu. Serova**, Organizatsiya raboty nad Web-questom [Arrangement pf webquest activitie in foreign language teaching]. *Foreign languages at school*. 10 (2018) 27–32.

[21] **V.Yu. Iliyina**, Webquest kak odna iz tekhnologiy organizatsii samostoyatel'noi raboty po inostrannomu yaziku v neyazikovom vuzе [Webquest as one of the individual work organisation technologies in foreign language learning in technical University] *Problemi sovremennogo pedagogicheskogo obrasovaniya*. 59 (1) (2018) 167–170.

[22] **S. Aydin**, WebQuests as language-learning tools. *Computer Assisted Language Learning*. 29 (4) 765–778. DOI: 10.1080/09588221.2015.1061019

[23] **E.V. Lignovskaya**, Ispolzovaniye metoda stsenariy pri obuchenii professionalno-orientirovannomu inostrannomu yaziku [Scenario method for teaching professional foreign language]. *Foreign languages at school*. 10 (2018) 45–48.

[24] **A.V. Baranov**, Projektnaya deyatel'nost kompyuternogo modelirovaniya v fizicheskoy praktikume tekhnicheskogo universiteta: organizatsiya, trebovaniya, kriterii otsenki. [The project activity of computer modeling in the physics practicum of the Technical University: organization, requirements, evaluation criteria]. *Innovatsii v obrazovanii*. 10 (2016) 158–170.

[25] **R.I. Btemirova**, Metod pryektov v usloviyakh sovremennogo visshego obrazovaniya [Method of projects in the modern higher education]. 3 (2016) 217.

[26] **T.P. Mironova, A.P. Chechil**, Projektnaya deyatel'nost kak put povysheniya motivatsii k izucheniyu frantsuzskogo yazika [Project technology as a motivation boosting tool for French learning]. *Foreign languages at school*. 12 (2016) 51–55.

[27] **A.Z. Nasihanova, L.N. Davidova**, Mezhdistsiplinarniy obrazovatelnyy projekt kak sredstvo formirovaniya inoyazichnoi kompetentsii studentov [Interdisciplinary educational project as a tool for students' language competence formation]. Alma mater. 2 (2018) 62–66. DOI: 10.20339/AM.2-18.062.

[28] **E.A. Pushkareva**, Formirovaniye delovoi inoyazichnoi kommunikativnoi kompetentsii v sfere professionalnoi deyatel'nosti u budushikh bakalavrov v oblasti inzhener'nogo dela, tekhnologii i tekhnicheskikh nauk s primeneniem elektron'nogo obucheniya [Building the business foreign language communicative competence in the sphere of professional activity bachelors in the field of engineering, technologies and sciences using e-learning]. Modern issues of science and education. 1 (2018). URL: [//science-education.ru/ru/article/view?id=27407](http://science-education.ru/ru/article/view?id=27407) (accessed: 09.03.2019).

[29] **L.V. Yurieva, D.A. Koshkin**, Opit primeneniya kommunikativnykh metodik na zanyatiyakh

English for special purposes v tekhnicheskoy vuzе [Communicative methodics application experience at ESP classes at technical university]. Scientific notices. E-journal of Kursk university. 2 (43) (2017) 201–203.

[30] **K.S. Gordeev, A.A. Zhidkov**, Metod projektov kak sposob formirovaniya kompetentsii budushchego pedagoga professional'nogo obucheniya. [Method of projects as a way of forming competence of future teachers of vocational training]. Mezhdunarodnyy studencheskiy nauchnyy vestnik. 2 (2018) 73.

[31] **L. Khalyapina, N. Almazova, N. Popova**, Models of interdisciplinary coordination in higher education area of Russia. In L.G. Chova, A.L. Martínez, & I.C. Torres (Eds.), ICERI 2017 Proceedings: 10th International Conference of Education, Research and Innovation. (2017) 780–785. Seville, Spain: ICERI DOI: 10.21125/iceri.2017.0287

[32] **O.S. Kudinova, L.G. Skulmovskaya**, Projektnaya deyatel'nost v vuzе kak osnova innovatsii. [Project activities in the university as a basis of innovation]. 4 (2018) 104.

Received 09.09.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Мезенцева Мария Евгеньевна
Mezentseva Maria E.
E-mail: mezentseva1992@mail.ru

Попова Нина Васильевна
Popova Nina V.
E-mail: ninavaspo@mail.ru

ПОТЕНЦИАЛ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

А.В. Дмитриев, М.С. Коган

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В последние годы наблюдается заметное повышение роли корпусной лингвистики (КЛ) в мире. Число доступных корпусов исчисляется тысячами, позволяя решать самые разные исследовательские задачи в области лингвистики, культурологии, социологии, истории, когнитивной лингвистики и других гуманитарных наук. Несмотря на то, что КЛ оказывает существенное влияние на методику обучения иностранным языкам, анализ литературы показывает, что потенциал КЛ не в полной мере находит отражение в программах подготовки преподавателей иностранных языков и переводчиков. В статье дается обзор наиболее значимых современных проектов в области КЛ, анализируется роль и место КЛ в подготовке будущих специалистов в области компьютерной лингводидактики – магистерской программы в рамках направления «Лингвистика», открытой в 2016г в СПбПУ. Анализ рабочих программ дисциплин (РПД), изучаемых в рамках магистерской программы «Компьютерная лингводидактика», показал, что большинство из них содержит либо специальные модули, направленные на освоение и применение подходов КЛ, либо позволяют интегрировать подходы КЛ при изучении определенных тем. Утверждается, что для успешной работы с корпусами студенты должны овладеть корпусной грамотностью, которая предполагает решение поисковых и исследовательских задач разной сложности: от знакомства с устройством корпуса до создания собственных подкорпусов и решения эвристических задач. Выделяются три этапа освоения больших корпусов, приводятся примеры заданий для каждого этапа на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В заключении обсуждаются дальнейшие направления исследований.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, компьютерная лингводидактика, лингвистические корпусы, методология DDL, рабочая программа дисциплины, Национальный корпус русского языка, комплекс поисковых заданий в НКРЯ

Ссылка при цитировании: Дмитриев А.В., Коган М.С. Потенциал корпусной лингвистики в подготовке специалистов в области компьютерной лингводидактики // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 69–85. DOI: 10.18721/JHSS.10407

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

THE POTENTIAL OF CORPUS LINGUISTICS IN TRAINING FOREIGN LANGUAGE TEACHERS MAJORING IN COMPUTER ASSISTED LANGUAGE TEACHING

A.V. Dmitrijev, M.S. Kogan

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

In modern world practice, Corpus Linguistics (CL) is gaining serious positions. The number of available corpora accounts several thousands which allows conducting various research in linguistics, cultural studies, sociology, history, cognitive linguistics and other humanities. The paper reviews some of the most substantial ones. Although CL has a remarkable impact on language teaching the literature overview shows that its potential is only modestly used in curricula of future language teachers and translators. The paper analyzes the role and place of CL in the curriculum of the Computer Assist-

ed Language Teaching (CALT) Master program launched at SPbPU in 2016. The analysis of working programs of disciplines included into the CALT Master Program has revealed that most of them either contain special modules aiming at acquisition of and applying CL methods in research and teaching or allow integrating CL approaches in studying certain topics. The paper states that students have to acquire corpus literacy which means solving corpus search and research tasks of different complexity ranging from getting familiar with the corpus structure to compiling own subcorpora and dealing with heuristic type tasks. Three stages of students' familiarization with big corpora are distinguished. The recommended tasks for each stage for the Russian National corpus developed by authors are provided. Further research is discussed.

Keywords: Corpus Linguistics, linguistic corpora, DDL approach, working syllabuses, the Russian National Corpus, search tasks for the RNC

Citation: A.V. Dmitrijev, M.S. Kogan, The Potential of Corpus Linguistics in Training Foreign Language Teachers Majoring in Computer Assisted Language Teaching, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 69–85. DOI: 10.18721/JHSS.10407

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение. Постановка проблемы

Корпусная лингвистика (далее КЛ) — это новое направление в лингвистике, которое существует чуть более полувека и занимается созданием и использованием корпусов для решения различных языковых (и не только) проблем. Сегодня корпуса стали неотъемлемой частью лингвистики, одним из ее краеугольных камней.

В настоящей статье рассматривается потенциал современной КЛ в подготовке специалистов в области компьютерной лингводидактики, обучающихся по магистерской программе «Компьютерная лингводидактика» Высшей школы лингводидактики и перевода Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Овладение методами КЛ способствует развитию и лингвистической/иноязычной компетенции, и ИКТ компетенции, что очень важно для наших выпускников, так как предполагается, что после окончания магистратуры они смогут преподавать иностранные языки для специальных целей (ЯСП/ЛСП) по некоторым техническим, а также экономическим и гуманитарным направлениям с широким применением ИКТ.

В рамках данной статьи мы планируем обсудить роль КЛ в современном мире, исследовать ее место КЛ в программе подготовки магистров по Программе *Компьютерная лингводидактика*, обсудить способы повышения эффективности/усиления дидактического компонента использования корпусных технологий в учебном процессе.

Роль и место КЛ в современном мире

После появления корпусов вся лингвистическая наука стала другой, поскольку все ее

достижения теперь необходимо интерпретировать в контексте «корпусной эпохи» (термин В.А. Плунгяна). По меткому замечанию В.А. Плунгяна, «корпус — это не только мощный инструмент исследования языка, но и новая идеология, ориентирующая исследователя на текст как главный объект теоретической рефлексии» [1, с. 14]. Другими словами, вся современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов: «корпус вернул лингвистике ее настоящий полноправный объект»¹, корпус позволяет понять, каков язык на самом деле, а не каким мы хотим, чтобы он был. «Теперь для овладения языком человеку нужны не две, а три вещи: словарь, грамматика и корпус текстов данного языка. Потому что и словарь, и грамматика, в общем-то, бесполезны вне этого живого пространства, где язык, собственно, и функционирует» [ibid].

В настоящее время мы являемся свидетелями глобального покрытия КЛ — как содержательно, так и методически — различных профессиональных и научных зон в области гуманитарных исследований — истории, социологии, литературоведения и не только. Вместе с тем, КЛ уже выходит за пределы и гуманитарных наук: так, недавно британские ученые на основе анализа корпуса газетных текстов периода 1800–2014 годов попытались пролить свет на историческую засуху и дефицит воды в Великобритании и в остальном мире в течение последних 200 лет [2, с. 212]. Все это дает нам основания утверждать, что современная КЛ — это не только и не столько дисциплина, сколько особая *культуромика науки* (science

¹ Плунгян В.А. Лекция: Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов. Прочитана 1 октября 2009 года. URL: <https://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/>.

culturomics), что может определяться как «исследование культуры человечества, направление его развития во времени посредством количественного анализа слов и фраз в очень больших объемах оцифрованных текстов» [3, 4].

Классическим примером внедрения технологии корпусов в современную жизнь является голосовой помощник Яндекс Алиса, который изучал различные текстовые корпуса, перенимая у них тот или иной стиль разговора. Методология корпуса стала частью — или даже предвестником — всех современных технологий, на основе которых создаются системы искусственного интеллекта, таких как машинное обучение и нейронные сети.

Сегодня КЛ характеризуется не только тысячами корпусов, в некоторых из которых содержатся десятки миллиардов слов, но и международными проектами, которые могут использовать лингвисты, изучающие разные языки. КЛ становится областью исследования и создания метакорпусов (корпуса корпусов):

- открытая БД KELLY (списки частотных слов для 9 языков и 72 языковых пар для изучающих иностранный язык и переводчиков) [5, с. 155];

- ICC (International Comparable Corpus) (создание началось в 2017 году; конечная цель проекта — внести вклад в сопоставительные исследования английского и других языков с использованием сопоставимых наборов данных разговорных, письменных и, возможно, электронных регистров) [2, с. 131];

- специальный портал Wortschatz в Лейпцигском университете (393 корпуса, 252 языков);

- система Sketch Engine corpus (588 корпусов, 94 языка) [6];

- корпус Apanea в Университете Комениуса в Братиславе (66 корпусов и 31 язык) и др. [7].

Все эти тенденции, безусловно, необходимо принимать во внимание, говоря о месте и роли КЛ и в образовательном пространстве в том числе.

Магистральные направления в создании инновационной образовательной среды с привлечением баз данных и других цифровых ресурсов были заложены в научно-педагогической школе Р.Г. Пиотровского и развиваются Л.Н. Беляевой, Е.С. Полат, П.В. Сысоевым, С.В. Титовой и др. Вопросами выделения профессионального терминологического слоя лексики с помощью методов статистической оценки небольших корпусов текстов и статистикой речи занимались М.А. Марусенко, Т.А. Лаздинь

и другие представители Санкт-Петербургской школы математической лингвистики (И.В. Азарова, А.О. Гребенников, О.Н. Гринбаум, Л.Н. Засорина, В.П. Захаров, Г.Я. Мартыненко, А.С. Герд и др.). Безусловно, это находит свое отражение и в заметном повышении роли КЛ в подготовке лингвистов-исследователей, преподавателей иностранных языков и переводчиков.

Существенно обогащая и расширяя возможности методики обучения иностранным языкам, в частности профессионально-ориентированного обучения [8, 9], не оставаясь в стороне от его психолого-педагогического и когнитивного потенциала [10–14], КЛ стремительно развивается в сеть междисциплинарных направлений, одним из которых сегодня является корпусная педагогика, или *корпусная лингводидактика*. В ее разработку вносят свой вклад исследователи отечественных и зарубежных школ: Н.Б. Гвишиани, Е.Е. Голубкова, Т.Б. Назарова, Т.А. Клепикова, С.О. Савчук, Т.В. Толстова, О.В. Нагель, В.П. Захаров, В.В. Рыков, Р.П. Мильруд, В.А. Плунгян, Д. Байбер, А. Болтон, С. Браун, Т. Джонс, Р. Реппен, Т. Кобб, Д. Кристал, М. Льюс, Р. Картер, М. Маккарти, Т. МакЭнери, К. Триббл, М. Скотт, К. Лакман, С. Конрад, М. Хоуи, Л. Флаурдью, С. Йохансон, Дж. Лич, М. Дейвис и др.

Все большую популярность получают методически-ориентированные корпусы. Примерами могут служить:

- ресурс LINGVATORIUM, созданный коллективом центра лингвистических исследований им. А.А. Худякова в Санкт-Петербургском государственном экономическом университете;

- корпус инженерных текстов на базе Томского политехнического университета (Н.Н. Шаламова, А.Ю. Фильченко);

- мультимедийный корпус устных текстов и упражнений ELISA (English Language Interview Corpus as a Second-Language Application), созданный в университете г. Тюбинген, Германия (http://www.uni-tuebingen.de/elisa_index.html);

- корпус ошибок обучаемых, собранный в РГПУ им. А.И. Герцена (М.В. Колина, Е.А. Николаева);

- корпус русских учебных текстов (КРУТ), разработанный командой лингвистов и программистов Школы лингвистики ВШЭ (корпус представляет собрание студенческих ВКР, и одним из достоинств является возможность поиска по типам студенческих ошибок с указанием причин их возникновения) и др.

В свое время У. Рёмер, называя такие

корпуса специализированными, определила их в три основные группы: LSP (language for specific purpose) корпуса; ученические корпуса; параллельные корпуса и корпуса переводов [15].

Поскольку корпуса активно и многопланово интегрируются в учебный процесс, как синхронный, так и диахронный, все насущнее становится методология составления упражнений на основе корпусных технологий, которые довольно быстро решают проблему дефицита заданий и существенно увеличивают скорость подбора примеров, что позволяет составлять задания по мере необходимости, в соответствии с возникшей идеей или проблемой.

Исследователи обращают внимание не только на то, какие упражнения/задания можно разработать с помощью корпуса (см., например, [16], но и на какой языковой уровень необходимо разрабатывать, и как это делать, какой метод выбирать для конкретной целевой аудитории и каких ошибок разработчику следует избегать при составлении подобных заданий [17–20].

Ввиду того, что следование методологии составления упражнений на основе корпуса непосредственно связано с выбором наиболее эффективного метода обучения, то в качестве одного из возможных решений в современной КЛ предлагается образовательный формат DDL (data-driven learning), предложенный еще в 1991 году Т. Джонсом. Он предложил студентам выступить в роли исследователей, которые с помощью компьютерных технологий и корпусов должны были проводить свои собственные языковые мини-исследования [21]. В конечном счете, основная задача студента «научиться учиться» (learn how to learn) [21, с. 19], что достигается, в том числе, с помощью корпусных заданий, которые «позволяют учащемуся примерить на себя роль экспериментатора, который проводит свое уникальное исследование, а не компилирует чужие идеи» [21, с. 14].

Результаты недавно опубликованного мета-анализа убедительно свидетельствуют о том, что DDL является эффективным методом обучения ИЯ в различной учебной обстановке, для различных категорий учащихся, преследующих разные языковые цели [24]. Перспективность такого подхода была обоснована и отечественными исследователями [23–25]. Корпусное обучение на основе Web-дидактики является одним из причин отказа от традиционно объяснительного подхода в пользу когнитивно-коммуникативных практик, то есть

переход к «обучению через исследование» [26, с. 159], а также от парадигмы «учащийся-исследователь» (learner-as-researcher) к новой парадигме «учащийся-путешественник» (learner-as-traveller) [26]. Перспективным представляется также сочетание DDL подхода и CLIL технологии (content-language integrated learning).

Необходимо отметить, что современные ИКТ, на наш взгляд, недостаточно внедрены в профессиональную деятельность лингвиста-преподавателя, что также признают и авторы упомянутого мета-анализа, замечая, что, несмотря на свой потенциал и эффективность, использование подходов КЛ для изучения ИЯ не является повсеместно/широко применяемым методом в обучении/изучении ИЯ [27]. Недостаточная разработанность методов применения корпусной лингвистики в обучении ИЯ характеризует в большей степени отечественную науку. Введя запросы на русском (*корпусная лингвистика*) и английском (*corpus linguistics*) языках на платформах Elibrary и Google Scholar, можно заметить, что количество публикуемых работ за рубежом будет более чем в 4 раза (Elibrary) и более чем в 70 раз (Google Scholar) больше, чем русскоязычных отечественных исследований.

Методология применения КЛ в лингводидактике. Инструментарий

Целесообразность создания и смысл использования корпусов определяется следующими предпосылками:

1. С конца XX века словари и учебники грамматики создаются на основе корпусов.
2. КЛ используется в теоретической лингвистике с целью сбора необходимых для анализа определенного явления данных их естественном контексте.
3. На основе кейсов проводится машинное обучение для различных областей прикладной лингвистики и информационных технологий.
4. Корпусы могут быть полезны для многих других задач, связанных с языком. Созданный и подготовленный корпус может использоваться повторно разными исследователями и для разных целей, что является одним из критериев устойчивости электронных образовательных ресурсов.

За время существования корпусных технологий КЛ обогатилась собственным корпусным инструментарием педагогически-ориентированного анализа. Данный инструментарий позволяет исследователю анализировать лексические чанки, гапаксы, находить и различать коллокации и коллигации, лексические пучки,

или кластеры, освоить стратегию хеджинга, типичную для современного научного дискурса как в естественно-научной области [28], так и в гуманитарной сфере и т.д. [29].

В конечном счете это позволяет:

- по любому слову построить конкорданс (список всех употреблений данного слова в контексте со ссылками на источник);
- получить данные о частоте словоформ, лексем, грамматических категорий, проследить изменение частот и контекстов в различные периоды времени, получить данные о совместной встречаемости лексических единиц и т.д.;
- изучать динамику процессов изменения лексического состава языка, проводить анализ лексико-грамматических характеристик в разных жанрах и у разных авторов, и т.д.;
- использовать корпус как источник и инструмент многоаспектных лексикографических работ по подготовке разнообразных исторических и современных словарей.

Помимо уже существующих и широко апробированных программ-конкордансеров (наибольшей популярностью сегодня пользуются Concordance, MicroConcord, MonoCorc, TACT, TACTWeb, SARA), разрабатываются и активно интегрируются в обучение такие новые инструменты анализа, как корпусные менеджеры (например, Bonito CQP, DDC, WebCorp, Xaira), которые по своему функционалу стоят на порядок выше конкордансеров [30]. Обзор существующих программ можно найти в [31–33].

Своевременно говорить и о праве на существование *корпусного подхода*, или *корпусной методологии* как совокупности методов лингвистического исследования, основанного на корпусах текстов, ориентированного на прикладное изучение языка, его функционирование в реальных текстовых средах, что важно не только для преподавания LSP, но и для правильной организации работы в формате DDL для будущих специалистов в области компьютерной лингводидактики [34–36]. «Корпусный метод помогает отобрать микрокосм (the microcosm), о котором говорил еще Г. Пальмер, который подразделял учебный словарь на две большие группы: «строго отобранный материал, который он называл микрокосм (the microcosm), и стихийный» [37, с. 115].

Результаты. Анализ РПД ООП «Компьютерная лингводидактика»

В 2016 году на кафедре лингвистики и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого была разработана

ООП «Компьютерная лингводидактика» подготовки магистров лингвистики по заочной форме обучения. Программа получила лицензию, и в 2016 году был проведен первый набор студентов, заинтересованных в перспективах данного направления. Центральными курсами в ООП «Компьютерная лингводидактика» являются: «Компьютерная лингводидактика», «Введение в автоматизированную обработку текста. Лингвистические базы данных», «Информационная культура педагога», «Разработка образовательных электронных ресурсов», «Методика дистанционного обучения иностранным языкам», «Мобильные технологии в обучении иностранным языкам». Именно они содержат весь тот потенциал, который реализует профессиональные компетенции не только по педагогике, но и по прикладной и компьютерной лингвистике и должен позволить достичь высокого уровня сформированности ИКТ-компетенции в соответствии с отечественными и зарубежными требованиями [38].

Результаты анализа показали, что большинство дисциплин содержат темы, предполагающие либо использование знаний обучающихся о КЛ в проведении лингвистических исследований и в обучении ИЯ (например, «Научный дискурс», «Практикум по культуре общения первого иностранного языка», «Разработка образовательных электронных ресурсов», «Информационная культура педагога», «Методика дистанционного обучения иностранным языкам»), либо углубленное изучение ими теоретических основ КЛ и их практическое применение (например, «Введение в автоматизированную обработку текста. Лингвистические базы данных»). Иными словами, данные анализа позволяют говорить о КЛ как о дисциплине, укрепляющей междисциплинарные связи (МДС) в ООП «Компьютерная лингводидактика», что позволяет говорить о центрообразующем потенциале КЛ в подготовке специалистов данного профиля (см. табл. 1). Междисциплинарной модели обучения иностранному языку и ее интегрированию в современное образовательное пространство посвящен ряд работ наших коллег [39–42].

В табл. 1 не содержится информации о дисциплинах, в рамках которых КЛ используется «факультативно»: например, в курсе «Практика перевода английского языка (технический профиль)», «Практикум по культуре речевого общения первого ИЯ», «Практикум по культуре речевого общения второго ИЯ», «Общее языкознание и теория лингвистических учений», «Научный дискурс». Публикации по использованию DDL в

Таблица 1

Результаты анализа РПД ООП 45.04.02_04 Компьютерная лингводидактика
Corpus Linguistics related topics in working programs of the CALT Master Program

Название дисциплины	Название разделов, касающихся КЛ	Трудоемкость освоения раздела, ач
Компьютерная лингводидактика	Тема 10. Электронные ресурсы: классификация и структура;	19
	Тема 21. Применение интернет-ресурсов в лингводидактике. Разновидности лингвистических интернет-ресурсов и их особенности.	18
Введение в автоматизированную обработку текста. Лингвистические базы данных	Модуль 4. Корпусные технологии на практике	36
Информационно-коммуникационные технологии в лингвистических исследованиях	Тема: Базы данных и лингвистические информационные ресурсы.	22
НИР (рассредоточенная)	3 семестр	254
Темы ВКР, утвержденные Приказом СПбПУ, защита которых состоится в январе 2020 г.	1) Разработка дидактических ресурсов по дисциплине «Английский язык для специалистов социально-экономической сферы» с использованием подходов КЛ; 2) Обучение фразеологической лексики с использованием подходов КЛ (направление «Лингвистика»)	

преподавании немецкого [43, 44], французского [45] и испанского [46] языков и наши собственные исследования [24, 47] говорят о целесообразности использования этого подхода в «Практикуме по культуре речевого общения второго ИЯ», которыми в ВШЛиП являются немецкий, испанский и французский. Интерес, который проявляют исследователи к привлечению корпусных методов к дискурсивному анализу [см., например, 48, 49, 50] позволяет предположить/заключить, что методы КЛ также могут быть успешно интегрированы в изучение дисциплины «Научный дискурс».

Далее мы более подробно остановимся на анализе нашего опыта интегрирования Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в программу подготовки специалистов в области компьютерной лингводидактики.

Способы интегрирования НКРЯ в программу подготовки специалистов в области компьютерной лингводидактики

Практическая работа с корпусом, а именно поиск единиц по языковым уровням — от морфемного до синтаксического, — четко коррелирует с теми знаниями, умениями и навыками, которые студенты получают в магистерском курсе «Общее языкознание и история лингвистических учений», где одно из цен-

тральных мест занимает учение об уровневой организации языковой системы и позволяет учащимся, с одной стороны, успешно справляться с поисковыми заданиями в корпусе, а с другой, увидеть теоретическую дисциплину базового блока в качественно новом ракурсе — в свете структурной лингвистики, являющейся, фундаментом, точкой отсчета для всех прикладных лингвистических исследований XX — начала XXI веков.

В настоящее время имеется ряд исследований, в которых авторы приводят разные форматы упражнений на основе НКРЯ, начиная с фонологического уровня и заканчивая поиском контекстуальных связей и окружений на синтаксическом уровне [36, 51, 52]. Расширяя имеющийся опыт, мы стремимся адаптировать существующую методологию для обучения студентов в области компьютерной лингводидактики. НКРЯ является универсальным лингвистическим инструментарием, позволяющим проводить поиск по текстам самой разной тематической направленности, временному охвату, жанрам и т.д.

Перейдем к рассмотрению составленных нами заданий, предназначенных для пользователей с разным уровнем знакомства с корпусом НКРЯ (начальный, средний и продвинутый). Нами был разработан модульный план,

состоящий из ступеней последовательного освоения навыков работы с корпусом — от знания функционально-технических возможностей поисковой системы корпуса и основополагающей терминологии до умения самостоятельно составить комплекс упражнений на основе такого корпуса. План разработан на материале Национального корпуса русского языка.

Методологически наш план «держится» на идее о том, что для выполнения лингвистических исследований на основе корпусов особое значение имеет умение рационально пользоваться корпусом. Это умение называется *корпусной грамотностью*, к числу теоретических вопросов которой относятся следующие: «1) знание базовых понятий, методов и технологий корпусной лингвистики; 2) изучение и обобщение основных способов и этапов создания корпуса; 3) типология корпусов; 4) паспортизация текста; 5) характеристика различных видов внешней и внутренней разметки текста; 6) Интернет как корпус и др. Важным практическим навыком является умение корректно задать параметры поиска в Национальном корпусе русского языка с обращением к другим корпусным ресурсам русского языка в открытом пространстве Интернет» [26, с. 160]. Примерный план изучения НКРЯ представлен в табл. 2.

Обсуждение

На *начальном этапе* студенты знакомятся с устройством поисковой системы НКРЯ и «корпусными» терминами, которые необходимо знать для последующей работы с корпусом, например, *корпус, репрезентативность, грамматическая разметка, семантическая разметка, лемма, лемматизация, токенизация, паспорт леммы, грамматическая омонимия, шум* и т.д. Здесь мы учим студентов овладевать техническими возможностями работы с корпусом: пользоваться грамматическими и семантическими признаками в лексико-грамматическом поиске; добавлять и удалять поисковые строки; правильно вводить словосочетания в поисковые строки, а также целые фразы; отличать словоформу от леммы, знать, где прочитать описание леммы и как «растянуть» контекст до полного; пользоваться опцией «Настройки», выдаваемой вместе с результатами, форматом KWIC, а также «Дополнительными признаками» в корпусе; знать разные форматы выдачи результатов, с возможностями отфильтровать контексты со снятой и неснятой омонимией; уметь пользоваться всеми форматами сохранения результатов. Хорошим по-

мощником на этом этапе является Инструкция пользователя Национального корпуса русского языка².

Наиболее показательные упражнения на эти навыки можно продемонстрировать следующими конкретными примерами, которые стандартно начинаются с фразы «Найдите в основном корпусе...»:

1. *прилагательное «самодовольный» в основном корпусе, прочитайте паспорт леммы и полный контекст с данной словоформой;*
2. *сочетания слова «бодрый» с животными мужского рода; отсортируйте по алфавиту;*
3. *все слова, заканчивающиеся на -сть, но не на -исть, и обозначающие поведение и хорошие поступки человека;*
4. *последовательность трех однородных сказуемых мужского рода прошедшего времени, начинающихся с приставки об-; полученные результаты скачайте в формате Excel;*
5. *только те тексты, где есть случаи употребления леммы «задоринка» в качестве независимого существительного, не в составе фразеологизма;*
6. *словоформу «уж» только со снятой омонимией.*

Следует отметить, что уже на ознакомительном этапе возможны небольшие открытия в области семантики, которая осваивается позже. Так, в одном из заданий предлагалось найти всех животных мужского рода, стоящих с прилагательным *бодрый* и представить в формате выдачи KWIC. Помимо бодрых коней, псов, жуков, петухов в результатах студенты увидели *бодрого Гоголя*. Растянув контекст, студенты убедились в том, что речь идет об известном русском писателе, однако усомнились в правильности заданных критериев поиска в семантической и грамматической разметке, поскольку в параметрах были отмечены только животные. Те, кто догадался заглянуть в толковые словари на www.slovari.ru³ с удивлением обнаружили, что гоголь — это подвид уток. Поскольку практически все контексты были с неснятой омонимией, то автор «Мертвых душ» оказался среди бодрых животных.

Другим не менее интересным результатом оказались контексты со свободной леммой *задоринка*. Задание заключалось в нахождении примеров, где эта словоформа была бы

² Национальный корпус русского языка. Инструкция пользователя // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва. 84с. URL: <http://ruscorpora.ru/new/instruction-main.pdf>

³ Ресурс, содержащий более 20 томов словарей русского языка.

Таблица 2

План изучения НКРЯ
The plan for the study of RNC

Этап/уровень освоения НКРЯ	Цель этапа	Примеры заданий
Начальный	Знакомство с устройством НКРЯ, освоение «корпусной» терминологии	Поисковые задания, начинающиеся с фразы «Найдите в основном корпусе...» 1) прилагательное «самодовольный» в основном корпусе, прочитайте паспорт леммы и полный контекст с данной словоформой; 2) сочетания слова «бодрый» с животными мужского рода; отсортируйте по алфавиту;
Средний	поиск единиц по языковым уровням — от морфемного до синтаксического; освоение структурно-семантической организации текста	- задайте подкорпус X и найдите в нем ...; - задайте грамматический признак X и проверьте; - выберите среди семантических признаков категорию X и проанализируйте.
Продвинутый	последовательный анализ языковых реалий, создание собственных подкорпусов, применение эвристического подхода	1) Пользуясь поэтическим корпусом, докажите, что в XVIII веке слово «приличен» могло иметь ударение на последнем слоге: «приличЕн». Приведите этот пример (эти примеры). 2) Когда в Корпусе появляются первые примеры глагола «реагировать»? Приведите первые два примера. Что они значат? Когда появляются первые примеры глагола «реагировать» с какой-либо приставкой? Приведите первые два примера.

не в составе фразеологизма. С первого взгляда, суть задания — в умении пользоваться оператором ‘-’ для отсечения предлога без и существительного сучок (в ответ на запрос по поисковому слову *задоринка*, корпус выдает 155 вхождений леммы в 143 документах).

При анализе полученных результатов студенты смогли убедиться, что лемма *задоринка* действительно может свободно функционировать в контекстах, но со значением ‘радость’, ‘задор’:

1. *Серьезные все как один, без задоринки и смешинки. — Давай в арку, - без задоринки и смешинки предложил третий <...> Они брели шеренгой в полтротуара, с задоринкой, мимо озабоченно-неотложных граждан* [Александр Силаев. Армия Гутэнтака (2007)].

2. *С нее, мелованной финскими бумажниками, с идеального отпечатка, смотрел на татарина его сомик, совсем как живой, и было в его взгляде что-то утешающее, даже задоринка некая проглядывала* [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)].

При этом студентам необходимо разъяснить, что этимология этого слова никак не мотивирована значением ‘радость’. Поскольку фразеологизм *без сучка, без задоринки* означает ‘сделать что-то идеально’, то рассматривать

словоформу *задоринка* следует исключительно в семантическом поле значений словоформы сучок, что и подтверждается толковыми словарями: *задорина* — ‘шероховатость на гладкой поверхности’⁴. Именно в таком значении лемма выступает в следующих найденных контекстах в НКРЯ, и при этом также не в составе фразеологизма:

1. *Воля бы Дементьева, он всю повесть мою сострогал бы под гладь, не осталось бы ни задоринки* [А.И. Солженицын. Бодался теленок с дубом (1967-1974)].

2. *Пора научиться лелеять свои несовершенства и задоринки-сучки!* [Игорь Мартынов. Святая пустота // «Столица», 1997.07.01].

3. *Мчались мы на вихрях-конях по своей великой равнине, а он навстречу нам выдул стужу-метель и так засорил глаза, что в самых невинных сучках-задоринках нам примерещились бесы-вредители* [Михаил Эпштейн. Ленин-Сталин // «Родник», 1989].

4. *Я, конечно, ни в чем не была виновата, ибо если бы на моем партийном пути была бы хоть малейшая задоринка, то в обстановке 1937 года и учитывая работу, которую я тогда выполняла (зав. отделом школ и вузов Сталинского райкома*

⁴ Словарь <http://slovari.ru/search.aspx?s=0&p=3068>

г. Киева), то я бы прошла не как жена, а по самостоятельному делу [Обращения родственников репрессированных командиров Красной Армии к руководителям страны (1937-1960)].

Мы неоднократно подмечали, что для студентов, особенно не-лингвистов, подобные функционально-семантические «открытия» становятся стимулом, «корпусным проводником» к более глубокому изучению языковых изменений.

На следующем этапе начинается содержательная работа с корпусом — а именно по поиску единиц по языковым уровням — от морфемного до синтаксического. Такой подход важен потому, что он четко коррелирует с теми знаниями, умениями и навыками, которые студенты получили в курсе «Общее языкознание и история лингвистических учений», где одно из центральных мест занимает учение об уровневой организации языковой системы. Работая с различными контекстами, представленными в корпусе, студенты получают необходимые навыки работы со структурно-семантической организацией текста, что подразумевает не просто изолированный анализ конкретных единиц, но умение сформулировать необходимые выводы на основе внутритекстовых глубинных связей, а также выявленных коллокаций.

Цель данного этапа работы с НКРЯ — научить студентов осуществлять поиск в имеющихся в НКРЯ подкорпусах (газетном, параллельном, акцентологическом, устном, синтаксически размеченном и т.д.). Для этого необходимо задавать некоторый вектор движения, формирующий преимущественно пассивные навыки работы, но определенным образом воспитывающим системность и последовательность поиска. Примеры формулировок такого вектора представлены в табл.2. Вектор (или, как называют его авторы «опоры») уже методически обоснован [53]. Мы полагаем, что на примере таких «опор» у обучающегося формируются и так называемые *полезные траектории движения* [26, с. 161].

Благодаря поиску в подкорпусах, учащиеся могут подбирать примеры на материале, который близок их интересам. Опция, позволяющая формировать подкорпуса отдельных периодов, позволяет продемонстрировать, что язык меняется даже на протяжении вполне обозримого периода времени, — факт, который далеко не всегда очевиден и понятен учащимся.

Помимо использования уже имеющихся подкорпусов, студенты получают задания по созданию собственных подкорпусов, решая не столько технические и исполнительские,

сколько творческие задачи, которые формируют совокупность навыков для последующего создания уже своих авторских упражнений на основе корпусных технологий, для интеграции их в самостоятельно разработанные авторские курсы.

Задания на основе корпуса позволяют наглядно показать и проверить на практике тезис о том, что язык развивается. Составление авторского подкорпуса с последующим поиском в нем должно опираться на самую логику языковой системы, или ее срез в определенный временной интервал. Например, можно задать подкорпус художественных произведений первой половины XIX века, но искать в нем те языковые реалии, которые появились существенно позже (или наоборот, уже исчезли к началу XIX века), или грамматические формы слов, которые отсутствовали в языке того времени, неправильно и бессмысленно. Если для магистрантов с базовой лингвистической подготовкой, поступивших в магистратуру после получения диплома бакалавра лингвистики такие выводы кажутся очевидными благодаря пройденным курсам по языкознанию, лексикологии, типологии, теоретической грамматике, то для магистрантов, не имеющих базового лингвистического образования, это не так просто осознать и практически реализовать.

По нашему мнению, задания следующего характера позволяют лучше понять смысл такого поиска: *Создайте подкорпус русской поэзии первой половины XIX века (1800-1850). Посмотрите, употребляется ли в этом подкорпусе слово «кофе» в среднем роде. Сравните результаты и составьте таблицу частотности употребления форм мужского и среднего рода.* Студенту ставится задача на сопоставление результатов поиска с современным употреблением этой лексемы. С одной стороны, очевидно, что форма среднего рода в языке того времени будет «перекрываться» формой мужского рода. С другой стороны, студенту предлагается проанализировать встречаемость формы среднего рода и объяснить, почему именно в тех или иных контекстах она присутствует в языке «пушкинской эпохи». Иными словами, на таких заданиях магистранты учатся оценивать каждое языковое явление не дискретно, не как констатацию факта, а как неотъемлемую часть динамики языка, эволюции языковой системы, и учим объяснять найденные результаты с опорой на эти знания.

При знакомстве освоении корпусных технологий, на наш взгляд, необходимы небольшие лекционные вставки о теории языка и

его свойствах, где-то и в чем-то повторяющие пройденный студентами материал в курсе «Общее языкознание и история лингвистических учений», а где-то вводящие качественно новую информацию, необходимую для эффективной работы в корпусе/проведения корпусных исследований.

Здесь можно привести следующие примеры заданий:

1. *Найдите в подкорпусе текстов документальной прозы середины XX века предлог «ради»: отберите все контексты, где он используется в постпозиции по отношению к существительному, составьте частотный список таких существительных.*

2. *Проанализируйте предлог «по-над» на предмет его функциональности в художественных текстах второй половины XX века.*

3. *Найдите в основном корпусе примеры сочетания союза «как» с названиями животных. Выпишите один пример, созданный на основе коннотаций, и один пример сравнения, созданного на примере авторских ассоциаций.*

4. *Проанализируйте слово «покойник» в художественных текстах XIX и XX веков. Выявите, как изменилась семантика данной единицы на протяжении 200 лет.*

5. *Найдите в публицистических текстах первой половины XX века слова «ворота» и «врата», сравните их контекстуальные встречаемости и проследите, в каком значении употребляется каждое из них.*

6. *Проанализируйте лексику «бандформирование» в газетном подкорпусе текстов периода 1990-2000 года с целью выявления ее коллокаций/сочетаемости с прилагательными и глаголами.*

7. *Изучите раздел про дательно-субъектное отношение. Обратите внимание, какие в этой конструкции признаки у зависимого слова. Задайте поиск примеров с этим отношением.*

8. *Найдите коррелятивы «Кто..., тот...» Например: Кто историю изучает, тому известно..., Кто хорошо ходил на занятия, тот быстро получил зачет... и пр.*

9. *Создайте подкорпус: Язык рекламы. Найдите сочетания «незаменимый» + существительное. Отберите идиоматические выражения.*

При работе с синтаксическим уровнем важно научить / обратить внимание студентов на необходимость задействовать несколько полей в поисковой системе, причем расставить нужные параметры следует также исходя из логики самой искомой синтаксической структуры. Так, в одном из заданий требовалось найти контексты по следующей модели: 'до + сущ.

род. + глаг. + числит.' (например, *до зарплаты осталось пятьдесят рублей*):

На этом полезно разъяснить термин «шум». В принципе с этим явлением студенты уже познакомились, когда делали упражнение на *бодрый* с животными мужского рода, и им попались контексты с писателем Гоголем. Это грамматическая омонимия, и студенты этот термин усвоили. Но многие исследователи называют ее также шумом, который, в частности, встретился в результатах:

От аэродрома в Тушино до Приморья почти десять тысяч километров [Андрей Островский. Воспитать врага // «Владивосток», 2003.09.29].

Наречие *почти* корпус интерпретировал как повелительное наклонение леммы *почитать*. В других результатах попало большое количество словосочетаний, содержащих глагол *оставалось (осталось)*.

Поскольку наши студенты активно работают с английским языком, то занятия предполагают также использование возможностей параллельного корпуса в НКРЯ. НКРЯ уникален тем, что содержит параллельные корпуса по 11 парам языков, включая пары английский – русский и немецкий – русский, в которые входят оригинальные тексты как на русском языке с переводом на ИЯ, так и на иностранном языке с переводом на русский.

Эти задания призваны сформировать у студентов дополнительные навыки работы с иноязычным текстом, глубже проанализировать авторские варианты перевода, дать им оценку и сравнить со своими вариантами перевода. Например, в таких заданиях, как *«Какие английские выражения соответствуют русскому выражению «клевать носом»?»* и *«Задайте подкорпус текстов, переведенных с английского на русский. Выясните, какие английские выражения переводятся на русский наречием «виновато»»*, студенту предлагается не просто найти нужную информацию, но и проанализировать ее с точки зрения адекватности и валидности перевода. Учащийся должен уметь оценить и перспективы использования этого материала в педагогической деятельности, особенно связанной с преподаванием русского языка как иностранного. Такие задания лучше раскрывают МДС, на основе которых нагляднее формируются педагогические и ИКТ компетенции – что, еще раз подчеркнем, обуславливает специфику ООП «Компьютерная лингводидактика» и отличает ее от других программ.

Недостаток времени не всегда позволяет вывести студентов на качественно новый уровень работы с корпусом: выполнение заданий, требующих вдумчивого и последовательного

анализа языковых реалий. Здесь предполагается, что студент овладел инструментарием корпуса и может свободно проводить поиск по семантическим и грамматическим параметрам, разбираясь в контекстах и сравнивая их между собой. Суть заданий заключается не просто в том, представить какие-то результаты поиска, а в том, чтобы доказать, что эти результаты действительно соответствуют состоянию языковой системы в определенный промежуток времени — как по статистике поиска, так и по содержанию контекстуальных связей с учетом конкретной эпохи.

Кроме того, в формулировке заданий не говорится, какой именно подкорпус должен создать студент: ему необходимо самому решить, где ему нужно будет искать. Возможно, что студенту придется «перепробовать» несколько вариантов созданных им подкорпусов, но в конечном итоге, он должен выбрать и продемонстрировать кратчайший путь к решению проблемы. Например:

1. *Пользуясь поэтическим корпусом, докажете, что в XVIII веке слово «приличен» могло иметь ударение на последнем слоге: «приличЕн». Приведите этот пример (эти примеры).*

2. *Из социальной сети Facebook нередко приходит сообщение: «Интересуюсь о Вас на Facebook. Здравствуйте, Natasha! Я Вас приглашаю посмотреть мою личную страницу на Facebook...». Воспользовавшись корпусом, оцените, насколько конструкция «интересоваться о ком-либо» распространена, в каких текстах она встречается. Сравните ее частотность с частотностью конструкции «интересоваться кем-либо».*

3. *Сегодня можно сказать «Банк не имеет право отказать в открытии счёта» и «Банк не имеет права отказать в открытии счёта». А какой из этих вариантов является более старым? Задание. Найдите самые ранние и поздние примеры употребления винительного падежа в этой конструкции («не иметь право») и родительного («не иметь права»).*

4. *Когда в Корпусе появляются первые примеры глагола «реагировать»? Приведите первые два примера. Что они значат? Когда появляются первые примеры глагола «реагировать» с какой-либо приставкой? Приведите первые два примера.*

Заключительный этап освоения НКРЯ / работы с НКРЯ предполагает реализацию всех полученных знаний и умений в процессе выполнения заданий на этапах, рассмотренных выше. На этом этапе перед студентом могут поставлены задачи методического характера, а именно — создание своих собственных

упражнений на разные темы, что способствует дальнейшему развитию педагогических компетенций, сформированных при изучении дисциплин профиля «Компьютерная лингводидактика».

Заключение

Проведенное нами исследование отражает вопросы, связанные с ролью КЛ в подготовке специалистов в области Компьютерной лингводидактики. Анализ РПД дисциплин показал, что три дисциплины содержат модули, посвященные КЛ. Обращение к методам КЛ происходит также в рамках рассредоточенной научно-исследовательской работы (НИР) магистрантов и некоторых выпускных квалификационных работ. В ряде дисциплин, таких как Практикум по культуре речевого общения первого / второго иностранного языка, Практика перевода английского языка (технический / гуманитарный профиль). Практикум по межкультурной коммуникации немецкого / французского / испанского языка, Научный курс подходы КЛ могут использоваться как дополнительные при рассмотрении определенных тем этих курсов.

Выполнение поисковых заданий в корпусе позволяет в новом ракурсе посмотреть на некоторые темы / положения, изученные в теоретических дисциплинах, таких как «Общее языкознание и история лингвистических учений». С другой стороны, исследования показывают, что интенсивного семестрового курса, направленного на освоение подходов КЛ в обучении ИЯ для будущих преподавателей ИЯ, недостаточно для уверенного овладения необходимыми техническими, корпусно-лингвистическими и педагогическими знаниями, связанными с использованием подхода DDL в обучении ИЯ. А. Ленко-Шиманска считает, что для этого необходимо, чтобы студенты выполняли поисковые и исследовательские задания в корпусах при изучении разных дисциплин [54].

Профессионально организованная опора на ресурсы такого масштаба открывает перспективы создания учебных пособий совершенно нового типа [55]: современных и минимально адаптированных, которые могут быть комплексно интегрированы в разные образовательные платформы.

Логично продолжить исследовать некоторые теоретические аспекты, например, роль КЛ в программе подготовки компьютерных лингводидактов с точки зрения междисциплинарной парадигмы.

Все это позволяет заключить, что для более эффективного использования подходов КЛ в разных дисциплинах программы *Компьютерная лингводидактика* целесообразно разработать единое пособие, содержащее конкретные задания на обращение к корпусам в рамках разных дисциплин Программы «Компьютерная лингводидактика» и рекомендации для преподавателей. Обращение к разным корпусам способствует формированию лингвисти-

ческой, компьютерной, исследовательской компетенции студентов. Наличие единого пособия позволит оптимизировать процесс формирования указанных компетенций в рамках разных дисциплин.

«Объединив усилия, корпусная лингвистика и лингводидактика смогут найти адекватное и пропорциональное отражение безграничной стихии языка в ограниченном по объему и доступном для усвоения учебном пособии» [54, с. 115].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Плуменя В.А. Корпус как инструмент и как идеология: О некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
2. Corpus linguistics. International conference. 25–28 July 2017, University of Birmingham. Abstract book ed. S. Hunston and M. Nasser. 2017. URL: <http://paulslals.org.uk/ccr/CL2017ExtendedAbstracts.pdf>.
3. Michel J.-B., Shen Y.K., Aiden A.P., Veres A., Gray M.K., Pickett J.P., Hoiberg D., Clancy D., Norvig P., Orwant J., Pinker S., Nowak M.A., Aiden E.L. Quantitative analysis of culture using millions of digitized books // Science. No 331(6014). 2011. Pp. 176–182.
4. Масевич А.Ц., Захаров В.П. Методы корпусной лингвистики в исторических и культурологических исследованиях // Труды XIX Международной объединенной научной конференции «Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии». 2016. С. 24–43.
5. Kilgarriff A., Charalabopoulou F., Gavriliadou M., Johannessen J.B., Khalil S., Kokkinakis S.J., Lew R., Sharoff S., Vadlapudi R., Volodina E. Corpus-based vocabulary lists for language learners for nine languages Language Resources and Evaluation. 2014. Vol. 48 (1). Pp. 121–163.
6. Kilgarriff A., Baisa V., Bušta J., Jakubíček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V. The Sketch Engine: ten 2019s on. // Lexicography. ASIALEX. 2014. Vol. 1. No 1. Pp. 7–36. DOI: 10.1007/s40607-014-0009-9
7. Benko V. Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora // In: P. Sojka et al. (Eds.) Text, Speech and Dialogue. TSD 2014. Lecture Notes in Computer Science. 2014. Vol. 8655. Springer, Cham. Pp. 247–254.
8. The Handbook of English for Specific Purposes / Ed. by B. Paltridge and Sue Starfield. Oxford: Wiley-Blackwell. 2013.
9. Алексеева Л.Е. Методика обучения профессионально ориентированному иностранному языку: Курс лекций: Метод. пособие. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2007.
10. Huhhta M., Vogt K., Johnson E., Tulkki H. Needs Analysis for Language Course Design: A holistic approach to ESP / Ed. by D. Holl. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2013.
11. Bartlett F.C. Remembering: A Study in Experimental Social Psychology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932.
12. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика-Пресс, 1999.
13. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. труды. М.: Гнозис, 2005.
14. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011.
15. Römer U. Corpora and language teaching // Origin and history of corpus linguistics – corpus linguistics vis-à-vis other disciplines (ed. A. Lüdeling M. Kytö). 2009. Pp. 112–131. Berlin, Germany: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 10785
16. Раицкая Л.К. Дидактические возможности корпусных интернет-технологий в преподавании иностранного языка в высшей школе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2009. № 4. С. 123–127.
17. Sinclair J. Reading Concordances. An Introduction. London: Pearson Longman, 2003.
18. Shaw E.M. Teaching Vocabulary Through Data-driven Learning, 2011. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Teaching-Vocabulary-Through-Data-Driven-LearningShaw/d1758aa87bcf9211957f1f5738d4d39bd38c2f72>
19. Коган М.С. Пути интегрирования подходов корпусной лингвистики в программу подготовки переводчиков // VII международная научно-практическая конференция «Перевод. Язык. Культура». 2016. С. 215–219.
20. Коган М.С., Куликова Е.В. Корпус как ресурс для изучения лексико-грамматических аспектов английского языка для специальных целей // IX международная научно-практическая конференция «Перевод. Язык. Культура». 2018. С. 97–103.
21. Johns T. Should you be persuaded – Two samples

of data-driven learning materials // In T. Johns & P. King (Eds.) *Classroom Concordancing*. Birmingham University [ELR Journal, 4]. 1991. Pp. 1-16.

22. **Boulton A., Cobb T.** Corpus use in language learning: A meta-analysis // *Language Learning*. 2017. Vol. 67(2), Pp.348–393.

23. **Агафонова Л.И.** Некоторые вопросы использования корпусных технологий как фактора повышения качества обучения иностранным языкам // *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена*. СПб., 2009. № 87. С. 80-88.

24. **Садовникова О.Э.** Прямое и косвенное использование корпусов в зарубежной лингводидактике // *Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit*. 2013. № 2. С. 152–161.

25. **Kogan M., Kolotaeva A., Yaroshevich A., Zakharov V.** On prospects of using the DDL approach in GSP course // *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS*. 2018. Pp. 1763–1775.

26. **Дикарева С.С.** Корпусные технологии в режиме диалога «преподаватель — студент-исследователь» // *Труды международной конференции «Корпусная лингвистика — 2011»*, 27–29 июня 2011 г., Санкт-Петербург. С.-Петербургский гос. университет. Филологический факультет. 2011. С. 157–162.

27. **Cobb T., Boulton A.** Classroom applications of corpus analysis // In (Eds) *Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics* (ed. D. Biber & R. Reppen). 2015. Pp. 478-497. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139764377.027. 2015

28. **Hyland K.** Writing without conviction? Hedging in science research articles, *Applied Linguistics*. 1996. Vol. 17(4). Pp. 433-454.

29. **Safronenkova E.L.** Hedging vs tolerance in presenting the scientific result in research articles (based on English research articles of the humanities field), *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 2019. Vol. 10, № 3, Pp. 51-57. DOI: 10.18721/JHSS.10305

30. **Захаров В.П., Богданова С.Ю.** Корпусная лингвистика: Учебник — 2-е изд. СПб: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013.

31. **Anthony L.** A critical look at software tools in corpus linguistics // *Linguistic Research*, 2013. Vol. 30, No 2, Pp. 141–161.

32. **Brezina V.** Collocation graphs and networks: Selected applications // *Lexical collocation analysis: Advances and applications* / ed. P. Cantos-Gómez & M. Almela-Sánchez. Cham, Switzerland: Springer International. 2018. Pp. 59–83.

33. **Коган М.С., Ярошевич А.М., Колотаева А.Ю., Захаров В.П., Шрот-Вихерт З., Тильманс А.** К проблеме создания списка высокочастотных слов и выражений немецкого языка для

специальных целей // *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии*. Выпуск 2 (Труды XXI Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество, IMS-2018, Санкт-Петербург, 31 мая — 2 июня 2018 г. Сборник научных статей). СПб: Университет ИТМО, 2018. С. 44–55.

34. **Соснина Е.П.** Корпусная лингвистика и корпусный подход в обучении иностранному языку // *Прикладная лингвистика: официальный сайт Ульяновского государственного технического университета*. URL: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_linguistics_language_teaching/

35. **Богданова С.Ю.** Возможности корпусной методологии в решении лингвистических задач // *Вестник ИГЛУ*. № 2 (18). 2012. С.47–50.

36. **Добрушина Н.Р.** Корпусная методика обучения русскому языку [Corpus-based approach in teaching the Russian language] // *Национальный корпус русского языка. 2006–2008. Новые результаты и перспективы*. СПб.: Нестор-История. 2009. С. 338–351.

37. **Горина О.Г.** К вопросу о корпусном отборе ключевых лексических единиц // *Stephanos*. 2017. № 1(21). С. 111–117.

38. **Титова С.В., Самойленко О.Ю.** Структура информационно-коммуникационной компетенции преподавателя вуза // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 22. №3 (167). С. 39–48.

39. **Иовлева В.И., Попова Н.В.** Междисциплинарная модель обучения иностранному языку как отражение интегративных тенденций современного образовательного пространства // *Актуальные проблемы языкознания*. 2015. Т. 1. С. 129–130.

40. **Халыпина Л.П., Попова Н.В., Кузнецова О.В.** Междисциплинарное проектирование как средство реализации интегрированного предметно-языкового обучения в вузе // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2017. Т. 8, № 3. С. 145–152. DOI: 10.18721/JHSS.8314

41. **Акопова М.А., Попова Н.В.** Междисциплинарные связи в высшей школе. Санкт-Петербург. 2014.

42. **Попова Н.В., Коган М.С., Вдовина Е.К.** Предметно-языковое интегрированное обучение (CLIL) как методология актуализации междисциплинарных связей в техническом вузе // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 23, № 173 С.29–42.

43. **Vyatkina N.** Data-driven learning for beginners: The case of German verb-preposition collocations // *ReCALL*. 2016. Vol. 28, No.2. Pp. 207-226. DOI: 10.1017/S0958344015000269

44. **Vyatkina N.** Data-driven learning of collocations: Learner performance, Proficiency, and Perceptions // *Language Learning & Technology*. 2016. Vol. 20, No.3. Pp. 159–179. <http://llt.msu.edu/issues/october2016/vyatkina.pdf>
45. **O'Sullivan Í, Chambers A.** Learners' writing skills in French: Corpus consultation and learner evaluation // *Journal of Second Language Writing*. 2006. 15(1), 49–68. DOI: 10.1016/j.jslw.2006.01.002
46. **Lavid J.** Contrastive patterns of mental transitivity in English and Spanish: A student-centred corpus-based study // In E. Hidalgo, L. Quereda & J. Santana (Eds.) *Corpora in the foreign language classroom*. (pp. 237-252). Amsterdam: Rodopi. 2007.
47. **Kogan M., Yaroshevich A., Ni O.** Corpus-Based Teaching German Compound Nouns and Lexical Bundles for Improving Academic Writing Skills of Engineering Students// *Lidil*. 2018. № 58. Pp. 1–30. URL :<http://journals.openedition.org/lidil/5438>
48. **Baker P.** *Using Corpora in Discourse Analysis*. London: Continuum. 2006.
49. **Hyland K.** *Corpus Informed Discourse Analysis: The Case of Academic Engagement* // *Academic Writing: At the Interface of Corpus and Discourse* (ed. M. Charles, D. Pecorari, S. Hunston). London, U.K.: Continuum International Publishing Group, pp. 110–128. ISBN 9781847064363
50. **Чернявская В.Е.** Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? объяснительные возможности качественного и количественного подходов // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2018. № 2 (55). С. 31–37.
51. **Добрушина Н.Р.** Как использовать Национальный корпус русского языка в образовании? // *Национальный корпус русского языка: 2003–2005*. М.: Индрик, 2005. С. 308–329.
52. **Слободян Е.А.** Обучение методике составления упражнений с помощью Национального корпуса русского языка // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2010. №1.
53. **Ольховская А.И., Парамонова М.К.** Корпус в преподавании русского языка и литературы // *Rhema*. Рема. 2019. № 1. С. 93–123.
54. **Leńko-Szymańska A.** Training teachers in data-driven learning: Tackling the challenge // *Language Learning & Technology*. 2017. Vol. 21 (3) Pp. 217–241.
55. **Сибирцева В.Г., Хоменко А.Ю., Баранова Ю.Н.** Национальный корпус русского языка как основа новаторских электронных учебников // *Образовательные технологии и общество*. 2013. Т. 16. № 3. С. 508–521.

Статья поступила в редакцию 17.10.2019

REFERENCES

- [1] **V.A. Plungyan**, Korpus kak instrument i kak ideologiya: O nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as a tool and ideology: Some lessons of modern corpus linguistics]// *Russkii yazyk v nauchnom osvещenii*. 2 (16) (2008) 7–20.
- [2] *Corpus linguistics. International conference*. 25-28 July 2017, University of Birmingham. Abstract booked. S. Hunston and M. Nasser. 2017. URL: <http://paulslals.org.uk/ccr/CL2017ExtendedAbstracts.pdf>
- [3] **J.-B. Michel, Y.K. Shen, A.P. Aiden, A. Veres, M.K. Gray, J.P. Pickett, D. Hoiberg, D. Clancy, P. Norvig, J. Orwant, S. Pinker, M.A. Nowak, E.L. Aiden**, Quantitative analysis of culture using millions of digitized books, *Science*. 331 (6014) (2011) 176–182.
- [4] **A.Ts. Masevich, V.P. Zakharov**, Metody korpusnoy lingvistiki v istoricheskikh i kulturologicheskikh issledovaniyakh [Corpus linguistics methods in historical and culturological studies], *Trudy XIX Mezhdunarodnoy obyedinennoy nauchnoy konferentsii «Kompyuternaya lingvistika i vychislitelnyye ontologii»*. 2016. S. 24–43.
- [5] **A. Kilgariff, F. Charalabopoulou, M. Gavrilidou, J.B. Johannessen, S. Khalil, S.J. Kokkinakis, R. Lew, S. Sharoff, R. Vadlapudi, E. Volodina**, Corpus-based vocabulary lists for language learners for nine languages *Language Resources and Evaluation*. 48 (1) (2014) 121–163.
- [6] **A. Kilgariff, V. Baisa, J. Bušta, M. Jakubíček, V. Kovář, J. Michelfeit, P. Rychlý, V. Suchomel**, The Sketch Engine: ten years on, *Lexicography*. ASIALEX. 1(1) (2014) 7–36. DOI: 10.1007/s40607-014-0009-9
- [7] **V. Benko**, Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora, In: P. Sojka et al. (Eds.) *Text, Speech and Dialogue. TSD 2014. Lecture Notes in Computer Science*. Springer, Cham. 8655 (2014) 247–254.
- [8] *The Handbook of English for Specific Purposes* / Ed. by B. Paltridge and Sue Starfield. Oxford: Wiley-Blackwell. 2013.
- [9] **L.Ye. Alekseyeva**, Metodika obucheniya professionalno oriyentirovannomu inostrannomu yazyku: Kurs lektsiy: Metod. posobiye. [Methodology of teaching professionally-oriented foreign language: A course of lectures: Manual]. SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2007.
- [10] **M. Huhta, K. Vogt, E. Johnson, H. Tulkki**, Needs Analysis for Language Course Design: A holistic approach to ESP / Ed. by D. Holl. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2013.

- [11] **F.C. Bartlett**, *Remembering: A Study in Experimental Social Psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932.
- [12] **L.S. Vygotskiy**, *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Pedagogical psychology]. M.: Pedagogika-Press, 1999.
- [13] **A.A. Zalevskaya**, *Psikholingvisticheskiye issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbr. trudy* [Psycholinguistic studies. Word. Text: Selecta], M.: Gnozis, 2005.
- [14] **T.G. Skrebtsova**, *Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy* [Cognitive linguistics: A course of lectures]. SPb.: Filol. f-t SPbGU, 2011.
- [15] **U. Römer**, *Corpora and language teaching, Origin and history of corpus linguistics – corpus linguistics vis-à-vis other disciplines* (ed. A. Lüdeling M. Kytö). 2009. R. 112–131. Berlin, Germany: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 10785.
- [16] **L.K. Raitskaya**, *Didakticheskiye vozmozhnosti korpusnykh internet-tehnologiy v prepodavanii inostrannogo yazyka v vysshey shkole* [Didactic uses of corpus-related technologies in teaching a foreign language in higher school], *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika*. 4 (2009) 123–127.
- [17] **J. Sinclair**, *Reading Concordances. An Introduction*. London: Pearson Longman, 2003.
- [18] **E.M. Shaw**, *Teaching Vocabulary Through Data-driven Learning*, 2011. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Teaching-Vocabulary-Through-Data-Driven-LearningShaw/d1758aa87bcf9211957f1f5738d4d39bd38c2f72>
- [19] **M.S. Kogan**, *Puti integrirvaniya podkhodov korpusnoy lingvistiki v programmu podgotovki perevodchikov* [Ways of integrating approaches of corpus linguistics into the translators training programme], VII mezhhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Perevod. Yazyk. Kultura». 2016. Pp. 215–219.
- [20] **M.S. Kogan, Ye.V. Kulikova**, *Korpus kak resurs dlya izucheniya leksiko-grammaticheskikh aspektov angliyskogo yazyka dlya spetsialnykh tseley* [Corpus as a resource for lexico-grammar aspect of ESP], IX mezhhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Perevod. Yazyk. Kultura». 2018. Pp. 97–103.
- [21] **T. Johns**, *Should you be persuaded – Two samples of data-driven learning materials*, In T. Johns & P. King (Eds.) *Classroom Concordancing*. Birmingham University [ELR Journal, 4]. 1991. Pp. 1–16.
- [22] **A. Boulton, T. Cobb**, *Corpus use in language learning: A meta-analysis*, *Language Learning*. 67 (2) (2017) 348–393.
- [23] **L.I. Agafonova**, *Nekotoryye voprosy ispolzovaniya korpusnykh tekhnologiy kak faktora povysheniya kachestva obucheniya inostrannym yazykam* [Some issues of corpus technologies as a quality development factor for teaching foreign languages], *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena*. SPb. 87 (2009) 80–88.
- [24] **O.E. Sadovnikova**, *Pryamoye i kosvennoye ispolzovaniye korpusov v zarubezhnoy lingvodidaktike* [Direct and indirect corpora applications foreign language pedagogy], *Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoy Sibiri Magister Dixit*. 2 (2013) 152–161.
- [25] **M. Kogan, A. Kolotaeva, A. Yaroshevich, V. Zakharov**, *On prospects of using the DDL approach in GSP course*, *The European Proceedings of Social&Behavioural Sciences EpSBS*. 2018. Pp. 1763–1775.
- [26] **S.C. Dikareva**, *Korpusnyye tekhnologii v rezhime dialoga «prepodavatel – student-issledovatel»* [Corpus technologies in conversational mode “teacher – student-researcher”], *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii «Korpusnaya lingvistika – 2011»*, 27–29 iyunya 2011 g., Sankt-Peterburg. S.-Peterburgskiy gos. universitet. Filologicheskii fakultet. 2011. Pp. 157–162.
- [27] **T. Cobb, A. Boulton**, *Classroom applications of corpus analysis*, In (Eds) *Cambridge Handbook of English Corpus Linguistics* (p/red. D. Biber & R. Reppen). 2015. Pp. 478–497. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9781139764377.027. 2015
- [28] **K. Hyland**, *Writing without conviction? Hedging in science research articles*, *Applied Linguistics*. 17 (4) (1996) 433–454.
- [29] **E.L. Safronenkova**, *Hedging vs tolerance in presenting the scientific result in research articles (based on English research articles of the humanities field)*, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 10 (3) (2019) 51–57. DOI: 10.18721/JHSS.10305
- [30] **V.P. Zakharov, S.Yu. Bogdanova**, *Korpusnaya lingvistika : Uchebnik – 2-ye izd.* [Corpus linguistics: textbook, 2-nd edition] SPb: SPbGU. RIO. Filologicheskii fakultet, 2013.
- [31] **L. Anthony**, *A critical look at software tools in corpus linguistics*, *Linguistic Research*, 30 (2) (2013) 141–161.
- [32] **V. Brezina**, *Collocation graphs and networks: Selected applications, Lexical collocation analysis: Advances and applications*, ed. P. Cantos-Gómez & M. Almela-Sánchez. Cham, Switzerland: Springer International. 2018. Pp. 59–83.
- [33] **M.S. Kogan, A.M. Yaroshevich, A.Yu. Kolotayeva, V.P. Zakharov, Z. Shrot-Vikher, A. Tilmans**, *K probleme sozdaniya spiska vysokochastotnykh slov i vyrazheniy nemetskogo yazyka dlya spetsialnykh tseley* [On problem of creating a German engineering academic words and formulas list], *Kompyuternaya lingvistika i vychislitelnyye*

ontologii. Vypusk 2 (Trudy XXI Mezhdunarodnoy obyedinennoy konferentsii «Internet i sovremennoye obshchestvo, IMS-2018, Sankt-Peterburg, 31 maya - 2 iyunya 2018. Sbornik nauchnykh statey). SPb: Universitet ITMO, 2018. Pp. 44–55.

[34] **Ye.P. Sosnina**, Korpusnaya lingvistika i korpusnyy podkhod v obuchenii inostrannomu yazyku [Corpus linguistics and corpus-based approach in foreign language teaching], Prikladnaya lingvistika: ofitsialnyy sayt Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. URL: http://ling.ulstu.ru/linguistics/resources/literature/articles/corpus_linguistics_language_teaching/

[35] **S.Yu. Bogdanova**, Vozmozhnosti korpusnoy metodologii v reshenii lingvisticheskikh zadach [Possibilities of Corpus methodology in solving linguistic problems], Vestnik IGLU. 2 (18) (2012) 47–50.

[36] **N.R. Dobrushina**, Korpusnaya metodika obucheniya russkomu yazyku [Corpus-based approach in teaching the Russian language], Natsionalnyy korpus russkogo yazyka. 2006–2008. Novyye rezultaty i perspektivy. SPb.: Nestor-Istoriya. 2009. Pp. 338–351.

[37] **O.G. Gorina**, K voprosu o korpusnom otbore klyuchevykh leksicheskikh yedinit [Towards corpus-informed computing of key words], Stephanos. 1 (21) (2017) 111–117.

[38] **S.V. Titova, O.Yu. Samoylenko**, Struktura informatsionno-kommunikatsionnoy kompetentsii prepodavatelya vuza [Structure of higher educational institution lecturer's information and communication competence], Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 22 (3) (167) (2017) 39–48.

[39] **V.I. Iovleva, N.V. Popova**, Mezhdistsiplinarnaya model obucheniya inostrannomu yazyku kak otrazheniye integrativnykh tendentsiy sovremennogo obrazovatel'nogo prostranstva [Interdisciplinary model of foreign language teaching as reflection of integrating trends in modern educational environment], Aktualnyye problemy yazykoznaniya. 1 (2015) 129–130.

[40] **L.P. Khalyapina, N.V. Popova, O.V. Kuznetsova**, Interdisciplinary design as a means of implementing content and language integrated learning in higher education, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 145–152. DOI: 10.18721/JHSS.8314

[41] **M.A. Akopova, N.V. Popova**, Mezhdistsiplinarnyye svyazi v vysshey shkole [Interdisciplinary links in higher education], Sankt-Peterburg. 2014.

[42] **N.V. Popova, M.S. Kogan, Ye.K. Vdovina**, Predmetno-yazykovoye integrirovannoye obucheniye (CLIL) kak metodologiya aktualizatsii mezhdistsiplinarnykh svyazey v tekhnicheskoye vuze

[Content and language integrated learning (CLIL) as actualization methodology of interdisciplinary links in technical university], Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 23 (173) (2018) 29–42.

[43] **N. Vyatkina**, Data-driven learning for beginners: The case of German verb-preposition collocations, ReCALL. 28 (2) (2016) 207–226. DOI:10.1017/S0958344015000269

[44] **N. Vyatkina**, Data-driven learning of collocations: Learner performance, Proficiency, and Perceptions, Language Learning & Technology. 20 (3) (2016) 159–179. URL: <http://llt.msu.edu/issues/october2016/vyatkina.pdf>

[45] **Í. O'Sullivan, A. Chambers**, Learners' writing skills in French: Corpus consultation and learner evaluation, Journal of Second Language Writing. 15 (1) (2006) 49–68. DOI: 10.1016/j.jslw.2006.01.002

[46] **J. Lavid**, Contrastive patterns of mental transitivity in English and Spanish: A student-centred corpus-based study, In E. Hidalgo, L. Quereda & J. Santana (Eds.) Corpora in the foreign language classroom. (pp. 237–252). Amsterdam: Rodopi. 2007.

[47] **M. Kogan, A. Yaroshevich, O. Ni**, Corpus-Based Teaching German Compound Nouns and Lexical Bundles for Improving Academic Writing Skills of Engineering Students, Lidil. 58 (2018) 1–30. URL: <http://journals.openedition.org/lidil/5438>

[48] **P. Baker**, Using Corpora in Discourse Analysis. London: Continuum. 2006.

[49] **K. Hyland**, Corpus Informed Discourse Analysis: The Case of Academic Engagement, Academic Writing: At the Interface of Corpus and Discourse (p/r M. Charles, D. Pecorari, S. Hunston). London, U.K.: Continuum International Publishing Group, pp. 110–128. ISBN 9781847064363

[50] **Chernyavskaya V.Ye.** Diskursivnyy analiz i korpusnyye metody: neobkhodimoye dokazatel'noye zveno? obyasnitel'nyye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Discourse analysis and corpus approaches: a missing evidence-based link? Towards qualitative and quantitative approaches in language studies.], Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2 (55) (2018) 31–37.

[51] **N.R. Dobrushina**, Kak ispolzovat Natsionalnyy korpus russkogo yazyka v obrazovanii? [How should the Russian National Corpus be used in teaching?], Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. M.: Indrik, 2005. Pp. 308–329.

[52] **Ye.A. Slobodyan**, Obucheniye metodike sostavleniya uprazhneniy s pomoshchyu Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka // Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke. 1 (2010).

[53] **A.I. Olkhovskaya, M.K. Paramonova**, Korpus v prepodavanii russkogo yazyka i literatury [Corpus in

teaching the Russian language and literature], Rhema. Rema. 1 (2019) 93–123.

[54] **A. Leńko-Szymańska**, Training teachers in data-driven learning: Tackling the challenge, Language Learning & Technology. 21 (3) (20170) 217–241.

[55] **V.G. Sibirtseva, A.Yu. Khomenko, Yu.N. Baranova**, Natsionalnyy korpus russkogo yazyka kak osnova novatorskikh elektronnykh uchebnikov [The Russian National Corpus as the basis for innovative electronic textbooks], Obrazovatelnyye tekhnologii i obshchestvo. 16 (3) (2013) 508–521.

Received 17.10.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Дмитриев Александр Владиславович
Dmitrijev Alexander V.
E-mail: avd84@list.ru

Коган Марина Самуиловна
Kogan Marina S.
E-mail: m_kogan@inbox.ru

DOI: 10.18721/JHSS.10408

УДК: 316

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ «УНИВЕРСИТЕТА 4.0»

М.С. Арканникова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Статья посвящена исследованию процесса формирования современных коммуникационных технологий в условиях глобальной цифровой трансформации. Методологическим принципом работы выступил социологический анализ. В работе описывается модель новой роли университетов, культурный код социальных инноваций университетов нового типа в рамках экономики знаний. В частности, рассматриваются коммуникационные стратегии в контексте трансформации от «Университета 1.0» к «Университету 4.0». Результаты исследования показывают, что в контексте новой экономики знаний и нового социального заказа (в социологическом аспекте институционального, системного и кросс-культурного подходов) всех заинтересованных акторов: промышленность — образование — наука — государство — общество (что соответствует модели «Университет 4.0»), университет уже не только генерирует современные знания, но и обеспечивает их трансфер в национальную систему общественного развития, формирует особую социальную, культурную и интеллектуальную среду. Данная работа является попыткой инициировать более пристальное рассмотрение механизмов инновационных процессов в университетской среде в части генерации социально-культурных стартапов, технологических и институциональных приоритетов, проблем регионального дисбаланса образовательного пространства и прогнозирования социально-экономической ситуации в России в контексте ее конкурентоспособности и перспектив создания инфраструктуры, точек роста экономики знаний.

Ключевые слова: стратегические коммуникации, корпоративные коммуникации, социальные инновации, социальный заказ в образовании, Университет 4.0

Ссылка при цитировании: Арканникова М.С. Стратегические коммуникации в контексте культуры социальных инноваций «Университета 4.0» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 86–93. DOI: 10.18721/JHSS.10408

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

STRATEGIC COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF “UNIVERSITY 4.0” SOCIAL INNOVATION CULTURE

M.S. Arkannikova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The paper is devoted to studying the formation of modern communication technologies in the conditions of the global digital transformation. The methodological principle of work was a sociological analysis. The paper describes the model of the university's new role, cultural code of social innovations for new-type universities within the knowledge economy. The study considers communication strategies in terms of shifting from “University 1.0” to “University 4.0”. The results of the study show that in the context of the new knowledge economy and the new social order (in the sociological aspect of institutional, systemic and cross-cultural approaches) of all interested actors: industry — education — science — state — society (which corresponds to the University 4.0 model), the university not only generates modern knowledge, but also provides their transfer to the national system of social development, forms a special social, cultural and intellectual environment. This work is an attempt to initiate a closer examination of the mechanisms of innovative processes in the university environment

in terms of generating socio-cultural startups, technological and institutional priorities, problems of the regional imbalance of the educational space and forecasting the socio-economic situation in Russia in the context of its competitiveness and prospects for creating infrastructure, points knowledge economy growth.

Keywords: strategic communications, corporate communications, innovations, social order in education, University 4.0

Citation: M.S. Arkannikova, Strategic communication in the context of “University 4.0” social innovation culture, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 86–93. DOI: 10.18721/JHSS.10408

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

Стремительно движущийся и постоянно меняющийся мировой технологический фронт, формирование принципиально новых бизнес-процессов и стратегий развития, как сопровождающие процедуры глобальных изменений четвертой промышленной революции, острота дискурса, затрагивающего темы форсайта тотальной цифровизации, автоматизации и интеллектуализации промышленности, объединения материального и цифрового/виртуального миров, — все эти реалии инициировали развитие в современных условиях нового феномена, именуемого «Университет 4.0». Эволюция к новой модели определяется тем, что мировая тенденция современного технологического развития становится ключевым фактором, определяющим деятельность всех заинтересованных акторов — инженерное образование, наука, государство, промышленность.

Сегодня болевой точкой отечественной промышленности по-прежнему остается системная проблема в недостатке компетенций по быстрой и эффективной сборке проектных консорциумов для решения проблем-вызовов государственного значения по созданию глобально конкурентоспособных продуктов нового поколения. По мнению экспертов, «окно возможностей» для вывода продуктов и услуг на глобальный высокотехнологичный рынок закрывается раньше, чем Россия успевает им воспользоваться. Темой многочисленных научных и событийных дискуссий последних лет является прогнозирование развития технологий, что обусловлено активным формированием государственной политики по поддержке новых технологий в целом и передовых производственных технологий в частности. Для успешной реализации этой деятельности экспертные организации и научно-образовательные институты на регулярной основе проводят форсайт-исследования,

стратегические сессии, направленные на совместное формирование значимых для организаций дорожных карт развития, стратегий управления изменениями в компаниях. В центре внимания — стратегии развития российского инженерного образования в условиях трансформации социального заказа.

В проблемное поле дискурса включены вопросы: перспектив создания инфраструктуры, точек роста экономики знаний, тенденций и закономерностей функционирования и развития современного инженерного вуза с промышленностью, бизнесом, государством, обществом; разработки новых парадигм инженерного образования и приоритетов управления вузом; критериальных оценок его деятельности, согласно четырех признаков: целостность, прозрачность, устойчивость, управляемость; капитализации интеллектуального потенциала вуза; создания системы рекомендаций по интеграции и адаптации лучших практик в живую ткань научно-образовательного процесса технических вузов Российской Федерации; формирования особой корпоративной культуры и культуры социальных инноваций; корпоративных стратегий и коммуникаций; позиционирования и продвижения инновационных российских образовательных брендов на глобальном рынке образовательных услуг; продвижения достижений отечественной вузовской науки и позиционирования России как конкурентоспособного государства в мировом пространстве.

Данное исследование не охватывает, конечно, всего круга проблем являющихся предметом изучения российского инженерного образования, что объясняется прежде всего целевой установкой работы — фокусировки на анализе коммуникационного потенциала российских технических вузов в контексте деятельностного подхода. Объектом исследования являются стратегические коммуникации российских

технических университетов в условиях трансформации целевых, ценностных и организационных моделей национальной высшей школы. Цель данной работы — определить роль и значение стратегических корпоративных коммуникаций технических университетов в условиях перехода от классического линейного взаимодействия с целевыми группами общественности к многомерной модели, где ключевым актором становится аудитория, которая создает и потребляет инновационные продукты.

Все это обуславливает актуальность и расширяет границы возможного заявленной автором темы в исследовательском пространстве, правомерность научного поиска в контексте производственных, организационно-технических, маркетинговых, социально-психологических аспектов эффективных корпоративных коммуникаций в области социологии управления, менеджмента, в том числе коммуникационного, маркетинга, публичных релейшнз.

Методология исследования

Для анализа единицами наблюдения были выбраны технические университеты России как акторы, которые являются системообразующими, стратегически важными площадками, обладающими базовыми, опорными сервисами для своих регионов, профильных отраслей и в целом экономики в части создания современной, рыночной, инновационной национальной системы (выборка: 115 технических университетов России — члены Ассоциации технических университетов, по состоянию на 07.09.2017 г.). Анализ включал исследование системы коммуникации, особенностей организационной структуры, принципов взаимодействия подразделений и уровней управления в высшей технической школе. С целью повышения обоснованности интерпретации результатов автор обратился к фокусированному (направленному) формализованному виду интервью (проведено в декабре 2018 г. в рамках гранта РФФИ «Российское инженерное образование в условиях трансформации социального заказа и перспектив создания инфраструктуры, точек роста экономики знаний»).

В основу работы легли результаты исследований Института проблем региональной экономики РАН, ФГАНУ «Центра социологических исследований», Агентства стратегических инициатив при Президенте РФ, Центра стратегических разработок «Северо-Запад», Московского института социально-культурных программ, доклады панельных дискуссий и анализ проектов «Национальной технологической

инициативы» и ОАО РВК, а также глобальный форсайт образования 2035, анализ дорожных карт 2014–2018 гг. вузов-участников конкурсного отбора на право получения субсидии Минобрнауки России в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров «Программы 5-100-2020». В исследовании за основу были взяты классические теории социологии, разработанные Э. Дюркгеймом, М. Вебером, П. Сорокиным, Т. Парсонсом. Автор опирается на методологические работы современных российских ученых А. Здравомыслова, В. Мансурова, В. Ядова, Д. Гавры, О. Гнатюк, на анализ инновационного аспекта современного инженерного образования в трудах И. Федорова, Ю. Похолкова, А. Чучалина, М. Соловьева, Б. Агранович, О. Пираловой. Необходимо отметить значимость работ А. Рудского, А. Боровкова, П. Романова, В. Княгинина, Е. Кузнецова, А. Волкова, М. Фюльзакса, П. Щедровицкого, В. Чернявской и др., которые позволили автору сформировать теоретико-методологическую позицию в изучении российского инженерного образования в современных условиях трансформации.

Результаты исследования

Современные тренды мировой университетской среды формируют центральные приоритеты становления университетов нового типа. Вызовы глобальной экономики знаний, гонка за высокими ротациями в мировых рейтингах университетов, возрастающая академическая мобильность, развитие дистанционного образования, очевидная исчерпанность классической образовательной модели, традиционного способа бытия человека в культуре, равно как и исчерпанность существующего ранее способа мышления — все это формирует новые роли университетов в мире [1, 2, 11, 12, 15–19], указывает на потребность новой дорожной карты стратегических коммуникаций университетов, с одной стороны. С другой — указывает на фундаментальную трудность и социальную инерцию, с которой уже сейчас сталкивается университетская среда. Тем важно обратиться к анализу структуры и сущности этой трансформации, а также коммуникативных практик внутри этого феномена. Прежде всего, нас интересует вопрос определения предметного поля.

Современные университеты — это ядро общества знаний, важнейший канал трансфера технологий [11, Сафронова 2006, Morris 2009, Shsne 2004]. Новый институциональный дизайн современных университетов определил

им важную роль — роль инновационных хабов в национальной инновационной системе страны. Потенциал таких институтов общества безграничен: от формирования «нового типа образованности» как способности человека «строить себя самого» [Выготский 1983] и как «воспроизводство родовой субстанции человека» [Сафронова 2006] до становления ключевых институциональных участников национальных инновационных систем в контексте «тройной спирали инноваций», реализуемых университетами, промышленностью и государством [Ицковиц 2008, 2013], а также многомерной модели где ключевым актором становится аудитория, которая создаёт и потребляет инновационные и сложные продукты [Шилина 2012].

В контексте нового социального заказа (в социологическом аспекте институционального, системного и кросс-культурного подходов) всех заинтересованных акторов: промышленность — образование — наука — государство — общество (что соответствует модели «Университет 4.0»), университет уже не только генерирует современные знания, но и обеспечивает их трансфер в национальную систему общественного развития, формирует особую социальную, культурную и интеллектуальную среду. Управление этими факторами — новый вызов PR-департаментам университетской среды, который можно охарактеризовать, процитировав ведущего исследователя инноваций П. Щедровицкого: «Новая промышленная революция — это, прежде всего, изменение технологии мышления». Университеты, скорость реакции которых ниже темпов изменения внешних условий будут выдавливаться с мирового рынка образовательных услуг. «Темпы изменений чрезвычайно высоки, времени для «раскачки» нет: чтобы работать на будущих высокотехнологичных рынках лет через 10-15, необходимо быть лидером уже сейчас» — считают эксперты [2].

При описании эволюции университетов обычно говорят об их моделях, где каждая последующая модель, как правило, включает все предыдущие. Университет модели 1.0 осуществляет в основном образовательную деятельность, в «Университете 2.0» к образовательной добавляется научно-исследовательская деятельность, причём наука выступает драйвером развития образования. «Университет 3.0» реализует научно-образовательную и предпринимательскую деятельность, где образование строится на результатах передовых научных исследований, а предпринимательская

деятельность должна приводить к формированию экосистемы инноваций вокруг университета. «Университет 4.0» способен решать сложнейшие проблемы-вызовы современной высокотехнологичной промышленности, которые по ряду причин не может решить сама промышленность. Такой университет реализует функцию поставщика знаний о будущем, способен максимально эффективно проявлять функцию капитализации собственных знаний — он является трендом развития высокотехнологического рынка [2, 10, 11, 12, 18].

Рассуждая в русле теории новой институциональной экономики формирование нового типа социокультурной реальности «Университета 4.0» во многом определяется социальными инновациями, которые формируются в результате генерации и реализации новых идей о том, как люди должны организовывать межличностное взаимодействие или социальную деятельность, чтобы удовлетворить одну или более общих целей [Guston, Valdivia 2013]. Проявляется данная трансформация, прежде всего, в целеполагании (новая модель управления университетом — shared governance, формирование стратегии развития университета, учитывающей новые контекст социального заказа). Данная модель интерпретирует университет как единое когнитивное пространство, формирующее знания, навыки мышления и реализующее проект инновационного императива. Эволюция к модели «Университета 4.0» определяется формированием инновационной (прогнозно-проектной) культуры, в пространстве которой только и возможно становление нового типа университета (университет как домен культуры), нового типа образования (холистического) и нового типа сознания (ноосферного) [Сафронова 2006, Киселёв 2012, и др.] — в этом заложена суть стратегического предназначения, миссия и социальная значимость «Университета 4.0». Отдельные подразделения вуза, способные к рефлексии, становятся драйверами развития всей университетской среды, базовыми, опорными сервисами для своих регионов и профильных отраслей. Именно это создает оптимальные условия для формирования конкурентоспособных специалистов нового поколения, становления творческой личности человека-деятели, адаптированного к современным реалиям, самостоятельно, творчески мыслящего исследователя и изобретателя, обладающего опережающим видением быстро изменяющихся социально-экономических процессов глобального мира и в то же время

отличающегося высокой эрудицией в своей профессиональной сфере — инженерную элиту страны. Причем совсем необязательно, что все технические вузы могут и/или должны стремиться к этой модели — у каждого своя траектория развития. Такой подход не противоречит как институциональному статусу высших профессиональных учреждений, так и декларируемому основополагающему принципу Указа № 599 Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»: научно-образовательные, предпринимательские цели, экономическая и социальная ответственность дополняют друг друга, гармонично сочетаясь.

Таким образом, при движении от «Университета 1.0» к «Университету 4.0» повышается уровень «передела» талантов и знаний: всё больше прибавочной стоимости производится на кампусе университета [11] — а значит, расширяются продуктовые направления управления имиджем университета. Наряду с традиционными для предыдущих моделей (образовательные, научные) в условиях мировой конкуренции будут формироваться новые стратегические направления коммуникаций — экспертные, консалтинговые, производственные, социально ответственные коммуникации как часть корпоративных стратегий и др. Новые направления потребуют от департаментов по коммуникациям проектирования собственных дорожных карт коммуникационного сопровождения [14].

Вместе с тем, глобальная цифровая трансформации уже обозначила национальные «болевые точки» [1–3, 9, 10, 13, 15, 16] как исходные для разработки новых концептов и новых коммуникационных стратегий в университетской среде инженерной школы:

- российский рекрутмент не в состоянии обеспечить потребности бизнеса, что отрицательно сказывается не только на темпах развития отечественной кадровой индустрии, но и на бизнесе в целом;

- нерегулируемый социальный спрос, который обуславливает противоречия между реальным спросом на специалистов конкретного профиля и спросом населения (абитуриентов и их родителей);

- возрастание прагматизма во взглядах молодежи на своё профессиональное будущее, где доминирует стремление быстрого личного экономического эффекта;

- отсутствие сетевого/кластерного характера взаимодействия всех заинтересованных

акторов инновационного процесса (образование — наука — промышленность — государство — общество);

- увеличение доли студентов, которые не видят особой ценности в научно-технической карьере, техническом образовании и имеют низкую мотивацию к обучению (что в последствии приводит к трудоустройству таких студентов в других сферах профессиональной деятельности), с одной стороны, с другой — растущая доля мотивированных студентов, которые осознают важность саморазвития, готовы к новым социально-экономическим вызовам и не готовы брать «пакетные решения» конкретного вуза (бакалавр-магистр-аспирант);

- усиление со стороны ведущих мировых университетов коммуникационной стратегии «кадрового пылесоса» (на основе результатов прохождения программ на базе МООС, стажировок, грантов и др.) — принципа McKinsey «война за таланты», извлекающей лучшие кадры из национальных экономик.

De facto современный глобальный рынок уже обозначил триаду критериев к профессиональным компетенциям специалистов «Университета 4.0»: сокращение времени принятия решений (Time-to-Decision, T2D), их исполнения (Time-to-Execution, T2E) и вывода продукта на рынок (Time-to-Market, T2M). При этом результат труда должен быть кастомизированным (персонализированным, соответствующим всем пожеланиям заказчика), лучшим в своем классе (best-in-class) и востребованным [2]. Оставаясь в русле логической цепочки рассуждений, подобные профессиональные профили автор считает необходимо заложить и в компетенции непосредственных участников разработки коммуникационной стратегии вуза — руководителей структурных PR-подразделений университетов [4–9].

Появление предпосылок формирования новых стратегий в коммуникациях университетской среды можно фиксировать с мая 2013 года в соответствии с положениями Указа № 599 Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Также можно констатировать, что сегодня уже заданы формальные рамки дорожных карт стратегических коммуникаций «Университета 4.0» концепциями Национальных программ (НП «5-100-2020), примерами коллобараций (Национальная технологическая инициатива «Технет»), методиками расчёта индексов мировых и национальных рейтингов (QS World University Rankings, QS BRICS, Webometrics,

US News Best Global Universities Rankings, Global World Communicator RankPro, Национальный рейтинг университетов, Рейтинг англоязычного контента сайтов российских университетов, Три миссии университета и др.).

Тем не менее, как считают многие российские исследователи «за редким исключением нескольких отечественных университетов, не произошли пока качественные изменения среды российских университетов, формирования критической массы сторонников и единомышленников, что позволило бы изменить систему высшего образования России в целом» [2, 11, 13, Княгинин 2017 и др.]. По результатам, проведенного автором исследования, только 79 технических университетов имеют PR-подразделения, которые сосредоточены на выполнении комплексных задач в соответствии с современными запросами медиарынка, 48 из них (что составляет почти 42 %) работают на уровне минимальной достаточности, где собственно речь идет о пресс-центре, информационном центре или даже одном сотруднике, ответственном за связь со средствами массовой информации. Иными словами, 42% PR-подразделений российских технических университетов выполняют сервисные функции, что неоправданно «сужает» рамки профессиональных задач подразделений в контексте нового социального заказа. Высокий уровень управленческой подчиненности (высокий статус подчинения) имеют менее 20% вузов, что также не позволяет обеспечивать эффективную реализацию стратегических коммуникаций профильными сотрудниками. 89 технических университетов (77 %) не имеют ключевого звена управления инновациями в университете, такой организационной структуры как Проектный офис/Управление стратегическими коммуникациями/Project management office или подобной им. Такая ситуация резко отличает корпоративные стратегии российских университетов от корпоративных стратегий и стратегических коммуникаций коммерческих организаций, которые подчинены бизнес-стратегиям и носят маркетинговый характер.

Заключение

В результате исследования были выявлены основные проблемные зоны стратегических коммуникаций российских технических университетов в условиях транзита. В первую очередь отсутствие конкурентных коммуникационных стратегий, концептов корпоративных

коммуникаций, в пользу декларирования формальных смыслов и ценностей. Второй аспект – стратегическое планирование в большинстве своем носит отрывочный и фрагментарный характер. Третий аспект – PR-подразделения в большинстве своем представляют собой сервисные подразделения, снижая тем самым свою роль в стратегическом прогнозировании и управлении вузом. Четвертый – отсутствие механизма синтеза действий основных коммуникационных стратегий в условиях новой реальности, а именно: B2B, B2C, B2G.

Какими бы ни были коммуникационные траектории российской университетской среды, очевидным становится тот факт, что игнорировать мировой тренд промышленной трансформации, а, следовательно, изменения в институциональном дизайне организационных моделей национальной высшей школы уже не удастся. Уже сформирован перечень тех управленческих решений, которые обозначила сегодня *defacto* национальная экономика, и адресовала их, прежде всего, к представителям научного сообщества, руководству российских университетов, сообществу профессиональных коммуникаторов, специалистам по маркетингу и связям с общественностью.

Можно констатировать, что отсутствие отраслевого PR-комьюнити, профессиональной площадки для обмена опытом коммуникаторов высокотехнологического рынка и представителей PR-подразделений технических вузов страны, ориентированных на развитие и внедрение наиболее эффективных коммуникационных практик, управленческих, практик стратегического менеджмента, лидерства в высокотехнологической отрасли невелирует механизм реализации национальных проектов. Автор считает необходимым усилить действующую программу поддержки научно-технологического развития сквозной для НТИ программой в области *media relations*, сформировать широкое коалиционное пространство, предполагающее создание группы единомышленников из коммуникаторов технологической отрасли, представителей ведущих университетов, крупных деловых объединений России, институтов развития, экспертных и профессиональных сообществ, а также органов государственной власти.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ «Российское инженерное образование в условиях трансформации социального заказа и перспектив создания инфраструктуры, точек роста экономики знаний», № 17-06-00588/19.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Богуславский М.В.** 20 век российского образования. М., 2002.
2. **Боровков А.И.** Технологии проектирования, технологии производства, технологии мышления // Инновации. 2017. № 11 (229). С. 6–14.
3. **Вкусов А.В.** Проблемы оценки эффективности деятельности университетов // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 140–145. DOI: 10.7868/S0132162518010154
4. **Гавра Д.П.** Категория имиджа в современной коммуникативистике // Социология коммуникаций. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2013_4/Gavra_2013_4.pdf (дата обращения 20.10.2019)
5. **Гавра Д.П.** Категория стратегической коммуникации: современное понимание и базовые характеристики // Век информации. 2015. № 3(4). С. 229–233.
6. **Гавра Д.П., Таранова Ю.В.** Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве. СПб, 2013.
7. **Гавра Д.П., Декалов В.В.** Борьба за власть при коммуникативном капитализме: конкуренция и кооперация игроков сетевого пространства // Российская школа связей с общественностью. 2018. Т. 11. С. 11–24.
8. **Гнатюк О.Л.** Основы теории коммуникации. М., 2017.
9. Измерение рейтингов университетов: международный и российский опыт / Под ред. Ф.Э. Шереги, А.Л. Арефьева. М., 2014.
10. **Киселев К.** Университеты и экономика // Интернет-издание «Наука и технологии России – strf.ru». Дата размещения 25.07.2012. Дата обращения 03.10.2019. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=47994#.W-gNL61ePus
11. **Кузнецов Е.Б., Энгватова А.А.** «Университеты 4.0»: точки роста экономики знаний в России // Инновации 2016. № 5 (211). С. 3–9.
12. **Наливайко Н.В.** Философия образования как объект комплексного исследования. Новосибирск, 2002.
13. **Рудской А.И., Боровков А.И., Романов П.И.** Инженерное образование: опыт и перспективы развития России. СПб., 2018.
14. **Чернявская В.Е.** Корпусно-ориентированный дискурсивный анализ идентичности российского университета 3.0 // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 58. С. 97–114. DOI: 10.17223/19986645/58/7
15. **Clark B.R.** Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts. Open University Press, 2004.
16. **Crow M.M., Dabars W.B.** Designing the new American university. Johns Hopkins University Press, 2016.
17. **Ka Ho Mok.** The quest for the entrepreneurial universities in East Asia. Palgrave Macmillan, 2013.
18. **Nelson A.R., Wei I.P.** The Global University. Palgrave Macmillan, 2012.

Статья поступила в редакцию 03.10.2019

REFERENCES

- [1] **M.V. Boguslavskiy**, 20 vek rossiyskogo obrazovaniya [20th century Russian education]. M., 2002.
- [2] **A.I. Borovkov**, Tekhnologii proyektirovaniya, tekhnologii proizvodstva, tekhnologii myshleniya [Design technology, production technology, thinking technologies] // Innovation. 11 (229) (2017) 6–14.
- [3] **A.V. Vkusov**, Problems of assessing the effectiveness of universities [Problemy otsenki effektivnosti deyatel'nosti universitetov] // Case studies. 1 (2018) 140–145. DOI: 10.7868/S0132162518010154
- [4] **D.P. Gavra**, Kategoriya imidzha v sovremennoj kommunikativistike [Category of image in modern communication studies] // Sotsiologiya kommunikatsiy. URL: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2013_4/Gavra_2013_4.pdf (accessed: 20.10.2019)
- [5] **D.P. Gavra**, Kategoriya strategicheskoy kommunikatsii: sovremennoe ponimanie i bazovye harakteristiki [Category of strategic communication: modern understanding and basic features] // Information age 3(4) (2015) 229 – 233.
- [6] **D.P. Gavra**, Taranova, Imidzh territorial'nykh sub"ektov v sovremennom informacionnom prostranstve [Image of territorial subjects in the modern information space]. St. Petersburg State University Press, 2013.
- [7] **D.P. Gavra, V.V. Dekalov**, Bor'ba za vlast' pri kommunikativnom kapitalizme: konkurenciya i kooperatsiya igrokov setevogo prostranstva [Power struggle within communicative capitalism: competition and cooperation of networked space actors] // Russian school of public relations. 11 (2018) 11–24.
- [8] **O.L. Gnatyuk**, Osnovi teorii kommunikatsii [Basics of communication theory]. M., 2017.

- [9] Izmereniye reytingov universitetov: mezhdunarodnyy i rossiyskiy opyt [University Ranking: International and Russian Experience] / F.E. Sheregi, A.L. Arefyeva. M., 2014.
- [10] **K. Kiselev**, Universitety i ekonomika [Universities and Economics] // Internet publication "Science and Technologies of Russia – strf.ru" (accessed 03.10.2019) URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=47994#.W-gNL61ePus
- [11] **Ye.B. Kuznetsov, A.A. Engovatova**, [«Universitety 4.0»: tochki rosta ekonomiki znaniy v Rossii ["Universities 4.0": points of growth of the knowledge economy in Russia] // Innovations. 5 (211) (2016) 3-9.
- [12] **N.V. Nalivayko**, The philosophy of education as an object of comprehensive research [Filosofiya obrazovaniya kak obyekt kompleksnogo issledovaniya]. Novosibirsk, 2002.
- [13] **Rudskoy A.I., A.I. Borovkov, P.I. Romanov**, Inzhenernoye obrazovaniye: opyt i perspektivy razvitiya Rossii [Engineering education: experience and development prospects of Russia]. SPb., 2018.
- [14] **V.E. Chernyavskaya**, Corpus-Assisted Discourse Analysis of Russian University 3.0 Identity, Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philology [Bulletin of Tomsk State University]. 58 (2019) 97–114. DOI: 10.17223/19986645/58/7
- [15] **B.R. Clark**, Sustaining Change in Universities: Continuities in Case Studies and Concepts. Open University Press, 2004.
- [16] **M.M. Crow, W.B. Dabars**, Designing the new American university. Johns Hopkins University Press, 2016.
- [17] **Ka Ho Mok**, The quest for the entrepreneurial universities in East Asia. Palgrave Macmillan, 2013.
- [18] **A.R. Nelson, I.P. Wei**, The Global University. Palgrave Macmillan, 2012.

Received 03.10.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Арканникова Марина Сергеевна
Arkannikova Marina S.
E-mail: marinesku.spb@mail.ru

DOI: 10.18721/JHSS.10409

УДК: 323.2

СЕТЕВЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

И.А. Бронников

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

В статье показано, что сетевая организация акторов многократно увеличивает шансы донести консолидированную позицию до людей, принимающих политические решения и коллективно влиять на органы власти. Произшедшая в последние годы институционализация сетевого активизма позволила осуществить имплементацию сетевых гражданских практик в политический процесс, переведя их на новый уровень влияния, благодаря выстраиванию многочисленных инклюзивных горизонтальных связей. Между тем анализируемые политические практики, как правило, являются хаотическими и эмоциональными, препятствуя полноценному общественному участию граждан. Судя по имеющимся данным, тенденция формирования общественной значимости принимаемых политических решений способствовала постепенному внедрению сетевых гражданских инициатив в ценностное поле политики. Автором делается вывод о том, что сетевые гражданские инициативы являются активизирующим фактором населения, приобретают публичную ценность и быстро переходят в категорию политического. Сетевые гражданские инициативы формируют важные векторы развития гражданского общества в России, которые трансформируют сложные формы общественного развития посредством включения постматериальных публичных ценностей.

Ключевые слова: гражданский активизм, гражданское участие, публичные ценности, глобальные общественные блага, социальные медиа

Ссылка при цитировании: Бронников И.А. Сетевые гражданские инициативы как фактор трансформации публичных ценностей // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 94–102. DOI: 10.18721/JHSS.10409

Статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

NETWORK CIVIL INITIATIVES AS A FACTOR OF PUBLIC VALUE TRANSFORMATION

I.A. Bronnikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

The article shows that the network organization of actors greatly increases the chances of conveying a consolidated position to people who make political decisions and collectively influence the authorities. The institutionalization of network activism that has taken place in recent years has made it possible to implement the network of civic practices into the political process, moving them to a new level of influence, thanks to building numerous inclusive horizontal connections. However, such practices are often unsystematic and episodic, preventing the increase of the general civic participation of citizens. It is proved that the tendency of formation of social significance of political decisions made contributed to the introduction of network civic initiatives in the value field of politics. It is concluded that network civic initiatives are an activating factor in the population, gain public value and quickly move into the political category. Network civic initiatives form important vectors of development of civil society in Russia, which transform complex forms of social development through the inclusion of post-material public values.

Keywords: civil activism, civil participation, public values, global public goods, social media

Citation: I.A. Bronnikov, Network civil initiatives as a factor of public value transformation, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 94–102. DOI: 10.18721/JHSS.10409

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

Технологическая лавина последних лет оказывает все большее влияние на политические устои, политические практики, государственное управление и общественно-политическую деятельность в целом. Соглашаясь с К. Ясперсом отметим, что технологии не создают идеальный мир, но на каждом шагу создают новые трудности для человечества, а, следовательно, и новые глобальные проблемы и вызовы [1, с. 60]. Возникает справедливый вопрос: могут ли правительства решить эти задачи без привлечения гражданских специалистов и экспертов?

Постинформационное общество принесло как небывалые инновационные перспективы, так и нежданные глобальные проблемы, справится с которыми не под силу даже самым могущественным акторам. В свое время Р. Дейберет, Ж.-М. Коттрэ, К. Леви-Стросс, М. Кастельс, Н. Луман, М. Маклюэн, Г. Стоуньер, Ю. Хабермас, Р. Эпштейн и др. высказывали мысль о том, что коммуникационные потоки приобретают основополагающее значение в обществе, пронизанном неиерархическими информационными течениями горизонтальных направленностей. Некоторые авторы (Г. Саймон, Т. Болл, С. Льюке) акцентируют внимание на коммуникационном аспекте властных отношений, указывая на необходимость общего языка управляющих и управляемых, посредством которого можно отдавать приказы и приходиться к компромиссным решениям.

Сегодня информационное поле взаимодействий и коммуникационное «горячее» (по М. Маклюэну) изобилие политических коммуникаций ключевых акторов приобретают невообразимые масштабы влияния [2], что приводит к конструированию качественно новых децентрализованных коммуникационных структур и практик, обладающих адаптивной способностью к самоорганизации и, что имеет немало важное значение для гражданского активизма, к самореализации. Прежде меткое маклюэновское выражение «The medium is the message» в реалиях постинформационного общества приобретает иной смысл — средство коммуникации является конструктором медийной среды, контента. В этой связи, само понятие «global village» наполняется новыми смыслами, где граждане не просто находятся в непрерывной сетевой коммуникации друг с другом, а могут формировать и оказывать действенное влияние на ценностное поле публичной политики. Поэтому особую важность приобретают системообразующие компоненты:

общественное участие, публичный диалог, со-управление, со-ответственность.

Как можно видеть, зачастую, люди действуют и принимают решения опираясь на ценностно понятные мотивы и интересы. Важным становится роль публичных ценностей и наличие открытых каналов и площадок для вовлечения граждан в политический процесс современной России. Более того, в повседневной жизни индивид смотрит на происходящую действительность через свою систему убеждений и ценностей. При этом именно ценности повышают субъективность оценок тех или иных событий, явлений, процессов, они детерминируют отношение граждан к политическим объектам и определяют предъявляемые к ним ожидания [3, с. 31-32]. Как видится, трансформация публичных ценностей постинформационного общества будет способствовать выработке «зон контактов» между государством и акторами гражданского общества на новой сетевой основе.

Современное состояние проблемы

Существующие практики гражданского активизма не способны комплексно удовлетворить возрастающие запросы и требования граждан постинформационного общества, вкусивших все преимущества сетевых коммуникаций как на межличностном, так и на глобальном уровнях. В работах последних лет [4-19], посвященных исследованию публичного диалога между государством и институтами гражданского общества, отмечается тесная связь между сетевой кооперацией граждан и уровнем общественного участия, отражающим включенность в процесс выработки политико-управленческих решений. Сетевая организация акторов многократно увеличивает шансы донести консолидированную позицию до людей, принимающих политические решения и коллективно влиять на органы власти. Произшедшая в последние годы институционализация сетевого активизма позволила осуществить имплементацию сетевых гражданских практик в политический процесс, переведя их на новый уровень влияния, благодаря выстраиванию многочисленных инклюзивных горизонтальных связей.

Сетевая методология все чаще применяется в современных исследованиях, посвященных публичной политике и выстраиванию диалога между политическими акторами. Однако «ключевой проблемной точкой теории политических сетей является её невысокая объяснительная способность, заключающаяся в сложности выявления

казуальных зависимостей между сетевыми интеракциями и их влиянием на реальную политику» [20, с. 102]. Более того, усиливающиеся авторитарные тенденции и повышение роли вертикальных связей в государственном управлении [21] подталкивают граждан к выстраиванию сетей кооперации по насущным проблемам между собой, что способствует увеличению коммуникационной пропасти между государством и обществом, в перспективе, приводящей к политической «глухоте» с обеих сторон.

Публичные ценности и глобальные общественные блага

В начале XXI в. на почве нарастания критических суждений в адрес теорий гражданского участия начался поиск альтернативных концепций. Важным направлением подобного поиска стало переосмысление основных положений теории политических ценностей (Р. Инглхарт, К. Вельцель, М. Рокич, Ш. Шварц, С. Фельдман), формулирование концепции глобальных общественных благ [22–23], а также принципов public value management (менеджмент публичных ценностей).

Обращение к концептам публичных ценностей и общественных благ¹ связано с переосмыслением политико-управленческих процессов в сторону политической инклюзивности и формирования общественной значимости принимаемых решений. К. Талбот даже высказал мысль о появлении новой «великой идеи» в публичном управлении, другие авторы (Л.В. Сморгун, А.В. Волкова) рассуждают об «аксиологическом повороте» в государственном управлении [24, с. 313].

Для российского общества процесс эволюции публичных ценностей имеет противоречивую природу. Разнонаправленность публичных ценностей российских граждан доказывает актуальность тезиса Н.А. Бердяева об антиномичности русского национального сознания. По данным социологов большинство наших сограждан (62%) убеждены, что «России нужна демократия»². Однако представления о демократии крайне неоднородны. Для одних демократия — это «общественное устройство, при котором власть заботится

о нуждах людей» (34%), а для других — это «общественное устройство, при котором граждане могут свободно высказывать свою точку зрения о политике (31%)» [25, с. 87]. Из этого следует, что для одних патернализм, как стремление государства опекать общество, вмешиваться в частную жизнь граждан, оказывается обыденным, а для других инвариантными элементами современного политического процесса являются: *подотчетность власти, соревновательность политических курсов и инклюзивное участие*.

В сознании россиян преобладают ценности, ориентирующие на успех личной, приватной жизни. К примеру, финансовое благополучие (54%) и семья, дети (57%). Критерии успешности, связанные с миром публичных ценностей и общественных благ, не актуальны. Только 19% респондентов смотрят на успешность через призму того, приносит ли человек пользу окружающим, 12% — заслуживает ли он признание и уважение с их стороны. Публичные ценности, связанные с политическими свободами, артикуляцией своих интересов, гражданским активизмом находятся в арьергарде и не воспринимаются как жизненно значимые [25, с. 88–89].

В этой связи не выглядит странным, что приоритеты глобальных целей для России в глазах наших сограждан заключаются, прежде всего, в становлении одной из 10–15 наиболее преуспевающих стран мира (45%), а также возвращении себе статуса супердержавы (34%). Причем если ранее «членство в клубе» ведущих стран могло быть обеспечено за счет развитой экономики (в 2014 г. об этом говорили 52%) и сильной армии (42%), то сегодня значимость этих факторов существенно снизилась (до 33% и 19%, соответственно), тогда как на первый план вышел показатель высокого уровня благосостояния граждан (43% в 2019 г. и 25% в 2014 г.) [26]. Однако, существенно и то, что новые методы проявления гражданского активизма на сетевой основе обуславливают медленную и поэтапную адаптацию традиционной системы ценностей в политике.

Что касается идеи общественного блага, то достаточно активно она развивалась параллельно с понятием республики как общего дела. Можно сказать, что квинтэссенцией идеи республики является феномен самоподдерживающихся объединений свободных граждан с широкими полномочиями политического участия. Понимается, что граждане принимают участие в политике не только во время электоральных циклов, а повседневно, осознавая проблемы и сложности своей «большой» и «малой» республики, т.к. участие в политическом процессе — это совместная работа. Отсюда вытекает принципиальная идея о том, что

¹ Общественные блага обладают тремя важнейшими характеристиками: неисключительностью в предоставлении (отсутствие конкуренции), неконкурентностью в потреблении и распределении самих благ поровну.

² Показательно, что согласно очередному докладу Edelman Trust Barometr, 2019 («Барометр доверия»), общий уровень доверия к институтам власти в мире в 2019 г. составляет 52%, в России — 29%. Кроме всего прочего, в 2019 г. минимальный уровень поддержки получили не только институты власти и СМИ, но также неправительственные организации и корпоративный бизнес.

люди должны обладать определенным уровнем самосознания и самоорганизации, чтобы требовать общественные блага от действующей власти. Эти требования увеличиваются по мере развития городов, технологических открытий, глобализации, повышения уровня образования, самовосприятия. Большое влияние на восприятие общественных благ оказали социалистические и коммунистические идеи. Интересно отметить, что в ст. 131 Конституции СССР 1936 г. декларировалось, что каждый гражданин обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся³. В какой-то мере это послужило основой формирования кейнсианской модели экономики, шведской социал-демократической модели, концепции «государства всеобщего благосостояния», в которых так или иначе заложены основные принципы производства общественных благ.

Безудержное развитие цивилизации в начале XXI в. дало новый импульс развитию концепции общественных благ, теперь, во многом, они становятся глобальными. Сейчас блага, которые ассоциировались с конкретной личностью (право на жизнь, свободу слова, защиту, кров и пр.) являются глобальными и рассматриваются под призмой общемирового социально-политического прогресса. Глобальные общественные блага — это блага, выгоды (издержки) от создания которых распространяются поверх государственных, географических и культурных границ. Как правило, эти выгоды должны распространяться на более чем одно государство и не должны оказывать дискриминационное воздействие на какие-либо группы населения [22, 23, 27]. К примеру, сегодня воспринимается как данность Договор об Антарктике 1959 г., согласно которому территория Антарктиды используется в интересах всего человечества.

Государства, рынки, корпорации, сети, коммуникационные площадки, мир-система являются производителями глобальных общественных благ, к которым относятся: *международная безопасность, финансовая стабильность, материальное благополучие, комфортная окружающая среда, общественное здоровье, контроль над инфекциями и эпидемиями, знание, свобода коммуникации, GPS*, и, что имеет немаловажное значение для данной статьи, — *гражданский активизм*. Особо следует

отметить, что гражданский активизм способен вписаться и дополнить важными составляющими политический процесс России, а также выступать на паритетных ролях с государственными акторами.

Глобальные общественные блага можно разделить на три ключевых кластера:

1. Природные глобальные общественные блага (атмосфера, океан, озоновый слой, океанские течения). Ключевая проблема — чрезмерное использование и злоупотребление ими, а также сложность их возобновления.

2. Блага, появившиеся в результате антропогенной деятельности (знание, международное право, интернет, сеть транспортных коммуникаций). Большинство таких благ являются «глобализированными» национальными общественными благами, принцип неисключаемости которых утверждается в международном масштабе.

3. Результаты политической деятельности (международный мир, финансовая стабильность, свобода торговли, борьба с инфекционными заболеваниями, защита экологии). Эти блага — неисключаемые и неконкурентные, и главное препятствие к их распространению — отсутствие у ключевых участников мирового политического процесса достаточных стимулов и институциональных механизмов кооперации [28, 29]. Ключевая проблема — хрупкость данных благ и зависимость от политического доверия международных игроков друг к другу.

Метаморфозы общественного блага привели к тому, что ключевым глобальным общественным благом является сам человек.

Сетевые гражданские инициативы и новое качество публичных ценностей

В свое время Ш. Арнштейн [5] предложила классификацию общественного участия, которая характеризует вовлечение обычных граждан в процесс со-управления от полного абсентеизма через минимальную степень участия до полноценного уровня — гражданский контроль и публичное управление. Т.н. «лестница гражданского участия» раскрывает восемь типов привлечения акторов гражданского общества к политико-управленческим вопросам. Несмотря на то, что данная типологизация условна, она предоставляет возможность исследовать динамику вовлечения граждан в политический процесс конкретной страны, вскрывая имитационные конструкции псевдоинститутов гражданского общества.

Поскольку традиционные институты представительства не способны комплексно удовлетворить артикулированные запросы граждан, в последнее время общественная активность

³ Правда стоит заметить, что в этой же статье сказано о том, что лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.

формируется в социальных и конвергентных медиа. Данные общественные импульсы все чаще проявляются в политической реальности, а гражданский активизм теперь не существует без своей репрезентации в онлайн пространстве.

Нынешнее время показало, что чем шире участие народа в политическом процессе, тем объективнее проработанные управленческие решения, глубже информированность граждан и выше уровень доверия к публичным институтам. Человек, расширивший свои возможности и ставший обладателем нового опыта самореализации на благо общества, является, пожалуй, самым важным результатом гражданского участия [17].

В связи с трансформацией способов и методов сетевой политической коммуникации, гражданский активизм приобретает отчетливые очертания политического измерения, а субъекты влияния в социальных медиа становятся существенными игроками в мире политики. Иначе говоря, гражданское участие является ассиметричным ответом на вызовы периода «post-truth politics», где наблюдается постоянное искажение политико-информационного поля. Следствием этого является тот факт, что классические инструменты общественного участия исчерпали свои возможности и ресурсы в неиерархическом постинформационном мире, в котором наблюдается планомерное возвышение негосударственных акторов, активно апеллирующих к ресурсам «smart power».

Часто говорят, что новые способы осмысления политического мира провоцируют сложности в реализации гражданских форм участия. Несмотря на видимые блага общества потребления, заметную обеспокоенность вызывает создание массового конформного потребителя с достаточно сильными абсентеистскими позициями и безответственным отношением к происходящим событиям. З. Бауман как-то говорил, что атомизированному социуму присущи следующие характерные свойства: утрата индивидом контроля над социальными процессами, уязвимость его перед нарастающими изменениями, а также неспособность человека к долгосрочному планированию и акцент на мгновенные краткосрочные успехи [30, с. 98]. Впрочем, вопреки критикам гражданские инициативы развиваются и создают новые формы [31], о чем свидетельствует рост цифрового волонтерства, акций «одного требования», политических интернет-объединений, экологических движений и протестных выступлений [32]⁴.

Среди основных причин вовлечения

населения в гражданскую активность можно выделить большое количество нерешенных и, что более важно, нерешаемых проблем, а также необходимость самореализации и достижения частных целей [33, с. 146]. Всплеск сетевых инициатив снизу и протестных акций связан с запросом на изменения и осознанием узости консервативно-охранительной парадигмы, реализуемой государством в обществе XXI в. Возрастающее число политических вызовов, безудержный технологический прогресс и становление людей с ярко выраженными постматериальными ценностями (поколение «Z») приводит к формированию нового явления – *естественного сетевого гражданского активизма*, который является устойчивой формой общественного участия. Данный вид активизма возникает сам по себе, естественным порядком, без посторонней помощи, и, поэтому является востребованным. Постматериальные ценности и новое качество публичных благ подталкивают граждан к формированию все новых и новых очагов сетевых инициатив (гражданская экспертиза, консолидированная помощь политическим заключенным, благотворительные онлайн-магазины, защита памятников архитектуры, экологические проекты и пр.), которые уже заняли свою нишу.

Сейчас существует достаточно широкий спектр инструментов и платформ, позволяющих гражданам и их институтам реализовывать свои потребности и инициативы [34]. В рамках данной статьи следует особо отметить несколько кластеров, в которых гражданское участие реализуется на сетевой основе: *со-участие и со-управление, реализация электоральных практик онлайн, медидавление, цифровое волонтерство, общественный контроль, политическая протестная мобилизация, онлайн профилактика правонарушений, краудсорсинговые платформы, конвенциональные формы интернет-активности* (своеобразный «лакмус» наличия проблем в государстве и обществе), *электронные референдумы, краудфандинг* и др.

Все это определяет и главные функции гражданского участия: оно позволяет вовлечь сообщество в решение социальных проблем; обеспечить общественный контроль за принятием и реализацией решений государственной и муниципальной власти; содействовать росту социальной идентичности членов сообщества; повысить удовлетворенность населения от эффективных управленческих решений и, наконец, оно оказывает влияние на саморазвитие и рост гражданской компетентности [16, с. 49].

⁴ На основании доклада Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР) «Рост протестной активности в России» в 2018 г. в России произошел резкий

рост протестной активности населения. Зафиксировано 2526 протестных акций, а почти половина из них была связана с пенсионной реформой.

Когда народ выступает как совокупность граждан, имеющих групповую идентичность, на каждом уровне общества создаются соответствующие сетевые платформы, способствующие поиску выходов из сложившихся проблем и нахождению компромиссных решений на качественно новом политическом измерении. Надо особо отметить, что при разрушении привычных сетевых связей между людьми, коммуникационные провалы углубляются как между обществом и властью, так и между обычными гражданами, что может привести к дестабилизации всей политической системы.

Таким образом, сетевой гражданский активизм — новый инструмент совместной работы управляющих и управляемых, имеющий определенную публичную ценность, активное освоение которого позволит совершенствовать существующий социальный уклад, а выработка научного основания для институционализации сетевых гражданских инициатив увеличивает эффективность социально-политических решений и способствует повышению открытости политического процесса в целом.

Более того, многогранность сетевых гражданских инициатив позволяет властным структурам отследить волнующие общество проблемы (мониторинг общественных настроений) и действовать на опережение, принимая «умные» решения.

Научное изучение потенциала сетевых гражданских инициатив в области анализа и оценки возможностей и рисков в современном политическом процессе позволит начать планомерную работу по выстраиванию и развитию системы эффективного диалога между органами государственной власти и институтами гражданского общества, значительно повысит эффективность государственных программ и процесса их выполнения.

Заключение

Сетевые гражданские инициативы являются своеобразным ассиметричным ответом на вызовы периода постправды. Сетевые гражданские инициативы сложно внедряются в реальные политические практики т.к. они создают новые формы и инструменты коммуникации и находятся в опасной зоне «отклонения» от устоявшегося порядка вещей. У многих людей власти создается, словами З. Баумана, «текущий страх», когда они наблюдают различные практики гражданского активизма. Новое всегда пугает.

Развитие сетевых гражданских инициатив способствует формированию и укреплению качественно новых сетевых связей между акторами современного политического процесса. В этом смысле сетевые коммуникации вырабатывают «зоны контактов» государства и институтов гражданского общества, формируя полноценный публичный диалог.

Сетевые гражданские инициативы являются активизирующим фактором населения, приобретают публичную ценность и быстро переходят в категорию политического. Сетевые гражданские инициативы формируют важные векторы развития гражданского общества в России, которые трансформируют сложные формы общественного развития посредством включения постматериальных публичных ценностей. Как видится, гражданский активизм на новой сетевой основе — серьезная предпосылка политической модернизации России.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-32046 «Сетевые гражданские инициативы как инструмент диалога между государством и институтами гражданского общества»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призрак толпы. М.: Алгоритм, 2014. 303 с.
2. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. №. 11. С. 117-123.
3. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. Книги Е.Б. Шестопал. М.: Издательство «Вест мир», 2019. 656 с.
4. Alexander J. The Civil Sphere. N.Y.: Oxford University Press. 2006.
5. Arnstein Sh.R. A Ladder of Citizen Participation // JAIP. Vol. 35. №.4. July 1969. pp. 216-224.
6. Bennet W.L. Changing citizenship in the Digital Age // Civic life online: Learning how digital media can engage youth. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. P. 1-24
7. Berbera, Casas, etc. Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data // APSR, 2019.
8. Dalton R.J. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation. — Political Studies. Vol. 56. 2008. Pp. 76-98.
9. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.
10. Nelson J.L., Lewis D.A., Lei R. Digital

Democracy in America: A Look at Civic Engagement in an Internet Age // Journalism & Mass Communication Quarterly. 2017. Vol. 94. Iss. 1. P. 318–334. DOI: 10.1177/1077699016681969

11. **Pak B., Chua A. and A.V. Moere.** FixMyStreet Brussels: Socio-Demographic Inequality in Crowdsourced Civic Participation, 2017.

12. **Turner B.S.** The Erosion of Citizenship // British Journal of Sociology. 2001. Vol. 52. № 2. Pp. 189–209.

13. **Ruud W., Walgrave S.,** Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives // American Sociological Review 82 (2): 361–83, 2017.

14. **Xenos M., Moy P.** Direct and differential effects of the Internet on political and civic engagement // Journal of communication. N.Y., 2007. Vol. 57(4). Pp. 704–718.

15. **Никовская Л.И.** Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и перспективы // Государство и граждане в электронной среде. 2017. № 1. С. 144–158.

16. **Никовская Л.И., Скалабан И.А.** Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60.

17. **Трофимова И.Н.** Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. №. 4 (372). С. 72–77

18. **Чугунов А.В.** Взаимодействие граждан с властью как канал обратной связи в институциональной среде электронного участия // Власть. 2017. Т. 25. № 10. С. 59–66.

19. **Якобсон Л.И.** Будущее гражданского общества: исследование и проектирование // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 1. С. 2–7.

20. **Никифоров А.А., Шерстобитов А.С.** Ресурсный обмен и кооперация в сетях общественных инициатив в российских городах (на примере Челябинска, Екатеринбурга и Новосибирска) // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 2. С. 99–114.

21. **Gel'man V.** Authoritarian Russia: analyzing post-Soviet regime changes // Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2015, 208 p.

22. **Kaul I., Grunberg I., Stern M.** Global Public Goods – 6. Concepts, Policies and Strategies // Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century / I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern (eds.). N.Y.: Oxford University Press, 1999.

23. **Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century.** Eds. I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern. N.Y., 1999.

24. **Пушкарева Г.В.** Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 312–329.

25. Гражданский сектор государственного управления / Под ред. Проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 440 с.

26. Россия – священная наша держава. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9709> (дата обращения 30.08.2019).

27. **Медведев С.А., Томашов И.А.** Концепция глобальных общественных благ: возможности и ограничения // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 38–47.

28. **Kaul M., Mendoza R.** Advancing the Concept of Public Goods / Providing Global Public Goods: Managing Globalization. Eds. I. Kaul, P. Conceicao, K. Le Goulven, R.U. Mendoza. N.Y., 2003.

29. **Медведев С.А., Томашов И.А.** Концепция глобальных общественных благ // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4. № 2. С. 21–28.

30. **Воронцова Т.Н., Юдина Е.В.** Социокультурная специфика гражданской активности россиян // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97–101.

31. **Макаренко Б.И.** Гражданское общество как ресурс развития России // Сравнительная политика. 2013. №. 3 (13). С. 74–94.

32. Пенсионная волна: как Петербург стал столицей протестов. URL: <https://www.rbc.ru/politics/08/11/2018/5be2b47e9a7947814b688b74> (дата обращения 30.08.2019).

33. **Никовская Л.И.** Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Сборник научных статей. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; Библиотека Российской Академии наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 146.

34. **Бродовская Е.В.** и др. Гражданские и политически онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) // Политическая наука. 2019. №. 2. С. 180–197.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019

REFERENCES

- [1] **Zh. Bodriyyar, K. Yaspers**, *Prizrak tolpy* [Ghost crowd]. M.: Algoritm, 2014.
- [2] **S.V. Volodenkov, S.N. Fedorchenko**, Digital Stigmata as a Tool of Manipulating Mass Consciousness in the Conditions of Modern State and Society, *Sociological Research*. 11 (2018) 117–123.
- [3] *Vlast i lidery v vospriyatii rossiyskikh grazhdan. Chetvert veka nablyudeniy (1993–2018)* [Power and leaders in the perception of Russian citizens. A quarter century of observations (1993–2018)], red. Knigi Ye.B. Shestopal. M.: Izdatelstvo “Vest mir”, 2019.
- [4] **J. Alexander**, *The Civil Sphere*. N.Y.: Oxford University Press. 2006.
- [5] **Sh.R. Arnstein**, A Ladder of Citizen Participation, *JAIP*. 35 (4). July 1969. Pp. 216–224.
- [6] **W.L. Bennet**, *Changing citizenship in the Digital Age, Civic life online: Learning how digital media can engage youth*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. Pp. 1–24.
- [7] **Berbera, Casas**, etc. *Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data*, *APSR*, 2019.
- [8] **R.J. Dalton**, *Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation*. – *Political Studies*. 56 (2008) 76–98.
- [9] **E. Ostrom**, *Governing the Commons: The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: Cambridge University Press. 1990.
- [10] **J.L. Nelson, D.A. Lewis, R. Lei**, Digital Democracy in America: A Look at Civic Engagement in an Internet Age, *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2017. Vol. 94. Iss. 1. Pp. 318–334. DOI: 10.1177/1077699016681969
- [11] **B. Pak, A. Chua, A.V. Moere**, *FixMyStreet*. Brussels: Socio-Demographic Inequality in Crowdsourced Civic Participation, 2017.
- [12] **B.S. Turner**, The Erosion of Citizenship, *British Journal of Sociology*. 52 (2) (2001) 189–209.
- [13] **W. Ruud, S. Walgrave**, Demonstrating Power: How Protest Persuades Political Representatives, *American Sociological Review*, 82 (2) (2017) 361–383.
- [14] **M. Xenos, P. Moy**, Direct and differential effects of the Internet on political and civic engagement, *Journal of communication*. N.Y., 57 (4) (2007) 704–718.
- [15] **L.I. Nikovskaya**, Civic activism and Public Policy in Russia: Status and Challenges, *Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede* [State and citizens in the electronic environment]. 1 (2017) 144–158.
- [16] **L.I. Nikovskaya, I.A. Skalaban**, Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development, “*Polis. Political Studies*” Journal. 6 (2017) 43–60.
- [17] **I.N. Trofimova**, Civic activism in Russian society: features of localization, *Case studies*. 4 (372) (2015) 72–77.
- [18] **A.V. Chugunov**, Features of Attraction of Resources by Protesters, *Vlast* [Authority]. 25 (10) (2017) 59–66.
- [19] **L.I. Yakobson**, *Budushcheye grazhdanskogo obshchestva: issledovaniye i proyektirovaniye* [The Future of Civil Society: Research and Design], *Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad]. 1 (2011) 2–7.
- [20] **A.A. Nikiforov, A.S. Sherstobitov**, Resource exchange and cooperation in networks of public initiatives in Russian cities (on the example of Chelyabinsk, Ekaterinburg and Novosibirsk), *Central Russian Journal of Social Sciences*. 13 (2) (2018) 99–114.
- [21] **V. Gel'man**, *Authoritarian Russia: analyzing post-Soviet regime changes*, Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2015.
- [22] **I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern**, *Global Public Goods – 6. Concepts, Policies and Strategies*, *Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century*. I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern (eds.). N.Y.: Oxford University Press, 1999.
- [23] *Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century*. Eds. I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern. N.Y., 1999.
- [24] **G.V. Pushkareva**, Public value management: can we talk about an axiological turn in public administration, *E-journal. Public Administration*. 68 (2018) 312–329.
- [25] *Grazhdanskiy sektor gosudarstvennogo upravleniya* [Civilian Government], ed. Prof. A.I. Solovyeva. M.: ARGAMAK-MEDIA, 2018.
- [26] *Rossiya – svyashchennaya nasha derzhava* [Russia – is our sacred power]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9709> (accessed: 30.08.2019).
- [27] **S.A. Medvedev, I.A. Tomashov**, *Kontseptsiya globalnykh obshchestvennykh blag: vozmozhnosti i ogranicheniya* [The concept of global public goods: opportunities and limitations], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 12 (2010) 38–47.
- [28] **M. Kaul, R. Mendoza**, *Advancing the Concept of Public Goods, Providing Global Public Goods: Managing Globalization*. Eds. I. Kaul, P. Conceicao, K. Le Goulven, R.U. Mendoza. N.Y., 2003.
- [29] **S.A. Medvedev, I.A. Tomashov**, *Concept of Global Public Goods, International Organisations Research Journal*. 4 (2) (2009) 21–28.
- [30] **T.N. Vorontsova, Ye.V. Yudina**, *Sotsiokulturnaya spetsifika grazhdanskoy aktivnosti rossiyan*

[Sociocultural specificity of civic activity of Russians], The Bulletin of the South-Russian State Technical University. Social and Economic Science. 1 (2017) 97–101. DOI: 10.17213/2075-2067-2017-1-97-101

[31] **B.I. Makarenko**, Grazhdanskoye obshchestvo kak resurs razvitiya Rossii [Civil society as a resource for the development of Russia], Sravnitel'naya politika [Comparative policy]. 3 (13) (2013) 74–94.

[32] Pensionnaya volna: kak Peterburg stal stolitsey protestov [Pension wave: how Petersburg became the capital of protests]. URL: [https://www.rbc.ru/](https://www.rbc.ru/politics/08/11/2018/5be2b47e9a7947814b688b74)

politics/08/11/2018/5be2b47e9a7947814b688b74 (accessed 30.08.2019).

[33] **L.I. Nikovskaya**, Civic activism and Public Policy in Russia: Status and Challenges, Gosudarstvo i grazhdane v elektronnoy srede [State and citizens in the electronic environment: theory and research technology]. Collection of Scientific Articles. Sankt-Peterburg, 2017.

[34] **Ye.V. Brodovskaya and etc.** Civil and political online practices in the evaluations of Russian youth (2018), Political Science (RU). 2 (2019) 180–197.

Received 16.09.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Бронников Иван Алексеевич

Bronnikov Ivan A.

E-mail: ivbronn@gmail.com

DOI: 10.18721/JHSS.10410

УДК: 130.2

**КИТАЙСКО-РОССИЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ:
ТРАДИЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИАЛОГА. РЕЦЕНЗИЯ НА
КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «A HISTORY OF THE
CULTURAL EXCHANGES BETWEEN CHINA AND RUSSIA»**

С.Н. Погодин, Ц. Ли

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье осмысливается философия китайско-российских культурных связей, проанализированных в изданной в Китае в 2018 году монографии «История культурного обмена между Китаем и Россией». Монография состоит из двух томов, под общей редакцией профессора Сяо Юйцю, ISBN 978-7-201-11214-5. Работа написана с привлечением большого архивного материала, находящегося в центральных и провинциальных архивах Китая и России. Научной новизной монографии является систематическое изложение истории культурных отношений между Китаем и Россией, начиная с древнего периода до наших дней. Авторы исследовали весь процесс формирования китайско-российского культурного обмена, изучили основные направления и этапы его развития.

Ключевые слова: Китай, Россия, китайско-российские культурные связи, культурный обмен, Цинская империя, Российская империя, Китайская Народная Республика, СССР, Российская Федерация

Ссылка при цитировании: Погодин С.Н., Ли Ц. Китайско-российские культурные связи: традиции академического диалога. Рецензия на коллективную монографию «A history of the cultural exchanges between China and Russia» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 103–110. DOI: 10.18721/JHSS.10410

Это статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

**CHINESE-RUSSIAN CULTURAL RELATIONS: TRADITIONS
OF THE ACADEMIC DIALOGUE. REVIEW ON THE
COLLECTIVE MONOGRAPH “A HISTORY OF THE
CULTURAL EXCHANGES BETWEEN CHINA AND RUSSIA”**

S.N. Pogodin, J. Li

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russian Federation

The article explores the philosophy of Chinese-Russian cultural relations in the Chinese monograph “A history of the cultural exchanges between China and Russia” in 2018, ISBN 978-7-201-11214-5. The monograph consists of two volumes, edited by Professor Xiao Yuqiu. The work was written with the assistance of a large archival material located in the central and provincial archives of China and Russia. The scientific novelty of the work is a systematic presentation of the history of cultural relations between China and Russia, starting from the ancient period to the present day. The authors investigated the entire process of the formation of Chinese-Russian cultural exchange, studied the main directions and stages of its development.

Keywords: China, Russia, Chinese-Russian cultural relations, cultural exchange, Qing Empire, Russian Empire, People's Republic of China, USSR, Russian Federation

Citation: S.N. Pogodin, J. Li, Chinese-Russian cultural relations: traditions of the academic dialogue. Review on the collective monograph "A history of the cultural exchanges between China and Russia", St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 103–110. DOI: 10.18721/JHSS.10410

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

Введение

Культурные связи являются важной составной частью философии. Философия выступает посредником в культуре, являясь всеобщим эквивалентом для понимания [1]. С помощью философии достигаются существенные результаты в культурных связях, имеющие общечеловеческое значение. Происходит обмен культурными достижениями, обогащение культурного опыта человечества и формирование общечеловеческих ценностей.

«История культурного обмена между Китаем и Россией» (A history of the cultural exchanges between China and Russia) под общей редакцией профессора Сяо Юйцю посвящена истории культурного обмена между Китаем и Россией. Целью работы стало путем анализа истории культурных отношений показать историческую необходимость взаимного обмена между культурами и раскрыть закономерность развития отношений между двумя странами. Работа написана с привлечением большого архивного материала, находящегося в центральных и провинциальных архивах Китая и России. Используются исторические материалы и документы на китайском языке более 300 наименований, на русском языке более 200 наименований.

Научной новизной работы является систематическое изложение истории культурных отношений между Китаем и Россией, начиная с древнего периода до наших дней. Авторы исследовали весь процесс формирования китайско-российского культурного обмена, изучили основные направления и этапы его развития.

Издание состоит из двух томов. Первый том посвящен истории культурного обмена между Китаем и Россией начиная с первых контактов между двумя странами. Главное внимание уделено периоду Цинской империи и периоду Китайской Республики. Авторами тома являются Сяо Юйцю, Янь Годун, Чэнь Цзиньпэн. Второй том посвящен культурному обмену между Китайской Народной Республикой и СССР/РФ. Автором тома является Юэ Вэй.

Первый том состоит из двадцати глав и делится на две части. Первая часть — история культурного обмена между Цинской империей и Российской империи. Вторая часть — история

культурного обмена между Китайской Республикой и СССР.

Две первые главы первого тома, посвящены исследованию процесса развития культурного обмена в ранний период отношений между Китаем и Россией. Этот период протекал при наличии исторических условий, которые обусловили развитие культурных отношений между двумя странами. Современные археологические находки свидетельствуют о том, что культурный обмен между странами начался с прошлого тысячелетия.

Первое знакомство русских с Китаем было связано с рассказами служивых людей, побывавших в монгольских землях и соприкасавшихся с китайцами. Авторы исследования отмечают большую роль монгольских народов в установлении первых элементов культурного обмена между Китаем и Россией [2, с. 10-11]. Однако недостаток правдивых знаний приводил к распространению домыслов о нравах и обычаях китайского народа.

Более достоверной информацией о Китае стали по мнению авторов издания, первые русские «послы» [2, с. 18]. Это были люди разного уровня культуры, которые оставили интересные записки о своем пребывании в Поднебесной. Однако содержание в этих записках во многом зависело от приема, который был им оказан в Китае и в конечном счете от общей политической обстановки между двумя странами. «Послы» как правило описывали не известные им ранее предметы и явления китайского быта, события и церемонии свидетелями которых они стали. Иногда изложенные ими данные были получены из «третьих рук». В этой связи со второй половины XVIII в. была приостановлена деятельность «русских послов». Функция сбора и передачи информации были поручены Российской духовной миссии в Пекине.

Активная торговля между двумя странами способствовали широкому проникновению китайских товаров в Россию. Авторы издания считают, что китайский стиль в XVIII в. стал доминирующим фактором в Европе [2, с. 41]. Он активно воплощался и в России, примером увлечения китайским стилем стали архитектурные ансамбли «Китайского дворца» в

Ораниенбауме. Уникальность этих ансамблей заключается в том, что они воссоздали подлинные китайские интерьеры. В Царском селе была построена «Китайская деревня», в которую вошли помимо самих домов, причудливые мостики и шутивая пагода. Рядом был расположен «Китайский театр», в котором давали для российского двора представления пьес Карло Гоцци «Турандот» и Вольтера «Китайская сирота». В это время на русский язык был переведен древнейший китайский трактат «Книга Перемен».

В XVIII в. образ Китая у российской культурной элиты был признан модой, художественным стилем. Увлечение искусством Китая прошло от коллекционирования до стилизации. Появился даже термин «шинуазри»¹ под ним понималось не привезенные из Китая образцы искусства, а специально сделанные для российского рынка имитации, подражания. Эти образцы не имели сходства с оригиналами, но давали полную возможность оценить древнейшую китайскую цивилизацию. В 60-х гг. XVIII в. в Санкт-Петербурге был основан первый фарфоровый завод, производивший по китайской технологии прекрасные скульптурные изделия и посуду.

В российском обществе возник «китайский бум», объективно он стимулировал развитие китайско-российский культурный обмен.

Религиозный фактор играет большую роль в общественной жизни народов. Присутствие православных становился постоянным с XVII в., но было еще незначительным. Современная история православия в Поднебесной ведет свой отсчет с 1684 г., когда в Пекине священником Максимом Леонтьевым была основана православная община. Ее целью было развитие российско-китайских связей. В 1715 г. была основана Российская духовная миссия в Пекине.

Большое внимание в работе уделено деятельности Российской духовной миссии в Пекине и это не случайно. Признанным автором в Китае, посвятившим в многие годы изучению деятельности миссии, является профессор Сяо Юйцю [3]. Она на основе анализа многочисленных архивных источниках показала не только религиозную, миссионерскую деятельность миссии,

но и раскрыла проводимую ею научно-исследовательскую работу. По мнению авторов, миссия сыграла большую роль в развитии российско-китайских культурных связей в области образования, медицины и искусства [2, с. 68].

Важным фактором во взаимопонимании между народами является толерантность, считает Сяо Юйцю [4]. Таким примером может служить стремление людей понять язык, культуру, обычаи другой страны, что отчетливо проявилось в деятельности многих членов Российской духовной миссии [5].

Обмен между Китаем и Россией в языковой сфере, является одним из главных факторов культурного обмена, так считают авторы исследования [2, с. 133]. Начало изучения русского языка в Китае, они датируют 1708 г. В этот год Император Канси учредил специальное учреждение, получившее название «Школа русского языка при Дворцовой канцелярии» [кит. 俄罗斯文馆 Элосы вэньгуань]. Преподавателями были члены Российской духовной миссии: Петр Кафаров, Никита Бичурин и др. Школа просуществовала более ста пятидесяти лет. В 1863 г. «Школа русского языка при Дворцовой канцелярии» была включена в состав Пекинского «Училища иностранных языков» [кит. 同文馆 Тунвэньгуань] [6].

Традиция изучения китайского языка давно существует в России. Членами Российской духовной миссии в Пекине было положено изучение китайского языка. По Кяхтинскому договору в 1727 г. три священника и шесть учеников занимались изучением китайского языка. В Кяхте в 1831 г. по инициативе Н.Я. Бичурина было основано училище китайского языка. В первый год обучения было зачислено 10 человек [2, с. 166].

В 1837 г. в Казанском университете была открыта первая в России кафедра китайского языка, ее возглавил бывший член Российской духовной миссии в Пекине Даниил Сивиллов. В России сложилось несколько китаеведческих школ: петербургская, московская и дальневосточная. Центром петербургской школы стал Восточный факультет Санкт-Петербургского госуниверситета, преподавание китайского языка в нем ведется с 1855 г. Первым преподавателем-китайцем в Санкт-Петербургском университете стал Абу-Каримов (1800–1865), который преподавал разговорный китайский язык с 1856 г., по приглашению В.П. Васильева. С середины XIX в. по начало XX в. в университете работали 11 китайских преподавателей-лекторов [2, с. 211].

Важным моментом в образовании является

¹ Шинуазри (от фр. *chinoiserie*), дословно китайщина – использование мотивов и стилистических приемов средневекового китайского искусства в европейской живописи, декоративно-прикладном искусстве, costume, в оформлении садово-парковых ансамблей XVIII века.

обмен студентами. Первыми российскими студентами, так можно условно назвать, четырех учеников членов Первой Российской духовной миссии [7, 8]. Они прибыли в Пекин в 1715 г. Начиная с Десятой миссии в 1821 г. ученики официально именовались — студентами. С 1865 г. в миссия отказалось от студентов. В настоящее время за последние двадцать лет число российских студентов в КНР выросло в два с половиной раза.

В 1896 г. в Россию приехали первые китайские студенты. Это были четыре выпускника Пекинского «Училища иностранных языков» (Тунвэньгуань). Они были приняты в Санкт-Петербургский учительский институт.

Одним из важных элементов культурного обмена между странами — является книжный обмен. Первые контакты в этом направлении между Китаем и Россией связаны с торговой деятельностью [9]. Человек, внесший большой вклад в книжный обмен между двумя странами — торговый агент Лоренц Ланг. По указу Петра I, он шесть раз был в Китае с 1715 по 1737 гг. и привез 82 тома китайских книг в Россию [2, с. 219]. Это коллекция книг составила основу китайского фонда российских библиотек, сейчас она находится в Институте восточных рукописей РАН.

Илларион Россохин, член Российской духовной миссии в Пекине, в 1741 г. передал 52 китайских книг Академии наук. В XVIII в. в Санкт-Петербурге был основан фонд китайских книг в Библиотеке Академии наук. Фонд постоянно пополнялся за счет новых поступлений и вырос в китайскую часть Азиатского музея. Сегодня это Институт восточных рукописей (Санкт-Петербург) РАН, насчитывающий богатейшую коллекцию китайских рукописей.

После подписания Кяхтинского договора в 1727 г. в Китай стали поступать русские книги. Лоренц Ланг получил распоряжение взять с собой в Китай некоторые издания Академии наук для продажи и обмена. Ученик Десятой Российской духовной миссии З.Ф. Леонтьевский находясь в Пекине перевел на китайский язык три тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина.

Культурные связи между Китаем и Россией в области изобразительного искусства начались с деятельности Российской духовной миссии в Пекине. Первым русским художником, посетившим Китай, был А.М. Легашев [10]. Он был штатным художником при миссии в 1830-1841 гг. Из полученных им инструкций от Санкт-Петербургской академии художеств было: выяснить состав и способы применения китайских красок, а также делать зарисовки

людей их одежды, предметы утвари, строений, растений и животных. В Пекине им было написано шестнадцать икон и тридцать четыре портрета важных китайских сановников. Его работы сейчас находятся в Третьяковской галерее, Русском музее, и в частных коллекциях. Вторым русским художником побывавшем в Китае был К.И. Корсалин. Он прославился пейзажными картинами: «Загородный дворец Богдыхана Ван-шеу-шана». Им написано более ста портретов чиновников Цинской империи, его работы отличаются большой утонченностью.

Важным элементом культурного обмена между Китаем и Россией является обмен информацией в медицинской сфере [11]. Контакты в этом направлении появились в посылки в Китай первого русского врача Осипа Павловича Войцеховского. Он был прикомандирован при Российской духовной миссии. Его богатые знания и опыт способствовали тому, что среди его пациентов были высокопоставленные чиновники Цинской империи. Во время вспышки холеры в Пекине, он вылечил китайского князя, за это получил памятную доску с надписью — «Прекрасное лечение подобно Чан Сану» [кит. 长桑妙术 Чан сан мяо шу] [2, с. 277].

Изучение Китая в России не посредственно связано с Академией наук и Азиатским музеем. Первым российским китаеведом был академик Готлиб Зигфрид Байер, немец по происхождению, который свою жизнь прожил в России. Ему принадлежат первые работы по Китаю, опубликованные в России, а также первая коллекция китайских книг.

Развитие китаеведения в XIX в. связано с именами Н.Я. Бичурина, П.И. Каменского, З.Ф. Леонтьевского, В.П. Васильева, П.Я. Кафарова, все они были членами Российской духовной миссии в Пекине. Изучение Китая в университетской среде началось с 1837 г. с организацией восточного факультета в Казанском университете. Дальнейшее развитие китаеведения связано с восточным факультетом Санкт-Петербургского университета, на котором была открыта в 1855 г. кафедра китайской филологии.

В создании российского китаеведения, считают авторы издания, нельзя не вспомнить имя — Чжоу Гэ (Федор Чжого, Джого). В 30 годы XVIII в. в России не хватало переводчиков с маньчжурского и китайского языков и Чжоу Гэ было поручено основать школу маньчжурского и китайского языков в Москве. Хотя у него обучалось только два человека, результаты были впечатлительными. Один из его учеников стал известным китаистом первого поколения — Алексей Леонтьев [2, с. 161].

Большую ценность в оценке русской культуры представляют материалы, написанные во время путешествия китайцев в Россию. Этой теме посвящен большой раздел в издании [2, с. 319-347]. Авторы издания приводят, шесть с их точки зрения, наиболее интересных описаний России. В частности: Тулишэнь «И юй лу» [кит. 《昇域录》] (Записки о чужеземных странах), Чжан Дэи: «Хан хай шу ци» [кит. 《航海述奇》] (Удивление от мореплавания) и «Сы шу ци» [кит. 《四述奇》] (Четыре удивления), Мяо Юсунь: «Э ю хуэй бянь» [кит. 《俄游汇编》] (Записки о России), Ван Чжичунь: «Ши э цао» [кит. 《使俄草》] (Записки о командировании в Россию), Дай Хунцы: «Чу ши цзю го жи цзи» [кит. 《出使九国日记》] (Записки о командировании в девять стран), Чжан Цинтун: «Э ю шу хо» [кит. 《俄游述惑》] (Разъяснение о путешествии в Россию).

Главным лейтмотивом в этих книгах является всесторонняя оценка сотрудничества в области культурного обмена между Китаем и Россией, которая благотворно сказалась для обеих стран и народов.

Во второй части первого тома анализируются культурные связи между Китайской республикой и Советским Союзом.

Главное внимание авторы уделяют распространению марксизма-ленинизма из СССР в Китай и приводят слова Мао Цзэдуна из его работы «О демократической диктатуре народа»: «Орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм. Октябрьская революция помогла передовым элементам мира и Китая пересмотреть свои проблемы, применив пролетарское мировоззрение как средство определения судеб государств. Идти по пути русских – таков был вывод» [2, с. 351].

Большое внимание в работе уделено распространению марксизма-ленинизма ближайшими соратниками Мао Цзэдуна: Ли Дачжао, Цюй Цюбо, Лу Синь, Чжоу Ян. Особую роль в распространении марксизма-ленинизма в Китае оказали советские учебники по философии. В них излагался диалектический и исторический материализм, который подчеркивал: мир материален, объективный материальный мир находится в движении, его движение имеет закономерности, которые можно познать.

Первым произведением русской классической литературы, переведенным в Китае в 1903 г., стала повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка». В начале XX в. были переведены более восьмидесяти произведений русских писателей: А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Максима Горького и др.

Большое значение для развития культурного обмена между двумя странами стали поездки в СССР: Цюй Цюбо – одного из основателей КПК, Сюй Чжимо – поэта, Ху Ши – мыслителя и философа, Ху Юйчжи – общественного деятеля, Гэ Гунчжэнь – литературоведа, Цзоу Таофэнь – журналиста, Го Можо – писателя, историка, Хуа Логэн – математика, Мао Дунь – писателя и общественного деятеля.

Развитие взаимного культурного обмена неразрывно связано с отдельными личностями. Такой яркой личностью, по мнению авторов издания, является российский и советский филолог-китаист академик В.М. Алексеев [2, с. 490]. Он в 1916 г. осуществил перевод поэтических произведений Сыкун Ту. Переводы В.М. Алексеева сыграли важную роль в изучении китайской классической поэзии в России. Своей деятельностью он внес большой вклад в знакомство российского читателя с творчеством китайских писателей.

Деятельность общественных организаций, по мнению авторов издания, имеет большое значение для укрепления культурного обмена. К таким организациям авторы относят: Общество культурных связей Китая и СССР, издательство «Шидай» (Эпоха) и Лигу левых писателей Китая. Большую роль в развитии связей между двумя народами сыграло «Общество культурных связей Китая и СССР». Оно организовывало различные мероприятия, в частности кружки по изучению русского языка. Деятельность общества активно проявилось в издании журнала «Культура Китая и СССР», в организации выставок, лекций, показа советских кинофильмов.

Издательство «Шидай» (Эпоха) было организовано в Шанхае благодаря советскому журналисту В.Н. Рогову. Оно занималось изданием и распространением русской и советской литературы на китайском языке. Особое внимание издательство уделяло знакомству китайских читателей с советской политической литературой.

«Лига левых писателей Китая» объединяла китайских литераторов-марксистов и являлась секцией «Международного объединения революционных писателей».

Второй том, рецензируемого издания, посвящен истории культурных связей между нашими странами с момента образования Китайской Народной Республики в 1949 г. до наших дней.

Культурные связи между Китаем и Россией приобрели новые особенности [12]. Этот обмен происходит под руководством правительств двух стран, тем самым подчеркивается важность культурного обмена в укреплении взаимоотно-

шений между странами. В 1992 году правительства Китайской Народной Республики и Российской Федерации подписали соглашение о культурном сотрудничестве. Страны договорились о проведении различных культурных мероприятий. Ведутся переговоры о дальнейшем сотрудничестве в развитии культурного обмена.

Важную роль в развитии культурного обмена между КНР и Россией принадлежит лидерам двух стран. Их встречи на высшем уровне, обсуждение первоочередных задач сотрудничества являются залогом дальнейшего развития культурного обмена. Большую роль в понимании стратегии развития отношений между странами является публикация работ В.В. Путина в Китае и работ Си Цзиньпина в России.

Китайская Народная Республика с первых лет своего существования, отправила в СССР большое количество своих граждан, для изучения передовых достижений в науке и культуре. Одновременно в китайских вузах проходили обучение советские студенты. Они в основном изучали китайский язык и литературу, традиционную медицину.

После образования нового Китая резко возросли переводы русских писателей: А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.А. Крылова, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др. В эти годы были переведены теоретические труды В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова.

В Китае получила распространение литературная традиция, под названием советской «красной классикой», к ней относятся произведения проникнутые, революционным духом: «Как закалялась сталь» Н.А. Островского, «Чапаев» Д.А. Фурманова, «Железный поток» А.С. Серафимовича, «Разгром» и «Молодая гвардия» А.А. Фадеева, «Сорок первый» Б.А. Лавренева и др. По мнению китайских авторов, эти произведения имели огромное влияние на китайскую культуру. В результате появилась многочисленная китайская «красная классика» [13, с. 137].

В СССР активно переводили не только шедевры китайской классики, но и произведения созданные после образования КНР. Советские издательства по всей стране издавали большими тиражами китайскую литературу. Советский читатель проявлял к ней большой интерес [13, с. 174]. Советская музыка оказала большое влияние на развитие китайского искусства, она определила новые направления в музыке Китая [13, с. 240]. Советские песни получили огромное распространение в китайском обще-

стве, такие как «Катюша», «Ой, цветет калина», «Подмосковные вечера».

После образования КНР, в течение семнадцати лет, начиная с фильма «Ленин в Октябре», было переведено около четырех сот советских фильмов, что составило половину всех демонстрируемых в Китае иностранных фильмов [13, с. 204].

В 1953 г. Китай послал четырех студентов в СССР на учебу в Академию художеств имени И.Е. Репина. Через два года на базе Пекинской Центральной Академии Художеств была создана студенческая группа для обучения живописи маслом и скульптуре. Профессор Московского художественного института имени В.И. Сурикова К.М. Максимов, стал первым советским художником, направленным в Китай для обучения китайских студентов живописи. Его мастерскую закончили двадцать один студент, многие из них в впоследствии стали основателями новых направлений в китайской живописи [13, с. 288-289].

В 1984 г. в Москве было подписано соглашение между Министерством образования КНР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР о сотрудничестве в области образования. Соглашения предусматривало создание межвузовских отношений между Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова и Пекинским университетом, Ленинградским политехническим институтом им. М.И. Калинина и Университетом Цинхуа, Институтом русского языка им. А.С. Пушкина и Пекинским институтом иностранных языков.

В июне 1995 г. было подписано «Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степеней» [13, с. 105].

Подписание 3 ноября 2005 г. «Соглашения между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики об изучении русского языка в КНР и китайского языка в РФ», стало важным международным документом об изучении языков двух стран. В российских университетах в настоящее время создано большое количество центров китайского языка. В более чем в ста китайских вузах открыта специальность «русский язык». В 2009 г. прошел «Год русского языка в Китае», в 2010 г. «Год китайского языка в России».

В 2007 г. была создана «Китайско-Российская комиссия по гуманитарному сотрудничеству». Она состоит из восьми подкомиссий по сотрудничеству в образовании, культуре, здра-

воохранении, спорта, туризма, средств массовой информации, кино и молодежного сотрудничества.

Заключение

История китайско-российских культурных отношений подтверждает, что культурный обмен есть неизбежный продукт общественного развития и необходим для развития цивилизации [14]. Между различными культурами всегда имеются факторы непонимания. Однако в процессе взаимодействия различных культур происходит рациональный отбор, позволяющий сохранить особенности национальной культуры и одновременно впитывать все полезное и передовое из других культур. Этот процесс способствует поднятию культуры на более высокий уровень развития, создает благоприятные условия для гармоничного развития, к такому выводу, приходят

авторы рецензируемого нами исследования.

Китайско-российские культурные связи благоприятны для общественного развития обеих стран. Они являются важным фактором, способствующим развитию добрососедских отношений между народами [15]. Развитие культурных связей соответствует коренным интересам народов двух стран.

Культурный обмен является основой для дальнейшего сотрудничества между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Однако достигнутые положительные результаты культурного обмена, по мнению авторов исследования, к сожалению, еще не разрешили все проблемы в этом направлении. Поэтому под руководством правительств двух стран надо искать эффективные способы решения проблем культурного обмена, преодолевать возникающие трудности и барьеры в общении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chernyavskaya V., Cultural diversity in knowledge dissemination: linguo-epistemic approach // SGEM international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. 2016. №. 3-1. С. 443-450.
2. 肖玉秋 [Сяо Юйцю], 阎国栋 [Янь Годун], 陈金鹏 [Чэнь Цзиньпэн], 中俄文化交流史 (清代民国卷) [История культурного обмена между Китаем и Россией (период Цинской империи и Китайской Республики)] / под общ. ред. Сяо Юйцю // Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2018 [переиздание]. 566 с.
3. 李 Цзинчэн, Русская духовная миссия в Пекине в работах Сяо Юйцю // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 54–62. DOI: 10.18721/JHSS.9106.
4. 肖玉秋 [Сяо Юйцю]. 试论清代中俄文化交流的不平衡性 [о несбалансированности китайско-русского культурного обмена в цинский период] // Шисюэ цзикань. 2008. No. 4.
5. Pogodin S.N., Jingcheng Li, The Russian ecclesiastical mission in Beijing and the China-Russia trade relations // Sino-Russian global engagement models in the context of digitalization of social and economic processes. Материалы Международной научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российско-китайская ассоциация экономических университетов. 2019. С. 254-255.
6. 肖玉秋 [Сяо Юйцю], 清季俄罗斯文馆延聘俄人教习研究 [Изучение трудоустройства русских учителей в русскую школу в цинской империи] // Ши-сюэ юэкань (ежемес. по истор. наукам). 2008. No. 12.
7. 肖玉秋 [Сяо Юйцю]. 18世纪俄国来华留学生及其汉学研究 [Приехавшие из России в Китай студенты и их исследования в области китаеведения в XVIII в.] // Ханьсюэ яньцю (синол. исслед.): сб. вып. 7. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2003.
8. 肖玉秋 [Сяо Юйцю]. 清代俄国来华留学生研究 [Русские студенты в Китае в цинский период] // Матер. VII Междунар. науч. конф. «Проблемы литератур дальнего востока», (Санкт-Петербург, 29 июня – 3 июля 2016 г.). Т. II. СПб.: студия НП-Принт, 2016. С. 139–148.
9. 肖玉秋 [Сяо Юйцю]. 清道光年间中俄政府互赠图书考略 [Исследование в области взаимных книжных подарков между китайским и российским государствами в годы царствования «Даогуан» Цина] // Нанькай Сюэбао. 2006. No. 4.
10. 阎国栋 [Янь Годун], 肖玉秋 [Сяо Юйцю]. 第一位来华的俄国职业画家 [Первый профессиональный русский живописец, приехавший в Китай] // Чжунхуа душубао. 1 августа 2001 г.
11. 肖玉秋 [Сяо Юйцю]. 17–19世纪俄国人对中医的研究 [Изучение русскими китайской медицины в XVII–XIX вв.] // Шисюэ юэкань. 2014. No. 3.
12. Ряснов И.А. Особенности гуманитарного сотрудничества между СССР (Россией) и Китаем в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. // Развитие территорий. 2017. №4 (10). С. 18-22.
13. 岳巍 [Юэ Вэй]. 中俄文化交流史 (中华人民共和国卷) [История культурного обмена между Китаем и Россией (период Китайской Народной Республики)] / под общ. ред. Сяо Юйцю // Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2018 [переиздание]. 452 с.

14. **Matveevskaya A.S., Pogodin S.N.** The essence of cross-cultural conflict (presentation of a problem). *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. 33 (1) (2017) 115–118. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.112.

15. **Соловьёва Е.В.** Российско-китайское культурное взаимодействие: к вопросу об историографии проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. №1 (8). С. 99-106.

Статья поступила в редакцию 14.09.2019

REFERENCES

[1] **V. Chernyavskaya**, Cultural diversity in knowledge dissemination: linguo-epistemic approach. SGEM international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. 3 (1) (2016) 443–450.

[2] **Xiao Yuqiu, Yan Guodong, Chen Jimpeng**, A history of the cultural exchanges between China and Russia: Qing and Republic of China (Ed. by Xiao Yuqiu). Tianjin: Tianjin Renmin Chubanshe, 2018.

[3] **Li Jingcheng**, Russian ecclesiastical mission in Beijing in the works of Xiao Yuqiu, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences*, 9 (1) (2018) 54–62. DOI: 10.18721/JHSS.9106

[4] **Xiao Yuqiu**, [About the imbalance of Sino-Russian cultural exchange in the Qing period], *Shixue Jikan*, 4 (2008).

[5] **S.N. Pogodin, Li. Jingcheng**, The Russian ecclesiastical mission in Beijing and the China-Russia trade relations, Sino-Russian global engagement models in the context of digitalization of social and economic processes. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii, Rossiysko-kitayskaya assotsiatsiya ekonomicheskikh universitetov*. 2019. Pp. 254-255.

[6] **Xiao Yuqiu**, [A study of the employment of Russian teachers in the Russian school in Qing empire], *Shixue Yuekan*, 12 (2008).

[7] **Xiao Yuqiu**, [Russian students in china and its' sinological studies in 18th century], *Hanxue Yanjiu*, vol. 7, *Zhonghua Shuju*, Beijing, 2003.

[8] **Xiao Yuqiu**, [analysis on Russian students in china], *Materials of the 7th Intern. Scientific conf.*

“issues of far eastern literatures” for the 120 years of Mao Dun (St. Petersburg, June 29 – July 3, 2016), vol. 2, St. Petersburg, 2016. Pp. 139–148.

[9] **Xiao Yuqiu**, [Analysis on books exchange as gifts between china and Russia governments during Daoguang of Qing dynasty], *Nankai xuebao*, 4 (2006).

[10] **Yan Guodong, Xiao Yuqiu**, [The first Russian professional painter in china], *Zhonghua dushubao*, 2001-08-01.

[11] **Xiao Yuqiu**, [Studies of Russians on Chinese medicine during 17th – 19th centuries], *Shixue yuekan*, 3 (2014).

[12] **I.A. Rysnov**, Osobennosti gumanitarnogo sotrudnichestva mezhdru SSSR (Rossiye) i Kitaem v kontse 80-kh - nachale 90-kh gg. Khkh v. [Features of humanitarian cooperation between the Soviet Union (the Russian federation) and China in the late 80's – early 90's of the xx century], *Razvitie territoriy*, 4 (2017) 18–22.

[13] **Yue Wei**, A history of the cultural exchanges between China and Russia: People's Republic of China (Ed. by Xiao Yuqiu). Tianjin: Tianjin Renmin Chubanshe, 2018.

[14] **A.S. Matveevskaya, S.N. Pogodin**, The essence of cross-cultural conflict (presentation of a problem). *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*. 33 (1) (2017) 115–118. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2017.112

[15] **E.V. Solov'eva**, Rossiysko-kitayskoe kul'turnoe vzaimodeystvie: k voprosu ob istoriografii problem [The Russian - Chinese cultural interaction: to a question on a historiography of a problem], *Oykumena*. 1 (2009) 99-106.

Received 14.09.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / THE AUTHORS

Погодин Сергей Николаевич
Pogodin Sergey N.
E-mail: pogodin56@mail.ru

Ли Цзинчэн
Li Jingcheng
E-mail: li_ts@spbstu.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2019

**GRAMMATICAL AND PROSODIC MEANS
OF HUMAN- AND ANIMAL-ORIENTED
(PRE-) DIRECTIVES OF TALK-IN-INTERACTION¹****P. Kosta**

University of Potsdam, Potsdam, Germany

This paper discusses closings considered as the most sensible parts of conversation. Closings must satisfy their major goal, namely to end up conversation, but at the same time, they should not violate any of the conversation maxims and should not cause social conflicts between the interlocutors. Closings are considered in a way ‘signals of face-saving strategies’. This paper provides evidence that institutional conversations differ from natural conversations, especially with regard to their closings, an aspect of structural property, which they may share with other structural properties of openings, but in a very special form and way - ending up conversation being their crucial and major invariant. The author claims that prosody does not only play a crucial role in order to mark cognitive semantic information (topic-focus articulation) but also to mark expressivity and politeness and to switch grammatical meanings of turning them to meanings of communicative senses. In addition to the communication between humans and humans, a special case is examined.

Keywords: Conversational Analysis, Grammar, Syntax-Prosody-Interface, Colloquial Russian, Speech Act Theory, Sociolinguistics, Directives, Praat-Spectograms, Mean Formants, Pitch Accent, Mimicry

Citation: P. Kosta, Grammatical and prosodic means of human- and animal-oriented (pre-) directives of talk-in-interaction, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 10 (4) (2019) 111–138. DOI: 10.18721/JHSS.10411

This is an open access article under the CC BY-NC 4.0 license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ОФОРМЛЕНИЯ (ПРЕ-)ДИРЕКТИВОВ
ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ЛЮДЬМИ И ЖИВОТНЫМИ****П. Коста**

Потсдамский университет, г. Потсдам, Германия

В этой статье обсуждаются завершающие реплики взаимодействия, которые считаются наиболее выраженной частью коммуникации. Завершающие реплики должны удовлетворять их главной цели, а именно завершать весь разговор, но в то же время они не должны нарушать ни одного из коммуникативных постулатов и вызывать социальный конфликт между собеседниками. Завершающие реплики рассматриваются как сигналы стратегий, поддерживающих социальное лицо. В этой статье приводятся доказательства того, что институциональные разговоры отличаются от естественных разговоров, особенно с точки зрения структурной роли завершающих реплик, которая аналогична структурной роли начальных реплик, но отличается специфическими формой и способом: окончание разговора

¹ This article was originally a paper given at the 3rd Workshop of the DFG-sponsored Network Urban Voices (**Urban Voices** – Linguistic and communicative diversity in face-to-face-interaction of Russian-speaking interlocutors in Saint Petersburg and German cities **Stimmen der Stadt** – Sprachliche und kommunikative Vielfalt in face to face-Interaktion russischsprachiger SprecherInnen in Sankt Petersburg und deutschen Städten **Laufzeit:** 2012-2015 DFG-funded network (GZ TH 1506/2-1) **Project coordinator:** Nadine Thielemann), entitled “Linguistics and Grammar of Talk in interaction” in Potsdam, November 6-9, 2014. My special thank go to the following participants whose questions and critical remarks contributed to a modified better version of this paper: Dagmar Barth-Weingarten, Nadine Thielemann, Nicole Richter, Ludger Paschen, Bernhard Brehmer and Aleksandra Kuznetcova who helped me with the transcription of the recordings of spoken conversation of Russian heritage speakers in Berlin and Potsdam.

является их ключевым и главным инвариантом. Автор утверждает, что просодия играет решающую роль не только для обозначения когнитивной семантической информации (тематической артикуляции), но также для выражения экспрессии и вежливости, а также для переключения грамматических значений, превращая их в значения коммуникативных смыслов. Помимо общения между людьми, рассматривается особый случай.

Ключевые слова: грамматика, синтаксис-просодия-интерфейс, разговорный русский, теория речевого акта, социолингвистика, директивы, прагмат-спектрограммы, средние значения формант, акцент тона, мимикрия

Ссылка при цитировании: Коста П. Грамматические и просодические средства оформления (пре-)директивов во взаимодействии с людьми и животными // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 4. С. 111–138. DOI: 10.18721/JHSS.10411

Эта статья открытого доступа, распространяемая по лицензии CC BY-NC 4.0 (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>)

State of the art and Background of this study

Language as well as the shape of discourse are influenced by and reflect social meanings. Due to the frequent turnover of communicative situations in which urban dwellers happen to find themselves in their everyday lives, they have a multitude of linguistic, paralinguistic and pragmatic resources at their disposal to display and highlight a relevant social identity, to accomplish a given task accordingly to the speech event etc. Attempts to describe linguistic and communicative variation and hence to capture the pragmatic competence of inhabitants of Russian cities have been made from different vantage points. Nevertheless, there is a lack of analyses with a necessarily wide scope of possibly relevant linguistic, paralinguistic and pragmatic phenomena and a trend to neglect specific sociolinguistic variables revealing social differentiation such as migration or ethnic background.

The first desideratum is partially due to certain preferences regarding methodology. The second desideratum is strongly connected with the lack of data from specific groups and situations. The network Urban Voices which has been sponsored by the Deutsche Forschungsgemeinschaft (DFG/German Research Society) in the years 2012–2015 under the coordination of my former assistant and now chair of Slavic linguistics at the Economic University Vienna Nadine Thielemann has developed a framework and tried to overcome both mentioned desiderata by analyzing a wide scope of social meanings conveyed linguistically by urban speakers of Russian in Saint Petersburg (SPb) and in German cities, and by applying different methodological approaches capturing how social meaning is encoded in spoken language and talk-in-interaction. Features stemming from all linguistic subsystems as well as pragmatic and interactional features or preferences for specific discourse genres can be involved in signaling social meaning. Approaching this wide scope of potentially relevant

phenomena, different methodologies will be applied in a triangulating fashion, which allows for capturing all potentially relevant dimension of variation and for cross-checking and validating single analyses. This enterprise crucially depends on data reflecting linguistic and communicative diversity and allowing for the application of methods rooted in pragmatics and research on prosody and, therefore, mainly relies on audio-data from authentic talk-in-interaction.

Research on Russian talk-in-interaction has so far concentrated on specific varieties and contexts of use and favored certain methodological approaches. An important point of departure has been the work on Colloquial Russian (CR, *ruskaja razgovornaja reč'*) [1–6]. CR is thereby defined by Zemskaja [1;2] as the variety of Russian used by well-educated urban inhabitants in casual and unprepared face-to-face-interactions. The data bases mainly consist of interactions within families and gatherings of friends or relatives recorded in Moscow [7] and fewer data from other cities such as e.g. Ekaterinburg [8]. It is the variety of CR that features prominently in the analysis of Russian talk-in-interaction and that has been described as the essential variety of communication in the urban space. Descriptions of this oral variety of Russian pay special attention to syntax, word order, strategies of nomination, word formation as well as to phonetic and prosodic features. Features of CR concerning all these aspects are described and explained in terms of deviation from the norm of Russian codified literary language. Zemskaja et al. conceive of CR as of a specific linguistic subsystem typical of certain extra-linguistically modeled situations which makes it extremely difficult for them to account for variation and deviation from CR frequently occurring in otherwise standard CR-situations. Deviation from as well as variation of this default variety rather provides a socially meaningful resource fulfilling specific functions (e.g. in the context of positioning oneself in opposition to an out-group or in attempts to change the framing of

the event). Interestingly, Zemskaja [2] points to instances when speakers switch to an 'inferior' as well as a 'superior' variety in default CR- talk in order to frame an utterance as humorous.

Another variety that received significant attention in Russian (and Soviet) sociolinguistics is qualified as substandard and ascribed to poorly educated urban dwellers (*prostorečie*). Similar to CR, this variety has also been described as a relatively stable and closed subsystem characterized by specific linguistic features which are habitually ascribed to a particular social group. This picture of social stratification in the urban space is challenged by the Perm' school of sociolinguistics [9] who advocates a variationist approach integrating different social (e.g. gender, age, social status/education) and regional parameters. In assessing phonetic features and checking their statistical relevance mainly based on elicited data from Perm', Erofeeva [10], for example, reveals the complex relationship and interaction of regional dialects, substandard, CR, and the codified literary language and argues for the formation of regiolects. Especially in times of increased mobility the urban space turns into a platform nurturing processes of convergence between standard language and dialects, dialect leveling or the emergence of new regiolects as Krause [11] assumes with regard to several larger Russian cities apart from Moscow and Sankt Petersburg. In effect the linguistic situation in Russian cities is far more complex.

Linguistic and communicative behavior is further affected by the situation in which interlocutors converse; this factor interacts with the social identity of the speakers. Analyses based on authentic face-to-face-interaction revealing variation in natural settings are still scarce [7], especially when compared to analyses conducted in Western cities [12]. As a platform which brings together people from different ethnic backgrounds the market and communication there introduces a new and largely neglected social parameter to Russian sociolinguistics – the speakers' ethnic migration background. Kirilina [13] observed among other things the language of migrants from Middle Asia and the Caucasus on Moscow markets by linguistic landscaping. Oglezneva [14] describes the Russian- Chinese-Pidgin which originates in the communication on the markets in Blagoveščensk. But we still know little about the communicative as well as linguistic competence of migrants in Russian cities in the various settings in which they happen to communicate during the day. Judging from the literature, especially concerning the early analyses of Zemskaja and her team, it is not always clear whether a social constructivist approach to variation is favored or not, although their analyses are conducted on situationally embedded, authentic data. Sappok

[29] shows how a Praat-analysis with a spectrogram can contribute to detecting individual prosodic and phonetic features of voices in conversation. It is, therefore, important to discuss the relationship between linguistic features, pragmatic and communicative preferences and the social meaning constituted or indexed to by these features [29]. Only detailed analyses accurately following the interaction data reveal the socially relevant meaning potential of certain features and allow for checking whether the interlocutors themselves orient to them, for example, if there occurs variation. If we assume that variation of linguistic as well as pragmatic features is actively exploited by the speakers to convey social meaning, it follows that speakers have several linguistic and communicative styles at their disposal. Then, it is also presupposed that speakers can actively switch and, therefore, also accommodate to different situations or highlight a certain social identity respectively. We still know little about the stylistic repertoire forming the communicative competence of Russian urban dwellers [7]. Social constructivist approaches to linguistic and communicative variation in face-to-face-interaction favor a qualitative approach. Features situated on several levels of the linguistic system as well as pragmatic features are listed, but the role of a certain feature within a variety is neither assessed nor quantified [2].

So, we know little about the relevance or significance of single features and about the interaction with other features within the context of a certain style. In assessing the role of single features, it will be fruitful to combine qualitative methods e.g. from interpretive sociolinguistics and quantitative methods rather inspired by variationism. Since the phenomena that account for a style reach from features from all linguistic subsystems up to pragmatic, interactional features and preferences for certain speech genres, it is necessary to look at phenomena on all levels of discourse and language, in order to see how they interact with each other [15-16]. Such a synthesizing view of variation favors methodological triangulation and as well helps to show which speech activities and genres are connected or associated with certain styles. How is an activity accomplished by a certain social group or within a specific setting? This requires the analysis of interaction embedded in various situations. Only analyses of different private and institutional settings in which inhabitants of a city come together during their days reveal the wide range of communicative genres typical of urban communication during a day, and give insight into how they are accomplished by members of different social groups.

Since a wide spectrum of linguistic, paralinguistic as well as pragmatic and interactional features may

be involved in socially meaningful variation, the scope of potentially relevant phenomena has to be broad. This requires a more thorough look at Russian talk-in-interaction. Its distinctive linguistic shape has been described by Zemskaja and her team as resulting from the general pragmatic and communicative conditions of face-to-face-dialogue. Nevertheless, there is no systematic account of interactional properties such as turn-taking, repair or sequential organization for the specific shape of Russian talk-in-interaction that would explain e.g. syntactic features of spoken language as determined by its occurrence in turns in talk-in-interaction (cf. the program of Interactional Linguistics e.g. proposed in [15-21]. A first attempt is made by Grenoble [22] who shows how Russian interlocutors 'share' syntactic constructions by incrementally continuing the other's turn after turn-taking extending or finishing the interlocutor's syntactic construction. Research by Kibrik and his colleagues based on the analysis of dream telling monologues raises the question how units in spoken language can be defined, regarding prosody and syntax as two subsystems contributing to segmentation in oral discourse [23]. Among other things they offer a description of incremental turn-extensions in Russian monologues. It can further be assumed that the shaping of linguistic units in talk-in-interaction is influenced and affected not only by discourse genre but also by situational and social factors.

Research in this field has probably also been impeded, since there have not been sufficient data bases of recorded institutional and non-institutional talk-in-interaction of interlocutors from different social backgrounds, including the audio-recordings necessary for checking and re-evaluating especially prosodic and interactional features. This kind of data is e.g. partially included in the ORD-corpus (Odin rečevoj den') [24; 25] comprising authentic face-to-face-interaction taped by several informants during one day. In choosing different informants and in taping private as well as institutional communication during one day, the ORD-data offer rich access to a variety of speech styles and discourse genres typically occurring during the speech day of an urban dweller of Sankt Petersburg. To a certain degree elicited data e.g. from sociolinguistic interviews are a viable source, too. This material has to be supplemented by recordings of Russian speakers living in Germany enabling researchers to check the impact of migration on the social and situational variation of Russian spoken abroad. So far there are no data corpora comprising natural interaction of Russian migrants from different settings. First attempts have been made by Beatrix Kress recording lessons in Russian Sunday schools in Germany offering access

to certain linguistic and discourse practices fostering language acquisition with young heritage speakers. Nevertheless, additional data have to be collected replicating the ORD-method in order to compare linguistic and pragmatic variation of migrant speakers of Russian in Germany.

Topic of this article

Closings are usually the most sensible parts of conversation because they have to be prepared in a proper way. They must satisfy their major goal, namely to end up conversation, but at the same time, they should not violate any of the conversation maxims (Paul Grice) and also they should not cause social conflicts between the interlocutors. So closings are in a way also 'signals of face-saving strategies'. A talk, which ends up in a conflict is on high risk to introduce new conflicts in future. So, the social and moral obligation of speakers in verbal interaction lies in the *Pragmatic maxime of social permanence*. This paper provides evidence that institutional conversations differ from natural conversations, especially with regard to their closings, an aspect of structural property, which they may share with other structural properties of openings, but in a very special form and way - ending up conversation being their crucial and major invariant.

Utilizing two examples – one from ORD (S35_01) and one from our own corpus (UVUP 1_04), I shall contrast felicitous closings by both native Russians from St Petersburg and highly proficient native speakers with a bilingual (migrant) background. By contrast, I want to show also examples with *infelicitous closings* by bilingual (Russian-German) speakers (with Russians of different level of social and verbal integration into the German society) and contrast them with typical closings of natives and nonnatives. I shall show that the closings of these talks-in-interaction cannot be reopened in the ways described by Schegloff and Sacks [26]. In fact, the data show that native speakers talks are not reopened at all, but are only followed by separate and highly limited post-session-conversations. Pre-directives are constituents or parts of grammar which have the function of **Directive** Speech acts, preparing the partners to change strategies of verbal and non-verbal behavior, breaking up conversation etc., if necessary by introducing a new frame, and thus modeling upon a new topic and/or a new situation – a new scene (cf. Frames-and-Scenes Semantics Fillmore's). Since bilinguals and nonnative speakers often do not know or follow the context-specific constraints, their conversations provide evidence for the rules and also for violating rules of such exchanges.

The UVUP Corpus: Cover page Inventory, Minimal and Basic Transcripts

I start with the Data observation of our corpus. First Criterion: **Observational Adequacy**: While collecting data, we proceed as follows. After the selection and taping, we decide on which data we take for the purposes of our research. This decision is based on so-called **Deckblatt des Gesprächsinventars**.

Second Criterion Level: Syntax and Prosody First: Since our research concentrates on the interconnection of the **syntax-prosody** interfaces, we need good quality recordings in wav-format, and we do not use bad or non-intelligible spoken recordings. The second criterion besides quality of intelligibility is of course the content which is information on Syntax and Prosody. We do not select data where syntax and prosody play just a minor role.

Third Criterion Editor and Transcription: Our editor Folker is fed with a mild form of ISO-transliteration (more exactly: **ISO 9** (*Transliteration of Cyrillic characters into Latin characters – Slavic and non-Slavic languages*), but this system is enriched by our special symbols partly taken from GAT 2. The transcription system GAT 1 and GAT 2 means “conversation analytical transcription system” and was developed by a team of German colleagues from the universities of Potsdam and Freiburg i. Br. It is also used at the Institute for German Language IDS. We have an agreement with IDS Mannheim to add additional Slavic characters to the FOLKER Editor, which has resulted in the Urban Voices University Potsdam corpus under my copyright [28]. But due to the special situation of Russian phonetics, also by symbols of phonetic transcription (IPA) and prosodic symbols which Folker has taken from us for Russian conventions of transcriptions. I recall just some basic facts/conventions:

Conventions in the DFG-Project developed after GAT1 and GAT2: Minimal Transcript – Basic Transcript and Fine-grained Transcript.

Developed in 1998, revised in 2009 3 levels of detail possible.

Minimal Transcript – (working) Transcript, applicable also outside of linguistics Basistranskript – extension to the prosodic information, which is necessary to avoid semantic misunderstandings and to develop pragmatic function Feintranskript – containing detailed information about the prosody

No phonetic symbols, so fast transcribing and better readability.

(I) Minimal Transcript

KS: vot oni nikomu ne ponadobivšiesja možno °h

VA: tuda a začem nam voobščë zaštavili nas èto pečatat' esli

(0.41)

KS: nu nado bylo

Starting point: standard written language

Matches:

ч → č ш → š щ → šč ж → ž ь → ‘ ъ → “
ы → y э → è ё → ë я → ja ю → ju

(II) Basic Transcript

Transcription with Latin letters in Basic Transcript:

e.g. KS: VOT an'i n'ikamu n'è panadab'ivšyjes'a možna °h

VA: tuda a zaČ'ÈM nam vabšč'è zaštav'il'i nas èta p'ičatat' jès'i

(0.41)

KS: nu NAda byla

Starting point: spoken language (RRR/prostorečie)

Equivalents:

ч → č' ш → š щ → šč' ж → ž ь → ' ъ → "
ы → y э → è ё → ë/o я → ja/'a ю → ju/'u
Palatalized consonants: e.g. /n'/ and /t'/,
нить → n'it'.

Russian spoken language differs from written language on the phonetic level.

Strong reduction of non-accentuated vocals /a,o/, /e.../:

- Strong reduction of non-accentuated vocals: молоко/moloko [mъlako] → malako
- Voiceless consonants in word-final друг/drug [druk] → druk
- voiceless / voiced consonants at morpheme boundaries:

отдыхать/otdychat' [addychat'] → ad:ychat'

- Palatalization of consonants:

они/oni [an'i] → an'i

всё/vsë [vs'o] → vs'o

- Long breaks

Extra line at long intervals (> 0.05)

KS: VOT an'i n'ikamu n'è panadab'ivšyjes'a možna °h

VA: tuda a zaČ'ÈM nam vabšč'è zaštav'il'i nas èta p'ičatat' jès'i

(0.41)

KS: nu NAda byla

- Short breaks (<0.05 sec)

VA: slušaj a (.) cv'èty tam u t'eb'a n'è nač'al'i V'AT'

- A phonetic word (no intermission):

v_akno

f_kravat'i

- No pause between intonation phrases:

VA: n'èt èta PLOcha = ja chaču užè v'isNU

This plays a crucial role in my project on prosody-

syntax interface and we shall take up this idea and we believe that the information about pauses and zeros in online-syntax must be revisited because I strongly believe that syntactic constituents of types don't always (or even do only rarely) project tokens on the level of online-syntax. In this situation, the prosody-syntax interface can be detected by means of Information structure, Formant-Analysis (exact analysis of closures, vocals etc.) and Pitch, and of course intonation contours. For this reason, we have tried to implement this information into the Praat-editor. For this reason, we also have to introduce additional symbols of the Praat-system into Folker. Until now, we have included the following symbols:

Intonation:

Accentuation/prosody

KS: a mn'è pr'išla Novaya kartč'ka

Extra strong accent

KS: n'èt ETA #MA#i nask'i

Pitch movement at the end of intonational phrase

KS: što n'ibud 'mn'è k n'ej Nada? (.) Pr'ilagat '?

high rising, mid-ascending

---- Consistently;

medium-falling, low falling

Transcription Editor FOLKER

- It was developed for the transcriptions of the German language by IDS
- Other languages with special characters of the language: French, English, Spanish.
- Compatible with other transcription programs such as ELAN, EXMARaLDA, Praat

- User-friendly interface
- Oscillogram with Zoom function – Automatic syntax checking and time
- Three types of playback of recordings
- Transmission of the transcripts in Word and HTML
- Score view search function
- A spokesman - a line: Inter linearization and translation not possible.

The first sample includes a conversation of Russian Migrants living in Berlin. This sample belongs to a large UVUP-corpus on spoken language data developed at the Department of Slavic Languages and Literatures, Chair Slavic Linguistics in the course of the DFG-Network Urban voices in the years 2013-2014.

Directive Speech Acts and Russian Intonation Patterns

My major concern will be the topic, e.g. the syntactic embedding of certain lexical items, which either themselves are directives or they serve as introductory elements embedding directive speech acts. DIRECTIVES are one of classes of speech act which Searle tried to classify in the following way:

DIRECTIVES

Illocutionary point S tries to bring H to completion / failure of an action orientation World-to-word – relation

The Mental State S-desire Examples request ask command

«Cover Page: Score of the conversation» Listing (1).

Conversation name and number: At home, UV_UP_01_03

Recording date and time of February 2013, in the morning

Duration of the inclusion: 9 minutes 43 seconds

Location: At home with Pavel and Maria

Speakers: Pavel family = Mikhail (MI), Maria = Ksenia (KS), Alexandra = Vasilisa (VA), Kristina = Marina (MA)

For more detailed information see the file subjects. Pavel = Mikhail (MI) - father, older generation, no further information

Maria = Ksenia (KS) - Mother, older generation, no further information

Alexandra = Vasilisa (VA) - elder daughter, young generation, no further information

Kristina = Marina (MA) - younger daughter, preschooler, young generation, no further information

Recording is available as audio: yes (.wav format)

Recording is available as a video: no

Short Description: selection of the school for the little daughter of Pavel and Maria, the family sitting in front of the PC

General comments: The beginning and the end are abrupt. KS speaks most and switches most frequently into DE.

As before transcription are:

TranskribentIn: Aleksandra Kuznetcova

Control of transcription: Peter Kosta

Listing (2).

{00:29}	0019	KS	M'Iša (.) atkROJ gd'è n'ibud' (.) vot zd'ès' vot pa_momu ah
{00:32}	0020		(0.96)
{00:33}	0021	KS	i najd'i ijo_è v nol' DVA nol' p'at'
{00:36}	0022		(0.22)
{00:36}	0023	VA	možet my mar'i prošto išč'o asTav'im na god požžè
{00:37}	0024	KS	nol' DVA ka nol' p'at'
{00:39}	0025		°hhh nol' DVA ka nol' p'at' (.) dalžNO byt' zd'ès'

In the following sequence of the UVUP transcript 1_03, the speaker KS = Ksenia asks MI = Mikhail to open a website to find a suitable school for their preschooler Marina (Listing 2).

UVUP01_03

Obviously, it goes of the numbers to the postal code to corresponding district, close to the residence to find, in order to take not a longer school way than needed. In this moment, the elder daughter VA=VASSILISA intervenes with a turn in the background and makes a counter-proposal. This is an indirect speech act, formulated as a counter offer. However, this is obviously ignored by the mother KS = Ksenia. The fact that this counter-offer has been ignored by all interlocutors, may be attributed to the concentrated and strenuous search for the right school, or there are more pragmatic factors such as age and lack of authority which play a crucial role.

In the Russian Academy grammar, the Russian Intonation and the classification according to Bryzgunova in the distinguished tradition of seven intonation-patterns is being treated. This part is not classified and analyzed according to the criterion of speech acts or illocutions, but rather following the neutral vs. marked (expressive) intonation patterns, along these lines also mixed types of prosodic patterns, different sentence types, different modal contexts etc. are classified. Interestingly, we find at least on page 114 of the first volume the following remark: In volitional contexts, IK-3 can serve as a means of (mild) request, while IK-2 usually expresses a command (using also the mode imperative as grammatical means).

The first question under consideration will be: Does our contexts of spoken Russian contain strict commands or rather mild requests? Examples are only partially known up to now, and we have to analyze them again in our project. Partly also, because the mentioned, very general and in my view incorrect generalization does require further consideration! With us, the UVUP corpus particularly does a good service, because we use, both, intonation patterns as well as other tools such as the contour of the pitch-accent in the corresponding formants (using Praat).

The first example will be the Directive in turn 0019 KS:

(3) 0019 KS M'Iša (.) atkROJ gd'è n'ibud' (.) vot zd'ès' vot pa_momu ah

UVUP01_03

The Directive *atkROJ* has the grammatical form of the Imperative 2PsSg. The prosodic information is given in the table 1.

Besides the explicit forms of marking directives (directive speech acts with directive speech act verbs) there are many interesting examples of quasi-directive grammatical contexts, in which a particle, a lexical word or another variable can serve as an element introducing or embedding a direct speech act verb or a situation where a direct speech act could take place. These elements, I have detected in ORD and I have also compared them with our corpus data. What is the function of these elements? I take it for one possible function that the serve as preparatory elements within the appropriate turn constructional unit (TCU) to the already introduced and mentioned Opening-Closings. It is not just important to analyze such elements with respect to their syntactic positions and their grammatical functions but above all because of their pragmatic function in conversations.

Methods of Measuring Prosody and Intonation at the Prosody-Syntax Interface¹

The prosody can more or less be controlled arbitrarily by speakers. We can see that the second turn in which the same person uses a directive differs from the first one significantly because the speech act

¹ The present contribution took into account only literature relevant for our major hypothesis, the important role of the syntax-prosody-interface for directives. We are fully aware of the important work by the team of the phonetic corpus of spoken speech of Natalia Bogdanova-Beglarjan et al. (cf. references), and some of the data are indeed based on the phonetic corpus (cf. references *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи* (2013) Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с. *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи* (2014) Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. *Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории* / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. — СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014. — 396 с. *Звуковой корпус как материал для анализа русской речи* (2015) Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. *Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов* / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. — СПб.: Фил. ф-т СПбГУ, 2015. —

verb *najdi* is not even focussed, the pitch arrives only a mean of F0 the highest of the 306.912912287193 Hz (maximum pitch in SELECTION) which is not only due to the fact that the formant [i:] is a front vowel and has different phonetic properties than the [a] in the first example but more important is the fact that in this context the imperative form is not the semantically salient element but rather the number word DVA 'two', cf.:

(4) {00:33} 0021 KS i najd'i ijo_è v nol' DVA nol' p'at'

UVUP01_03

I claim that prosody does not only play a crucial role in order to mark cognitive semantic information (e.g. topic-focus articulation) but also to mark expressivity and politeness and to switch grammatical meanings of turning them to meanings of communicative senses. This can be easily shown on directives which besides negation are the most violent elements of speech. Negation can be blessing but also imperatives can be invasive means of conversation. With other words: Turn down something someone can be just as pushy and rude act as if you ask someone for something. In both cases it can be overt or covert forms of intrusiveness or rudeness in Listing (5).

ORDS035_01

The older man talks to the cat Dyma in a very lovely tone like to a little child. This can be detected by analysis of the speakers' signal analysis of fundamental frequency (F0), intonational contours and pitch and also pause insertion. F0 can not only provide important information on the status of tonal behaviour of topics or focal elements in the utterance but pause insertion can also serve as means to detect evidence for prosodic phrasing in syntax and expressive (emotional) status of the speaker. I show such a structure in one example here table 3 reflecting the emotional status of the speaker. Starting with the recording at turn 062 in Listing (6), we can now analyze the prosodic structure of the F0 values.

364 c. However, since the cases we studied here mainly involve the prosodic marking of the pitch accent and the formants of pre-directives, and also include information-structural factors such as topic-comment and background information, and since more or less no pragmatic analysis of the pragmatic markers (as is the cases in the above-mentioned work by the team of Sankt Peterburg State University, cf. Богданова-Бегларян) are involved, this work is largely based on other methods of measurement and methods from viewpoint of the syntax-prosody-interface (as introduced and launched by the Potsdam group around Dagmar Barth-Weingarten, Margret Selting and myself). Another comment of an anonymous reviewer is that psycholinguistic methods should be included. This would be, in fact, contrary to the method of conversational analysis of the Potsdam Conversational analysis, which confines itself to ethnomethodological methods and formal behavior of social interactions in talk as introduced by Harvey Sacks and Emanuel Schegloff, and continued e.g., in the work e.g. of John Heritage (UCLA), Peter Auer (Freiburg i.Br.), Dagmar Barth-Weingarten, Margret Selting, Elisabeth Couper-Kuhlen, and Peter Koša University Potsdam, Germany. Thus, psychological or mentalistic methods are by definition excluded in the present article.

ORDS035_01

The mean value F0 in the beginning of the turn (62) lies on the semantically more or less empty syntactic pattern particle *von* and a verb of perception *von v'id'i* which serves as phatic particle with a F0-value of 143.80237321916985 Hz (mean pitch in SELECTION) (low pitch) (cf. phatic elements are introducing elements with no referential value serving as social addressors) [30]. The next element in the sentence has a rising pitch because it is a focus particle *da* 'even' (401.6421957630942 Hz (mean pitch in SELECTION)) and then a focused noun in accusative *yVot'ik* with a pitch F0 of 484.00972566677507 Hz (maximum pitch in SELECTION). Both elements are the elements with the highest F0-value ranging between 401 and 484 Hz. The next salient element is the noun phrase introduced by a particle cluster sequence of *vot, vot, vot dyma* with a low F0. The noun phrase *ty maja* U:Mn'ica; has a rather low F0 (ranging about 200Hz) but this is so because the vowel [u] differs with respect to fundamental frequencies as compared to other vowels. In German e.g., the vowels differ w.r.t. fundamental frequencies not only dependent on the factor quality (position frontal vs. middle vs. back, high, middle low) but also dependent on the gender and age (see listing 7).

Formantentabelle mit Grundfrequenz F0 und F1, F2, F3 der Vokale, gemittelt über 76 Sprecher: Männer (M), Frauen (W) und Kinder (Ch). (entnommen aus: PETERSON, BARNEY, 1952, S.183).

The following table serves as an example for how we can analyze the prosodic means at the prosody-syntax-phonetics interface. We give a simple analysis of the turn 041 at {00:58}, example:

{00:58} 041 M èto brat d'èla taKOjè;

Prosodic phrasing signaling the emotional status of the speaker will be demonstrated with help of a PRAAT-Spectrogram analysis consisting in the following parts:

1) PRAAT-Spectrogram for the whole utterance (I have also segmented the PRAAT spectrogram so that every sound corresponds to a word -> there is a separate picture).

2) Mean formants for the whole utterance

3) Maximum and minimum pitches for the whole utterance

4) Maximum and minimum pitches for <taKOjè>

5) Mean formants for <taKOjè>

6) Spectrogram only for <taKOjè>

Listing (5).

{00:52}	037	M	mama n'è uM'Èit; (.) DA?
{00:54}	038		(1.29)
{00:55}	039	M	my ZNA:im č'o nam nada;
{00:57}	040		(1.38)
{00:58}	041	M	èto brat d'èla taKOjè;
{01:00}	042		(1.79)
{01:02}	043	M	DA dymač'ka;
{01:03}	044		(0.52)
{01:03}	045	M	da moj chaROšy;
{01:05}	046		(0.84)
{01:05}	047	M	DA (.) moj SLATk'ij ((lacht)) °hh ÈJ, (.) kraSAFč'ik; °h (0.15) krasafč'ik moj MAI'en'k'ij;
{01:11}	048		(1.25)
{01:12}	049	M	krasafč'ik moj SLATk'ij t;(0.23) O:J;
{01:15}	050		(1.29)
{01:17}	051	M	O: kak my um'èim;
{01:18}	052		(1.57)
{01:19}	053	M	a MAma n'è uM'Èit ana–
{01:21}	054		(2.16)
{01:23}	055	M	O:[.J;]
{01:24}	056	F	[DA];–
{01:24}	057		(0.22)
{01:24}	058	F	pač'èMU on m'in'a tak–
{01:25}	059		(0.21)
{01:26}	060	M	my vot (.) O:T kak možèm;
{01:27}	061		(0.62)
{01:28}	062	M	von v'id'iš dažè žyVOT'ik patšavl'ait mn'è;
{01:31}	063		(0.3)
{01:31}	064	F	VO:T vot vot; [(dyma)–]
{01:32}	065	M	[ty maja] U:Mn'ica;
{01:33}	066		(0.11)
{01:33}	067	F	UMn'ica;
{01:34}	068		(0.77)
{01:35}	069	M	(Od'a);
{01:36}	070		(1.15)
{01:37}	071	M	DYma dyma dyma ty n'è s'uDA zal'ès; (.) nu ka daVAJ; (.) daVAJ;
{01:40}	072		(1.48)
{01:41}	073	M	DYma– (.) paŠOL– (.) paŠOL ats'uda; (.) NU?
{01:42}	074	F	((hušet))
{01:43}	075		(0.32)
{01:44}	076	M	ty V'IS' pravada zar'ažaju t'il'ifon;
{01:46}	077		(3.67)
{01:49}	078	M	t'il'èfonč'ik zar'ažaju; (.) V'Id'iš,
{01:52}	079		(4.89)
{01:56}	080	M	TA::K;

Listing (6).

{01:28}	062	M	von v'id'iš dažè žyVOT'ik patšavl'ait mn'è;
{01:31}	063		(0.3)
{01:31}	064	F	VO:T vot vot; [(dyma)–]
{01:32}	065	M	[ty maja] U:Mn'ica;
{01:33}	066		(0.11)
{01:33}	067	F	UMn'ica;
{01:34}	068		(0.77)

{01:35}	069	M	(<i>Od'a</i>);
{01:36}	070		(1.15)
{01:37}	071	M	<i>DYma dyma dyma ty n'è s'uDA zal'ès; (.) nu ka daVAJ; (.) daVAJ;</i>
{01:40}	072		(1.48)
{01:41}	073	M	<i>DYma- (.) paŠOL- (.) paŠOL ats'uda; (.) NU?</i>
{01:42}	074	F	(<i>huslet</i>))
{01:43}	075		(0.32)
{01:44}	076	M	<i>ty V'IS'pravada zar'ažaju t'il'ifon;</i>
{01:46}	077		(3.67)
{01:49}	078	M	<i>t'il'efonč'ik zar'ažaju; (.) V'Id'iš,</i>
{01:52}	079		(4.89)
{01:56}	080	M	<i>TA::K;</i>
{01:57}	081		(8.82) ((laute Nebengeräusche, Radio im Hintergrund))

Listing (7). Fundamental Frequencies (Hz)*

		[i]	[I]	[e]	[æ]	[α]	[ɔ]	[ʊ]	[u]	[Λ]
F0	M	136	135	130	127	124	129	137	141	130
	W	235	232	223	210	212	216	232	231	221
	CH	272	269	260	251	256	263	276	274	261

Formant Frequencies

		[i]	[I]	[e]	[æ]	[α]	[ɔ]	[ʊ]	[u]	[Λ]
F1	M	270	390	530	660	730	570	440	300	640
	W	310	430	610	860	850	590	470	370	760
	CH	370	530	690	1010	1030	680	560	430	850
F2	M	2290	1990	1840	1720	1090	840	1020	870	1190
	W	2790	2480	2330	2050	1220	920	1160	950	1440
	CH	3200	2730	2610	2320	1370	1060	1410	1170	1590
F3	M	3010	2550	2480	2410	2440	2410	2240	2240	2390
	W	3310	3070	2990	2850	2810	2710	2680	2670	2780
	CH	3730	3600	3750	3320	3170	3180	3310	3260	3360

* Table of Formants with a mean frequency of F0,F1,F2,F3 of German Vowels of 76 analyzed speakers men (M), women (W) and children (CH) cited after Peterson and Barney 1952, 183, cf. [27].

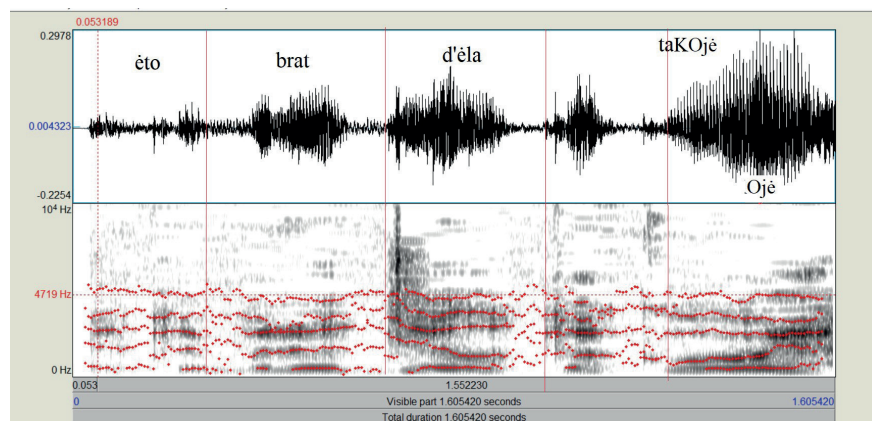

Table 1a. The whole utterance in PRAAT

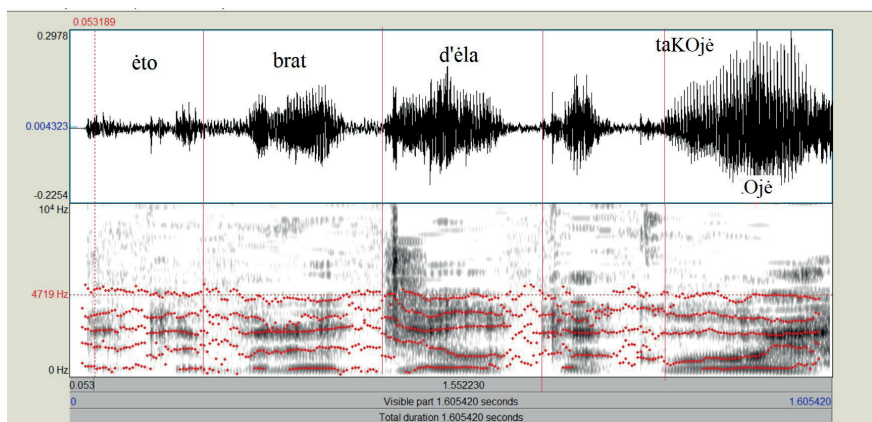

Table 1b. Sentence fragments on the spectrogram

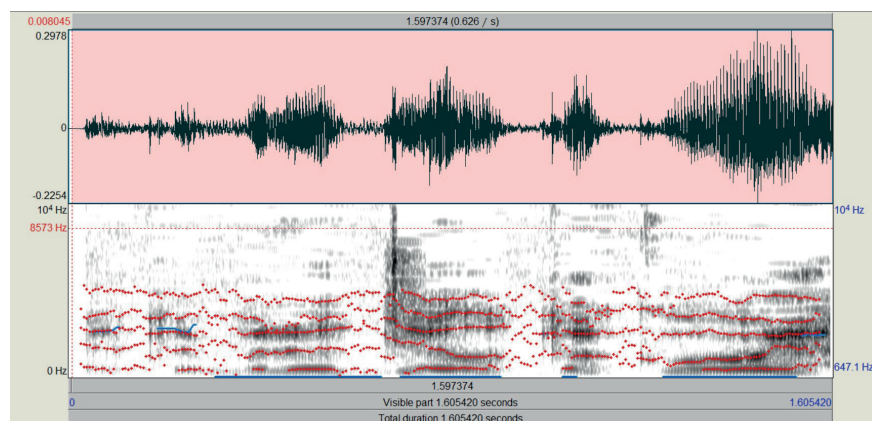

Table 1c. Mean formants for the whole utterance

Mean formants:

763.5186823582743 Hz (mean F1 in SELECTION)

1883.208084528371 Hz (mean F2 in SELECTION)

2912.5912715492186 Hz (mean F3 in SELECTION)

3864.1197661493816 Hz (mean F4 in SELECTION)

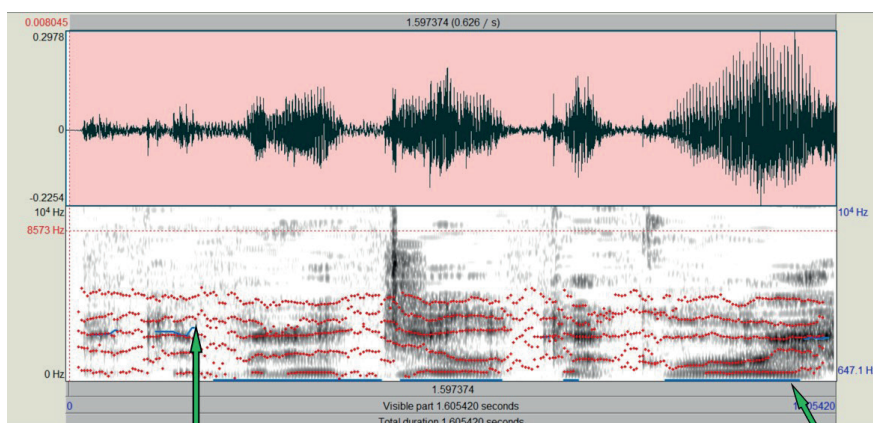

Table 1d. Maximum and minimum pitch of the whole utterance (blue line indicates pitches)

3081.2414340450746 Hz (maximum pitch in SELECTION)

131.15644398124334 Hz (minimum pitch in SELECTION)

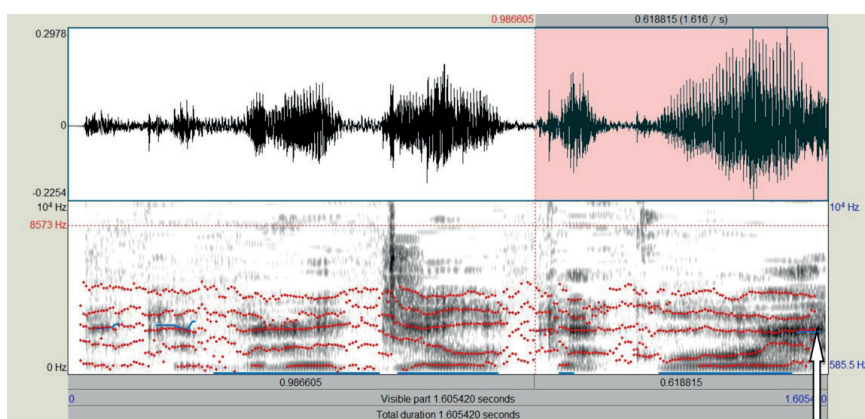

Table 1e. Maximum pitch i <taKOjè> (selected part)

2569.5481939563183 Hz (maximum pitch in SELECTION) -> <je>

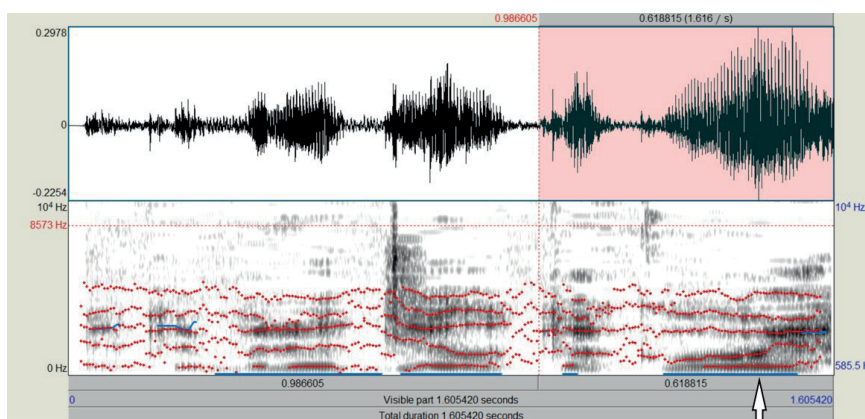

Table 1f. Minimum pitch in <taKOjè> (selected part)

Table 1i. Mean formants for <taKOjè>

783.6173451927275 Hz (mean F1 in SELECTION)
1846.6718734205406 Hz (mean F2 in SELECTION)
2888.735204619077 Hz (mean F3 in SELECTION)
3796.0266385895557 Hz (mean F4 in SELECTION)

(ORD S035 01)

In turn 476, the official signal of closing is introduced: first *nu ladno* 'well, ok' and then in turn 478 vse 'this is all'. This can be also seen on the F0, F1, on the intensity, on the falling pitch accent of the syllable and the intonation hat-contour after the first vse, and also on the short pause which serves as closing signal of the turn. Maximum pitch of the first vse is 206.41386897677467 Hz (maximum pitch in SELECTION), F1 is 984.316776545103 Hz (mean F1 in SELECTION), maximum pitch of the second vse is even higher, namely 322.25850434854783 Hz (maximum pitch in SELECTION) and the F1 is also more 1068.8981292102521 Hz (mean F1 in SELECTION).

{17:21}	463	(0.41) ((Klingeln eines Handys im Hintergrund))
{17:22}	464	M vot znač'it dvatcat'
{17:23}	465	(4.11) ((Nebengeräusche, Klingeln eines Handys im Hintergrund))
{17:33}	466	M da (.) zarabotal i
{17:35}	467	(0.32) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören))
{17:35}	468	M druguju bata (0.12) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören)) druguju paštav'il nu (.) nu tu že sa (.) katoruju ja pam'in'al
{17:40}	469	(0.56) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören))
{17:40}	470	M štaruju (0.37) v'id'ima nada batar'ėjku (.) n_druguju by novuju kup'it'
{17:44}	471	(2.5) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören))
{17:47}	472	M da è:: (.) jėsl'i by zd'ės' r'adam byl'i magaz'iny
{17:50}	473	(0.8) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören))
{17:51}	474	M ěta ja s'ėnuju ta uže prašol (.) ja na vazn'is'ėenskam
{17:53}	475	(0.87) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören))
{17:54}	476	M nu (.) nu ladna (.) ja ja znaju kak ich zaštav'it' rabotat' (.) ich pam'at' nada nemnoška (.) an'i tam
{17:59}	477	(0.47) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören))
{17:60}	478	M fs'o
{18:00}	479	(2.56) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören))
{18:03}	480	M fs'o
{18:03}	481	(2.7) ((Stimme des Telefongesprächspartners ist zu hören))
{18:06}	482	M ě v d'ėv'at'
{18:07}	483	(6.78) ((Stimme des Telefongesprächspartners und Nebengespräche sind zu hören))
{18:13}	484	M kak
{18:14}	485	(1.16) ((Stimme des Telefongesprächspartners und Nebengespräche sind zu hören))
{18:15}	486	M charašo
{18:15}	487	(0.45) ((Stimme des Telefongesprächspartners und Nebengespräche sind zu hören))
{18:16}	488	M davaj
{18:16}	489	(0.85) ((Stimme des Telefongesprächspartners und Nebengespräche sind zu hören))
{18:17}	490	M charašo
{18:17}	491	(1.35) ((Gespräche im Hintergrund))
{18:19}	492	M ja vam pazvan'u
{18:19}	493	(7.71) ((Nebengeräusche und Gespräche im Hintergrund))
{18:27}	494	M a našėva (.) n'ėtu u vas (.) nu vot
{18:29}	495	(0.12)
{18:29}	496	FA našėva n'ėt
{18:30}	497	M a:
{18:30}	498	(0.28)
{18:30}	499	FA naš'ėva da (by[vait])
{18:31}	500	M [nu:] ěta daragoj kakoj= =ja bral pa saf's'ėm pa kap'ėj pa dvatcat' (0.23) pa p'itnac pa dvac rubl'ėj byl
{18:36}	501	(0.42)
{18:37}	502	M praštoj naš
{18:37}	503	(0.05)
{18:37}	504	FA t'ip'ėr' takoj (.) nu (.) našėva u nas n'ėtu at'ėč'ėstv'ėn[ava]
{18:40}	505	M [a n'ėt]u [da:]
{18:40}	506	FA [ras'ijs]kava n'ėtu
{18:41}	507	(0.05)
{18:41}	508	M nu ěta dar[agoj]
{18:42}	509	FA [n'ėtu i](.) m ((unverständlich))
{18:44}	510	(2.73) ((Nebengeräusche, Gespräche und Klingeln des Telefons im Hintergrund))

Prosody and the Grammar of Interaction

Our analysis of interplay between syntax and prosody would confirm our working hypothesis that prosody is an important means for closings: nevertheless, it is a necessary, but by far not a sufficient condition to end a turn successfully. Closings are like all other grammatical, lexical and suprasegmental means of conversation: they are subject of negotiation talk-in-interaction between all interlocutors. Data of spoken everyday talk clearly show that native speakers talks are not reopened at all, but are only followed by separate and highly limited post-session-conversations. Thus, the post-session consists of side-themes of the major topic which is a battery purchase. Post-sessions of this kind are typical for closings in everyday talk, especially and even more typical in distant calls: they are precluded by further side issues that only spin the main theme of the battery purchase forth. The reason for this ambiguity or even vagueness can be seen partly in the channel, but also in the fact, that phatic function of phone calls is more important (for many reasons) than in face-to-face talks: first of all, in order to ensure that the audible voice on the other end of the line does not remain still. The trial to end up the phone call several times collapses: speaker S35 is not only in trouble because the female voice presents more and more questions and the speaker is obviously exposed to the illocutionary compulsion in the sense of a question-answer adjacency pair. Secondly, he does not want to end abruptly for reasons of politeness. On the other hand, it is also him, who introduces new topics in the post-session conversation.

Results

F0 values were extracted in all examples at three important points: (1) the first lowest, (2) the highest from the F0-peak, and (3) the final one at the end of the topic constituent (cf. tables 1-4). Directives formed with verbs in the grammatical mode of imperative (which in Standard Russian rather express direct or even categorial command - a prompt command)) are often accompanied by prosodic means by which speakers either underline the illocutionary force or they express their emotional attitude to the interlocutors or to the topic of conversation. Speakers often use little words or adhortative particles, such as *davaj*, *davaj*, *vse*, *ladno*-*poexali*, *davaj-pošel-pošel* and repetitions of the proper Names or other forms of address (e.g. *Dyma* in the cat example, ORDS35_01, is repeated more than 5 times after another). These introducing little words, I would like to call pre-directives [31]. Although at the level of intensional semantics these elements/words may be regarded as emptied

(similar to what is sometimes claimed for modal or focus particles), still they play a crucial pragmatic and conversational function on the prosodic-semantic level of discourse. In fact, these little words are very meaningful, they build a situational semantics, expressing the relational attitude between the interlocutors, be it in human-human or human-animal oriented speech.

Therefore, at the level of the conversation, not the intensional meaning of the grammatical forms and their compositional sentence semantics is crucial for the interpretation (imperatives / commands), but rather the inferred illocution (in indirect speech acts) or the illocution by conversational implicature. In this way, the prosody switches the grammatical (sentence) meaning of the imperative forms to zero and causes a positive connotation, thus the compositional meaning of the utterance is positive-polite, even inviting and not forbidding. This all can not only be stated but rather it can be proven on the analysis of prosodic contours of the loci I am trying to investigate. We have found that not only the local tonal patterns of topic and focus positions are of the form of high-low-high or low-high-low-sequence patterns in all examined cases, but the data of F0 show by principle no local differences in the tonal behavior between different types of topics and foci. This is quite important also to the extent, that important information in the prosodic structure can be placed on any clause-internal position regardless of the status of the semantics (intensional or extensional, significative meaning or connotation). Exceptions are external topics, which seem, similar to parenthesis and analepsis, their own prosodic structure and their own prosodic domain. Thus, prosodic units which introduce a new information or those which repeat an information by means of external topics, seem to reset the F0-contour to a low F0-value immediately after the pause. Resetting is realized by starting at a low F0-level after the pause which is continued by an increase of F0-values. The same holds true for contexts in which a new introduced information is expressed by informational focus F0-contour (cf. 2 with the example of the numeral DVA focused after the first F0-contour). Table 2.

The maximum pitch of the first formant is 356.9201693729257 Hz (maximum pitch in SELECTION) as opposed to the minimal pitch 98.83444366771978 Hz (minimum pitch in SELECTION) which lies on the word 'ah' in the end of this prosodic unit.

In the continuous speech (sometimes even in single words) some parameters of the speech signal seem to change over longer periods continuously.

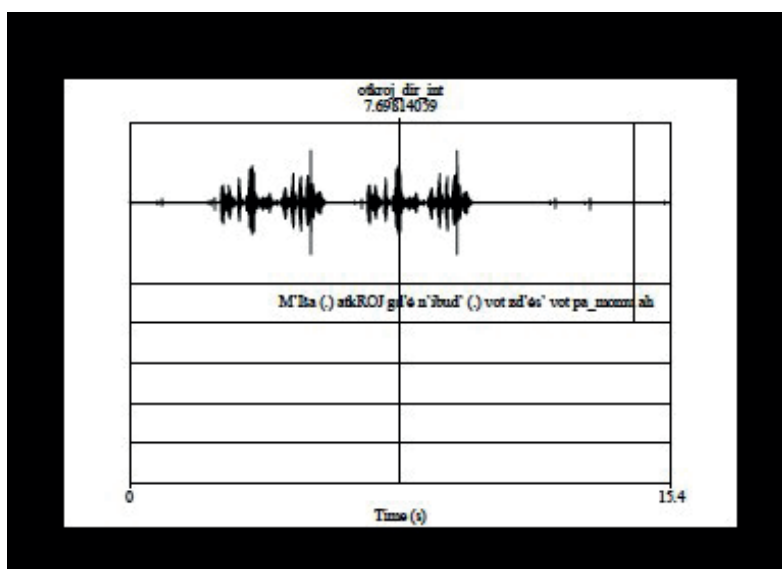

Table 2. The pitch accent of the word atkROJ (verum focus).

The type of utterance and also the semantics of the utterance are virtually modified and sometimes even determined by a global structure of sentential prosody. These parameters include, inter alia.

(i) The intonation, i.e. the course of the fundamental frequency in the voiced sections of the speech signal.

(ii) Pauses/breaks, that is, the absence of the speech signal.

(iii) Relative volume, i.e. local increases in energy.

The general use of these three parameters in the structure of an utterance we call prosody. As we now know, these parameters are determined not so much by the position of the articulation tract, but rather by the type of phonation.

(i) Topic-Focus-Articulation or Topic-Comment Structure (IS).

(ii) Illocutionary force / Mode (declaratives, questions, commands).

(iii) Emphasis: grammatically (defined by rules of the language, e.g. word order and topic-focus articulation in languages with fixed word order) or semantically (in languages with relative free word order) in order to call attention to certain content, so-called verum and contrastive focus.).

(iv) Resolution of syntactic, morphemic or semantic ambiguities.

(v) Feelings of the speaker.

(vi) Physical Fitness, and many more (gender, age, origin).

The following table serves as an example for how

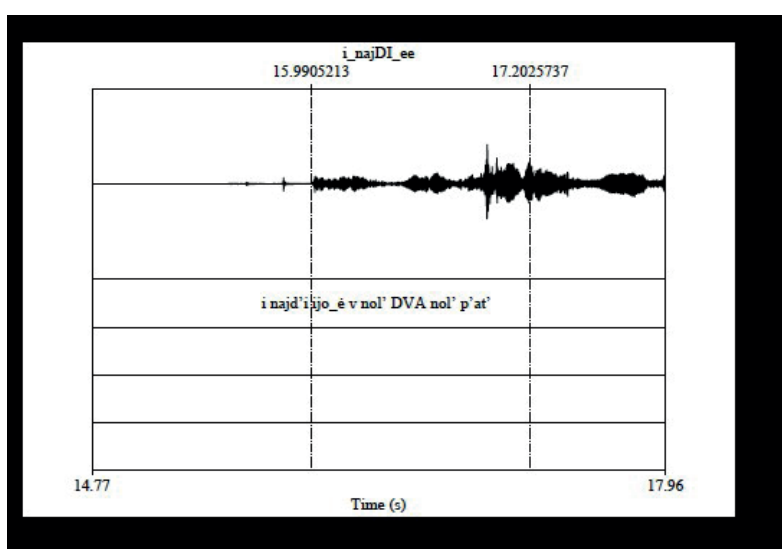

Table 3. Directive is not focused but rather the numeral DVA.

that every sound corresponds to a word -> there is a separate picture).

{01:37} 071 M DYma dyma dyma ty n'è s'uDA
zal'ès; (.) nu ka daVAJ; (.) daVAJ;

{01:40} 072 (1.48)

{01:41} 073 M DYma- (.) paŠOL- (.) paŠOL
ats'uda; (.) NU?

The analysis consists of the following parts:

1) PRAAT-spectrogram for the whole utterance
(I have also segmented the PRAAT spectrogram so

2) Mean formants for the whole utterance

3) Maximum and minimum pitches for the whole utterance

4) Maximum and minimum pitches for <VO:T>, <UMn'ica>, <s'uDA>, <daVAJ> (1), <daVAJ> (2), <DYma->, <paŠOL->, <paŠOL> <NU?>

5) Mean formants for <VO:T>, <UMn'ica>, <s'uDA>, <daVAJ> (1), <daVAJ> (2), <DYma->, <paŠOL->, <paŠOL> <NU?>

6) Spectrogram only for <VO:T>, <UMn'ica>, <s'uDA>, <daVAJ> (1), <daVAJ> (2), <DYma->, <paŠOL->, <paŠOL> <NU?>

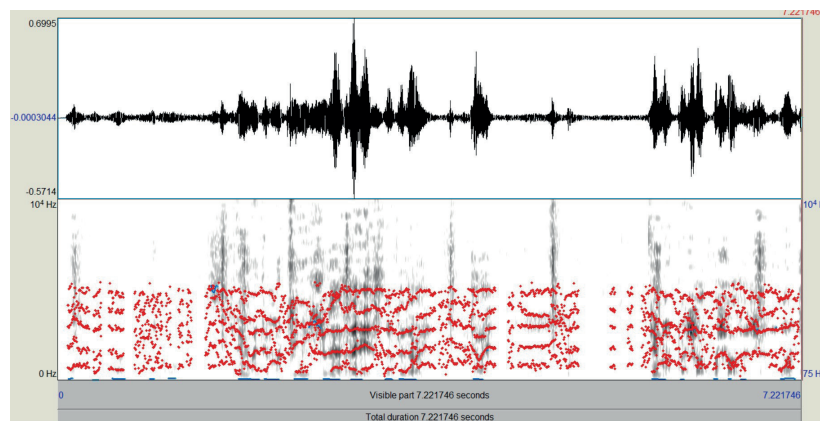

Table 4a. The whole utterance in PRAAT

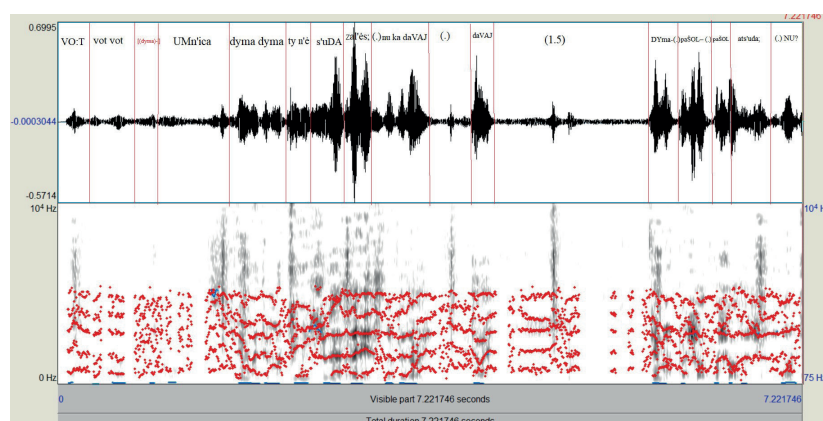

Table 4b. Sentence segments on the spectrogram

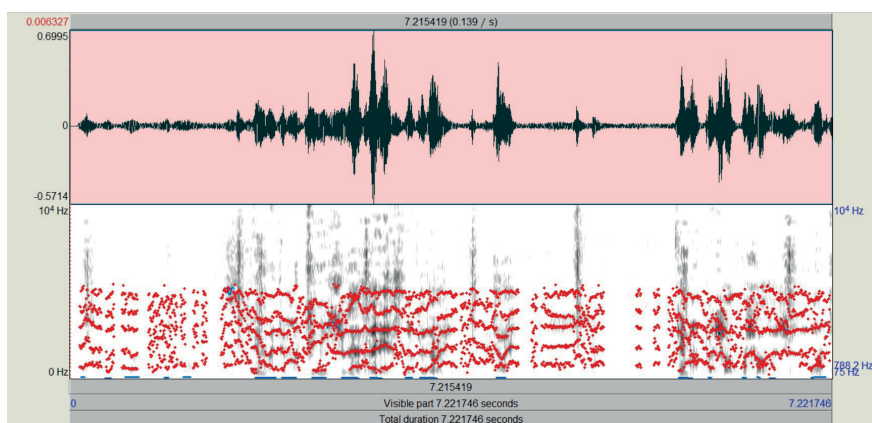

Table 4c. Mean formants for the whole utterance

908.5258106324959 Hz (mean F1 in SELECTION)
 1900.334775720959 Hz (mean F2 in SELECTION)
 2980.4661899306006 Hz (mean F3 in SELECTION)
 4002.1917089960366 Hz (mean F4 in SELECTION)
 4002.1917089960366 Hz (mean F4 in SELECTION)

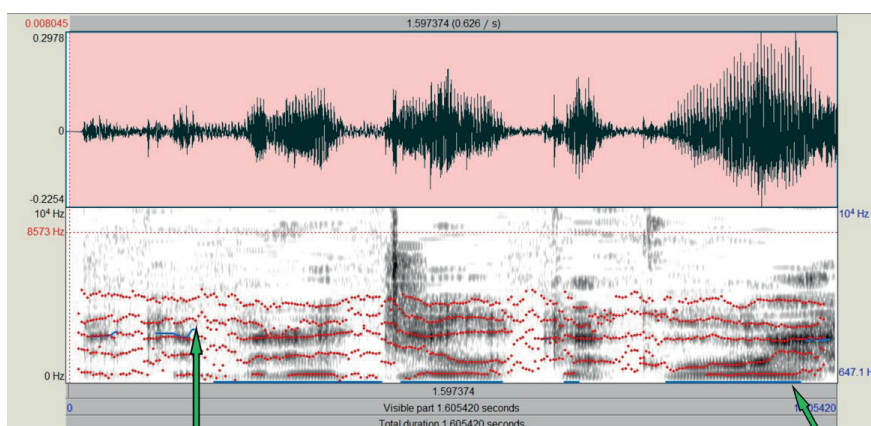

Table 4d. The maximum and minimum pitches of the whole utterance

5267.162162604605 Hz (maximum pitch in SELECTION)
 93.65122266810487 Hz (minimum pitch in SELECTION)

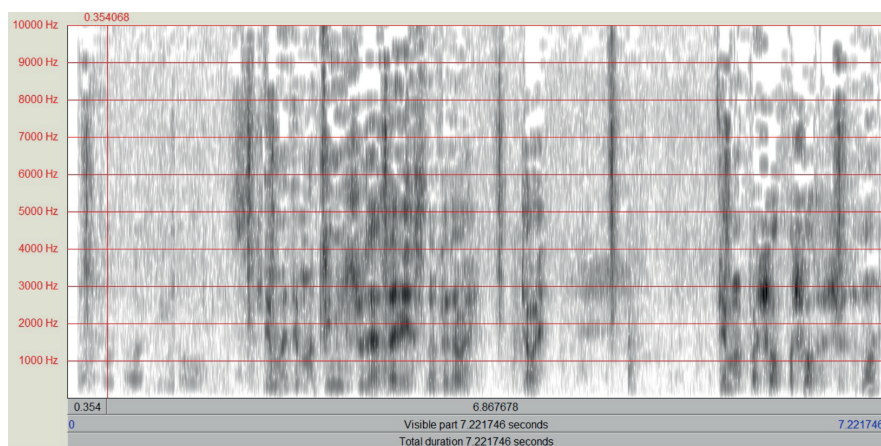
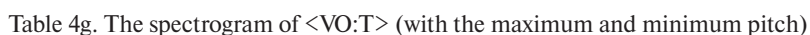

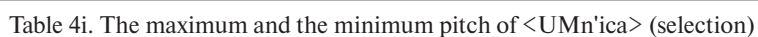
Table 4e. The detailed spectrogram of the whole utterance

157.803949690266 Hz (minimum pitch in SELECTION)

3956.9432015685225 Hz (mean F4 in SELECTION)

5797.437042238121 Hz (maximum pitch in SELECTION)
177.35772359514885 Hz (minimum pitch in SELECTION)

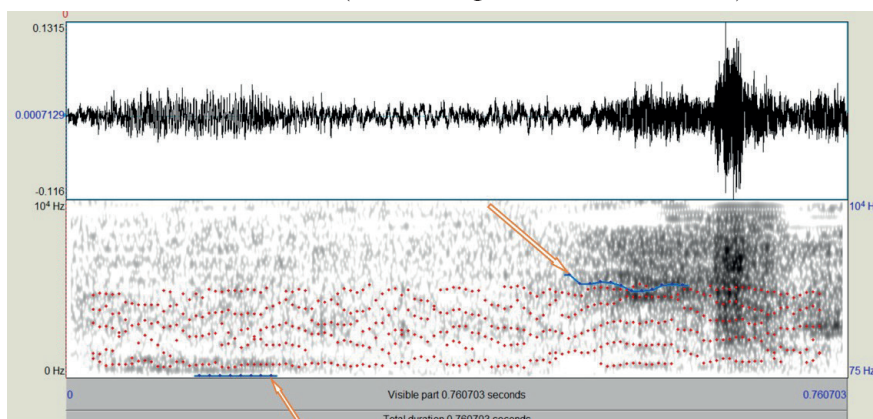

Table 4j. The spectrogram of <UMn'ica> (with the maximum and minimum pitch)

Table 4k. The mean formants of <UMn'ica>
866.8298558292134 Hz (mean F1 in SELECTION)
2038.001396226066 Hz (mean F2 in SELECTION)
3084.03131115905 Hz (mean F3 in SELECTION)
4183.460143789422 Hz (mean F4 in SELECTION)

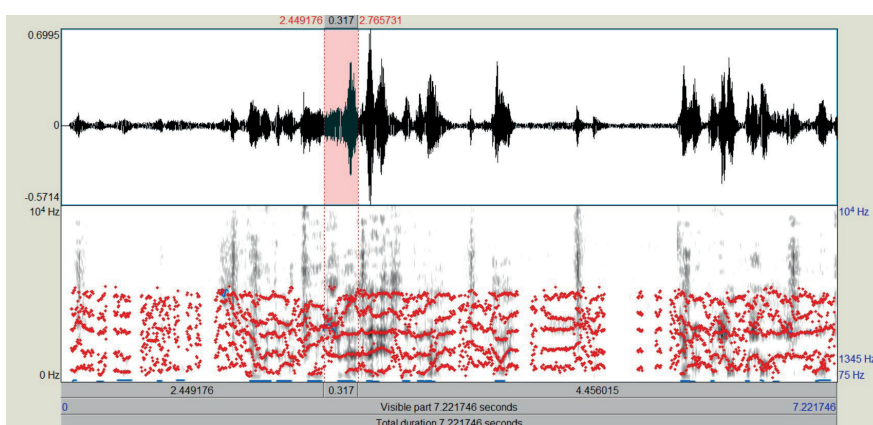

Table 4l. The maximum and the minimum pitch of <s'uDA> (selection)

3319.9894543060127 Hz (maximum pitch in SELECTION)
116.99023346841285 Hz (minimum pitch in SELECTION)

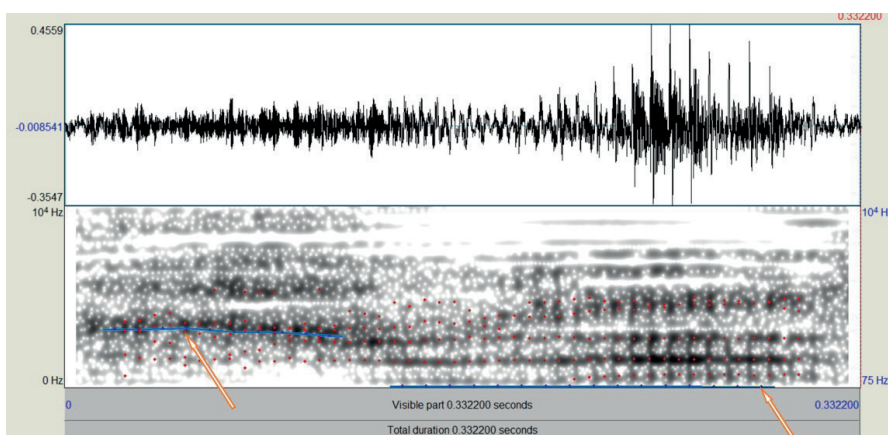

Table 4m. The spectrogram of <s'uDA> (with the maximum and minimum pitch)

794.0067199028679 Hz (mean F1 in SELECTION)
1656.917135613166 Hz (mean F2 in SELECTION)
2686.5556218709953 Hz (mean F3 in SELECTION)
3973.3699119077737 Hz (mean F4 in SELECTION)

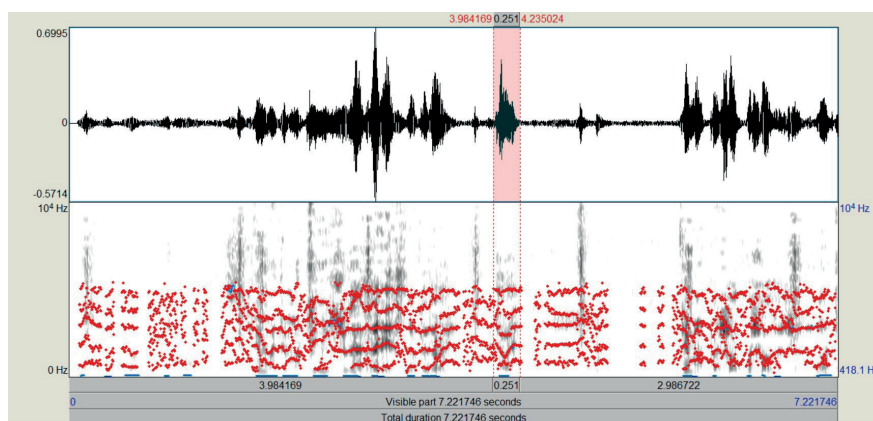

Table 4r. The maximum and the minimum pitch of <daVAJ> (2) (selection)

1718.0355203958395 Hz (maximum pitch in SELECTION)
124.02667997735372 Hz (minimum pitch in SELECTION)

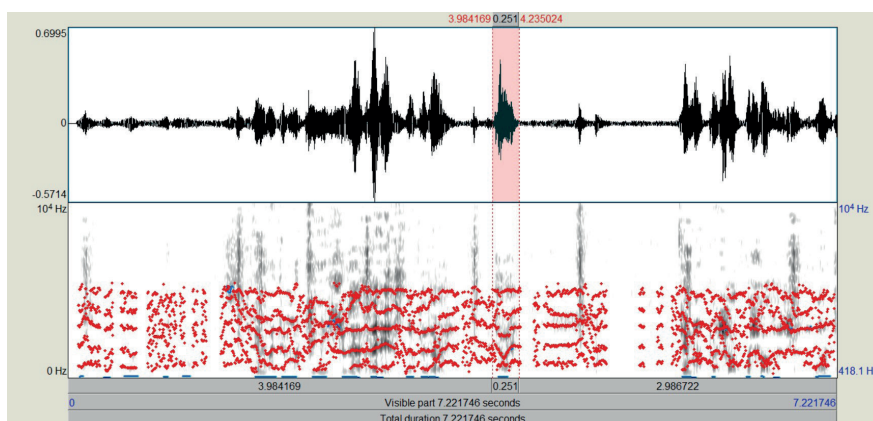

Table 4s. The spectrogram of <daVAJ> (2) (with the maximum and minimum pitch)

Table 4t. The mean formants of <daVAJ> (2)
888.9473351750596 Hz (mean F1 in SELECTION)
1646.9792341229236 Hz (mean F2 in SELECTION)
2739.2241624053468 Hz (mean F3 in SELECTION)
3890.711819828878 Hz (mean F4 in SELECTION)

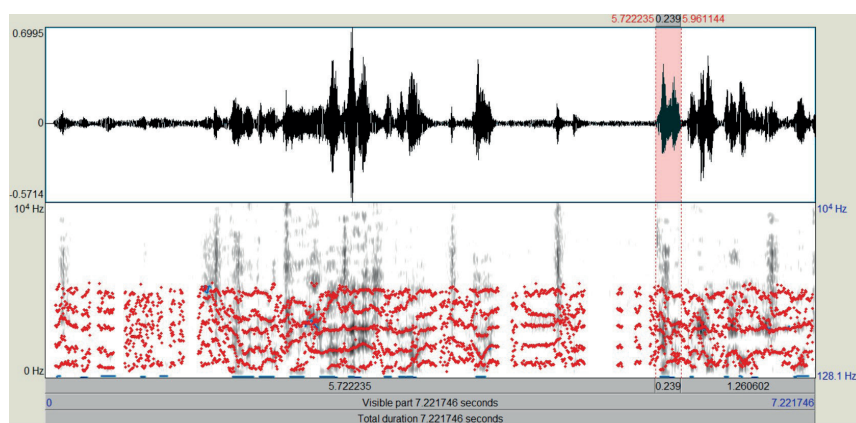

Table 4u. The maximum and minimum pitch of <DYma-> (selection)

Table 4y. The spectrogram of <paŠOL-> (with the maximum and minimum pitch)

Table 4z. The mean formants of <paŠOL—>

929.3303574195282 Hz (mean F1 in SELECTION)
 1871.8950568871903 Hz (mean F2 in SELECTION)
 2766.751525930685 Hz (mean F3 in SELECTION)
 3773.1872087984893 Hz (mean F4 in SELECTION)

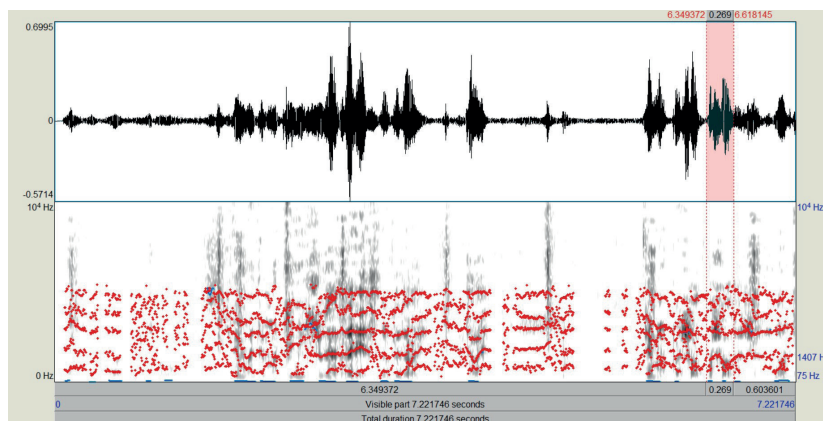

Table 4I. The maximum and minimum pitch of <paŠOL> (selection)

2916.4215755766304 Hz (maximum pitch in SELECTION)
 148.29557985956743 Hz (minimum pitch in SELECTION)

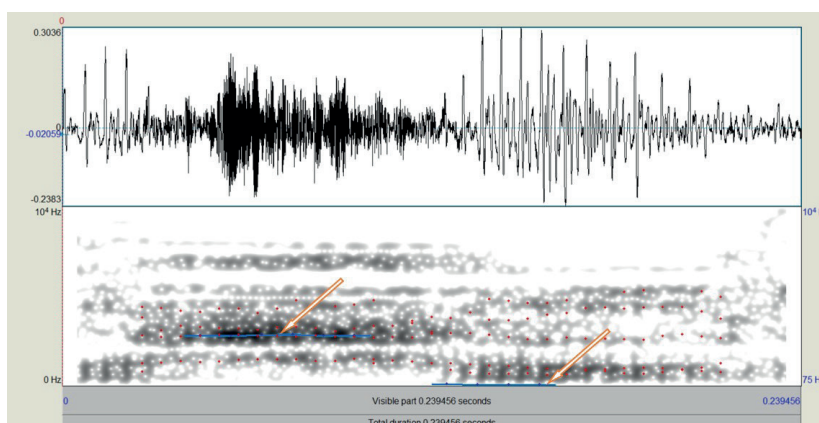

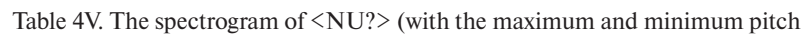
Table 4II. The spectrogram of <paŠOL> (with the maximum and minimum pitch)

Table 4III. The mean formants of <paŠOL>

960.1994591497156 Hz (mean F1 in SELECTION)
 1701.7114318026045 Hz (mean F2 in SELECTION)
 2929.8458348142185 Hz (mean F3 in SELECTION)
 4068.762680805259 Hz (mean F4 in SELECTION)

141.52417994308513 Hz (minimum pitch in SELECTION)

4012.3328827400896 Hz (mean F4 in SELECTION)

135

REFERENCES

1. **Zemskaja E.A.** Russkaja razgovornaja reč'. Lingvističeskij analiz i problemy obučenija. Moskva, 1973.
2. **Zemskaja E.A.** (ed.) Russkaja razgovornaja reč'. Fonetika. Morfologija. Leksika. Žest. Moskva, 1983.
3. **Lapteva O.A.** Russkij razgovornyj sintaksis. Moskva, 2007.
4. **Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.V., Širjaev E.N.** Russkaja razgovornaja reč'. Obščie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis. Moskva, 1981.
5. **Mills M.** (ed.) Topics in Colloquial Russian. New York u.a. (=American University Studies; Series XII, Vol. II), 1990.
6. **Borisova I.N.** et al. (eds.) Russkaja razgovornaja reč' kak javlenie gorodskoj kul'tury. Ekaterinburg, 1996.
7. **Kitajgorodskaja M.V., Rozanova N.N.** Russkij rečevoj portret. Moskva, 1994.
8. **Šalina I.V.** (ed.) Živaja reč' ural'skogo goroda: ustnye dialogi i ėpistoljarnye obrazcy. Ekaterinburg. Šmelev, D.N./Zemskaja, E.A. (eds.) (1988): Raznovidnosti gorodskoj ustnoj reči. Moskva, 2011.
9. **Docenko T.I., Erofeeva E.V., Erofeeva T.I., Permskaja, Škola sociolingvistiki: teoretičeskije i metodologičeskije osnovanija.** Vestnik Permskogo Universiteta, rossijskaja u zarubežnaja filologija, 5 (2009) 16-28.
10. **Erofeeva E.V.** Veroyatnostnaja struktura idiomov: sociolingvističeskij aspekt. Perm', 2005.
11. **Krause M.** Zur Typologie von Sprachsituationen: Binnensprachliche Variation zwischen Standard und Dialekt im heutigen Russland. Wiener Slawistischer Almanach 65 (2010) 53-81.
12. **Kallmeyer W.** (ed.) Kommunikation in der Stadt I-IV. Berlin u.a., 1994-1995.
13. **Kirilina A.V.** Russkij jazyk v megapolise kak indikator izmenenija jazykovoju situacii. In: Ždanova, V. (ed.). Russkij jazyk v uslovijach kul'turnoj i jazykovoju polifonii. Sbornik statej. München, Berlin, (2009) 75-89.
14. **Oglezneva E.A.** Russko-kitajskij pidžin: Opyt sociolingvističeskogo opisaniya. Blagoveščensk. Patton, F. (1990): Soviet Research on Urban Substandard Speech. In: Mills (ed.), (2008) 143-165.
15. **Selting M.** Interaktionale Stilistik. Methodologische Aspekte der Analyse von Sprechstilen. In: Selting, M. / Sandig, B. (eds.): Sprech- und Gesprächsstile. Berlin, New York, (1997) 9-43. 16. **Selting M.** Communicative style. In: D'hont, S. Östman, J.-O. Verschueren, J. (eds.): The Pragmatics of Interaction. Amsterdam, Philadelphia, (2009) 20-39.
17. **Selting M., Couper-Kuhlen E.** Forschungsprogramm "Interaktionale Linguistik". Linguistische Berichte 187. (2001) 257-287.
18. **Fox B.** Principles shaping grammatical practices: an exploration. Discourse Studies, 9/3 (2007) 299-318.
19. **Ford C., Fox B., Thompson S.** Social Interaction and Grammar. Tomasello, M. (ed.), The New Psychology of Language. Vol. II. Mahwah, London, (2003) 119-143.
20. **Kosta P.** Code-switching and Code-mixing Revisited in Urban and Ethnic Styles: A Brief Sketch on Variation and Language Shift. In: Warditz, Vladislava & Beatrix Kreß (eds.), Multilingualism and Translation. Studies on Slavonic and Non-Slavonic Languages in Contact. Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, (2015) 111-129.
21. **Kosta P.** Third Position Repair, Overlaps, and Code-Switching within a Strict Turn-Taking Model. In: Nadine Thielemann / Nicole Richter (eds.) Urban Voices: The Sociolinguistics, Grammar and Pragmatics of Spoken Russian Internationaler Verlag der Wissenschaften. Berlin Bern Bruxelles New York Oxford Warszawa Wien: Peter Lang, (2019) 183-191. (Potsdam Linguistic Investigations vol.25).
22. **Grenoble L.** Sintaksis i sovmestnoe postroenie repliki v russkom dialoge. Voprosy Jazykoznanija, 1 (2008) 25-36.
23. **Kibrik A.A.** Est' li predloženie v ustnoj reči. In: Archipov, A.V. et al. (eds.). Fonetika i nefonetika. K 70-letiju Sandro V. Kodzasova. Moskva, (2008) 104-115.
24. **Asinovsky A.S.** et al. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation Principles and Annotation. Matoušek V., Mautner P. (eds.). Text, Speech, and Dialogue 2009. Berlin, Heidelberg (=LNAI; 5729), (2009) 250-257.
25. **Sherstinova T.** The Structure of the ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication. Matoušek V., Mautner P. (eds.). Text, Speech, and Dialogue 2009. Heidelberg (=LNAI; 5729), (2009) 258-265.
26. **Schegloff E.A., Sacks H.** Opening Up Closings. In: Semiotica VIII, 4 (1973) 289-327.
27. **Peterson G.E., Barney H.L.** Control Methods used in a Study of Vowels. Journal of the Acoustical Society of America 24, issue 2, (1952), pp. 175-184.
28. **Selting M.** et al. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2). In: Gesprächsforschung - Online Zeitschrift zur verbalen Interaktion Ausgabe 10 (2009) 353-402 (www.gespraechsforschung-ozs.de)
29. **Sappok Ch.** Addressing by Voice: Deixis and Design. In: Thielemann, N., Richter, N. (eds.)

Urban Voices: The Sociolinguistics, Grammar and Pragmatics of Spoken Russian, Berlin etc. Peter Lang (2019), 35-62.

30. **Kosta P.** Überlegungen zum «phatischen Diskurs» (und zur phatischen Partikel 'jako') in der Konversation tschechischer Intellektueller. In:

Freidhof, G. et al. (eds.), Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität 4. Olexa Horbatsch zum Gedenken. München: Sagner 1998, 109-145.

31. **Kosta P.** Turn initial elements in Every Day Talk, to appear in Lexington Books, Maryland, USA Rowman & Littlefield

Sources/Data taken from UVUP = Urban Voices University of Potsdam. Authorized transcripts by Peter Kosta and Alexandra Kuznetcova, University of Potsdam. Copyright Peter Kosta.

Received 12.11.2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Zemskaja E.A.** Russkaja razgovornaja reč'. Lingvističeskij analiz i problemy obučenija. [Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения]. Moskva, 1973.
2. **Zemskaja E.A.** (ed.) Russkaja razgovornaja reč'. Fonetika. Morfologija. Leksika. Žest. [Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жесты] Moskva, 1983.
3. **Lapteva O.A.** Russkij razgovornyj sintaksis [Русский разговорный синтаксис]. Moskva, 2007.
4. **Zemskaja E.A., Kitajgorodskaja M.V., Širjaev E.N.** Russkaja razgovornaja reč'. Obščie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis. [Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис]. Moskva, 1981.
5. **Mills M.** (ed.) Topics in Colloquial Russian. New York u.a. (=American University Studies; Series XII, Vol. II), 1990.
6. **Borisova I.N.** et al. (eds.) Russkaja razgovornaja reč' kak javlenie gorodskoj kul'tury [Русская разговорная речь, как явление городской культуры]. Ekaterinburg, 1996.
7. **Kitajgorodskaja M.V., Rozanova N.N.** Russkij rečevoj portret [Русский речевой портрет]. Moskva, 1994.
8. **Šalina I.V.** (ed.) Živaja reč' ural'skogo goroda: ustnye dialogi i èpistoljarnye obrazcy. Ekaterinburg. Šmelev, D.N./Zemskaja, E.A. (eds.) (1988): Raznovidnosti gorodskoj ustnoj reči. Moskva, 2011.
9. **Docenko T.I., Erofeeva E.V., Erofeeva T.I.** Permskaja škola sociolingvistiki: teoretičeskie i metodologičeskie osnovanija. // Vestnik Permskogo Universiteta, rossijskaja u zarubežnaja filologija, 5 (2009) 16-28.
10. **Erofeeva E.V.** Verovatnostnaja struktura idiomov: sociolingvističeskij aspekt. Perm', 2005.
11. **Krause M.** Zur Typologie von Sprachsituationen: Binnensprachliche Variation zwischen Standard und Dialekt im heutigen Russland. Wiener Slawistischer Almanach 65 (2010) 53-81.
12. **Kallmeyer W.** (ed.) Kommunikation in der Stadt I-IV. Berlin u.a., 1994-1995.
13. **Kirilina A.V.** Russkij jazyk v megapolise kak indikator izmenenija jazykovoj situacii. In: Ždanova, V. (ed.). Russkij jazyk v uslovijach kul'turnoj i jazykovoj polifonii. Sbornik statej. München, Berlin, (2009) 75-89.
14. **Oglezneva E.A.** Russko-kitajskij pidžin: Opyt sociolingvističeskogo opisanija. Blagoveščensk. Patton, F. (1990): Soviet Research on Urban Substandard Speech. In: Mills (ed.), (2008) 143-165.
15. **Selting M.** Interaktionale Stilistik. Methodologische Aspekte der Analyse von Sprechstilen. In: Selting, M. / Sandig, B. (eds.): Sprech- und Gesprächsstile. Berlin, New York, (1997) 9-43.
16. **Selting M.** Communicative style. In: D'hont, S. Östman, J.-O. Verschueren J. (eds.): The Pragmatics of Interaction. Amsterdam, Philadelphia, (2009) 20-39.
17. **Selting M., Couper-Kuhlen E.** Forschungsprogramm 'Interaktionale Linguistik'. Linguistische Berichte 187. (2001) 257-287.
18. **Fox B.** Principles shaping grammatical practices: an exploration. Discourse Studies, 9/3 (2007) 299-318.
19. **Ford C., Fox B., Thompson S.** Social Interaction and Grammar. Tomasello, M. (ed.), The New Psychology of Language. Vol. II. Mahwah, London, (2003) 119-143.
20. **Kosta P.** Code-switching and Code-mixing Revisited in Urban and Ethnic Styles: A Brief Sketch on Variation and Language Shift. In: Warditz, Vladislava & Beatrix Kreß (eds.), Multilingualism and Translation. Studies on Slavonic and Non-Slavonic Languages in Contact. Frankfurt am Main, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Warszawa, Wien, (2015) 111-129.
21. **Kosta P.** Third Position Repair, Overlaps, and Code-Switching within a Strict Turn-Taking Model. In: Nadine Thielemann / Nicole Richter (eds.) Urban Voices: The Sociolinguistics, Grammar and Pragmatics of Spoken Russian Internationaler Verlag der Wissenschaften. Berlin Bern Bruxelles New York Oxford Warszawa Wien: Peter Lang, (2019) 183-191.

(Potsdam Linguistic Investigations vol.25).

22. **Grenoble L.** Sintaksis i sovmestnoe postroenie repliki v russkom dialoge. Voprosy Jazykoznanija, 1 (2008) 25-36.

23. **Kibrik A.A.** Est' li predloženie v ustnoj reči. In: Archipov, A.V. et al. (eds.). Fonetika i nefonetika. K 70-letiju Sandro V. Kodzasova. Moskva, (2008) 104-115.

24. **Asinovsky A.S.** et al. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication "One Speaker's Day": Creation Principles and Annotation. Matoušek V., Mautner P. (eds.). Text, Speech, and Dialogue 2009. Berlin, Heidelberg (=LNAI; 5729), (2009) 250-257.

25. **Sherstinova T.** The Structure of the ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication. Matoušek V., Mautner P. (eds.). Text, Speech, and Dialogue 2009. Heidelberg (=LNAI; 5729), (2009) 258-265.

26. **Schegloff E.A., Sacks H.** Opening Up Closings. In: Semiotica VIII, 4 (1973) 289-327.

27. **Peterson G.E., Barney H.L.** Control Methods

used in a Study of Vowels. Journal of the Acoustical Society of America 24, issue 2, (1952), pp. 175-184.

28. **Selting M.** et al. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2). In: Gesprächsforschung - Online Zeitschrift zur verbalen Interaktion Ausgabe 10 (2009) 353-402 (www.gespraechsforschung-ozs.de)

29. **Sappok Ch.** Addressing by Voice: Deixis and Design. In: Thielemann, N., Richter, N. (eds.) Urban Voices: The Sociolinguistics, Grammar and Pragmatics of Spoken Russian, Berlin etc. Peter Lang (2019), 35-62.

30. **Kosta P.** Überlegungen zum «phatischen Diskurs» (und zur phatischen Partikel 'jako') in der Konversation tschechischer Intellektueller. In: Freidhof, G. et al. (eds.), Slavische Sprachwissenschaft und Interdisziplinarität 4. Olexa Horbatsch zum Gedenken. München: Sagner 1998, 109-145.

31. **Kosta P.** Turn initial elements in Every Day Talk, to appear in Lexington Books, Maryland, USA Rowman & Littlefield

Статья поступила в редакцию 12.11.2019

THE AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Kosta Peter

Full Professor and Chair of Slavic Linguistics and Head of the Department of Slavic Languages and Literatures, Faculty of Arts at the University of Potsdam, Germany. His major research areas are Theory of Language, Generative Syntax, Corpus Linguistics, Conversation Analysis, Speech Act Theory, Politolinguistics and Sociolinguistics of Endangered Languages. He is editor of the Research Oxford Encyclopedia of Slavic Languages. Oxford University Press Oxford, UK, New York, co-editor of The Slavic Languages. An International Handbook of their Structure, their History, and their Investigation. Berlin, New York, Boston: Walter de Gruyter, Mouton Volume 1: 2009, Volume 2: 2014 and the author of 7 Monographs and 300 articles. He is on the board of many linguistic journals. In 2019, he has been nominated a Professor honoris causa at the Russian-Armenian (Slavic) University in Yerevan, Armenia.

E-mail: gavanna2002@mail.ru

Научное издание

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ГУМАНИТАРНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

**«ST. PETERSBURG STATE POLYTECHNICAL UNIVERSITY JOURNAL.
HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCE»
Том 10, № 4, 2019**

Учредитель и издатель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИИ № ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор *В.Е. Чернявская* – главный редактор
Г.А. Пышкина – ответственный секретарь

Телефон редакции 7(812)552-62-16

Сайт <http://human.spbstu.ru>

E-mail: ntv-human@spbstu.ru

Компьютерная верстка *Г.А. Пышкина*

Лицензия ЛР № 020593 от 07 августа 1997 г.

Подписано в печать 27.12.2019. Формат 60×84 1/8.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Адрес: 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

в журнале «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки»

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием. Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство ПИ №ФС77-52145 от 11 декабря 2012 г.) ISSN 2304-9758

Издание входит в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий (перечень ВАК) и принимает для печати материалы научных исследований, а также статьи для опубликования основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующим основным научным направлениям: ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОСОФСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. Научные направления журнала учитываются ВАК Минобрнауки РФ при защите докторских и кандидатских диссертаций в соответствии с Номенклатурой специальностей научных работников.

Периодичность выхода журнала – 4 номера в год.

Редакция журнала соблюдает права интеллектуальной собственности и со всеми авторами научных статей заключает издательский лицензионный договор.

2. ТРЕБОВАНИЯ К ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

2.1. Оформление материалов

1. Рекомендуемый объем статей – 12-20 страниц формата А-4 с учетом графических вложений. Количество графических вложений (диаграмм, графиков, рисунков, фотографий и т.п.) не должно превышать шести.

2. Число авторов статьи, как правило, не должно превышать трех человек.

3. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (актуальность, существующие проблемы – объем 0,5 – 1 стр.); основная часть (постановка и описание задачи, методика исследования, изложение и обсуждение основных результатов); заключительная часть (предложения, выводы – объем 0,5 – 1 стр.); список литературы (оформление по ГОСТ 7.0.5-2008).

4. УДК (UDC) оформляется и формируется в соответствии с ГОСТ 7.90-2007.

5. Набор **текста** осуществляется в редакторе **MS Word**.

6. **Формулы** набираются в редакторе MathType (не во встроенном редакторе Word) (мелкие формулы, символы и обозначения набираются без использования редактора формул). **Таблицы** набираются в том же формате, что и основной текст. В тексте буква «ё» заменяется на букву «е» и оставляется только в фамилиях.

7. **Рисунки** (в формате .tiff, .bmp, .jpeg) и **таблицы** оформляются в виде отдельных файлов. Рисунки представляются только в черно-белом варианте. Шрифт – **Times New Roman**, размер шрифта основного текста – 14, интервал – 1,5. Таблицы большого размера могут быть набраны кеглем 12. Параметры страницы: поля слева – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1,5 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

2.2. Представление материалов

1. Представление всех материалов осуществляется в электронном виде через электронную редакцию (<http://journals.spbstu.ru>). После регистрации в системе электронной редакции автоматически формируется персональный профиль автора, позволяющий взаимодействовать как с редакцией, так и с рецензентом.

2. Вместе с материалами статьи должно быть представлено экспертное заключение о возможности опубликования материалов в открытой печати.

3. Файл статьи, подаваемый через электронную редакцию, должен содержать только сам текст без названия, списка литературы, аннотации и ключевых слов, фамилий и сведений об авторах. Все эти поля заполняются отдельно через электронную редакцию.

2.3. Рассмотрение материалов

Предоставленные материалы (п. 2.2) первоначально рассматриваются редакционной коллегией и передаются для рецензирования. После одобрения материалов, согласования различных вопросов с автором (при необходимости) редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи. В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

При отклонении материалов из-за нарушения сроков подачи, требований по оформлению или как не отвечающих тематике журнала материалы не публикуются и не возвращаются.

Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

При поступлении в редакцию значительного количества статей их прием в очередной номер может закончиться досрочно.

Более подробную информацию можно получить по телефону редакции:

7 (812) 552-62-16 с 10.00 до 17.00 – Пышкина Галина Александровна

или по e-mail: ntv-human@spbstu.ru